

Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 46

Н.Ф. Левин

ПСКОВИЧИ – ВО СЛАВУ
ПУШКИНА

2008

*Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ
Федеральное государственное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)»*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 46

Н.Ф. Левин

**ПСКОВИЧИ – ВО СЛАВУ
ПУШКИНА**

Сельцо Михайловское – Псков

2008

ББК 83.3 (2Рос=Рус)1
Л 34

Серия основана в 1996 году.

Левин Н.Ф.

Л 34 Псковичи — во славу Пушкина / Н.Ф. Левин. — Сельцо Михайловское: Псков, 2008. — 144 с. — («Михайловская пушкиниана»: вып. 46).

ISBN 978-5-94542-234-6

Настоящая книга – сборник статей известного псковского краеведа, Почётного гражданина города Пскова Натана Левина. Здесь собраны опубликованные в разные годы в городской и областной периодике и к моменту издания книги дополненные новыми материалами работы о псковских знакомых и приятелях Пушкина, о местах, где в губернском городе мог бывать поэт, а также о стараниях псковичей идеями и делами увековечить память своего великого «земляка по Михайловскому». Книга выходит в свет накануне 80-летия автора.

ББК 83.3 (2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-94542-234-6

(ГППО «Псковская областная типография»)

© Левин Н.Ф., 2008

© Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское», 2008

© ГППО «Псковская областная типография», допечатная подготовка, 2008

Нет места лени и нелюбопытству...

«Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны», — с горечью констатировал Пушкин, размышляя о странной судьбе Грибоедова. До сих пор мы часто повторяем эти слова, сталкиваясь с отсутствием сведений о выдающихся людях или памятных местах. Но есть люди, которые опровергают формулу Пушкина. Это — краеведы. В академической науке сложилось несколько пренебрежительное отношение к тем, кто занимается местной историей. Академическая наука требует, чтобы историки оперировали фактами в масштабах регионов и больших общностей людей. Да и разгром краеведения в 1930-х годах, как бы странно это ни прозвучало, до сих пор «отзывается» в российской провинции...

А ведь краеведы — это не просто историки. Как правило, это подвижники и энтузиасты, страстно любящие свой край и несмотря ни на что исследующие историю отдельного, но уникального, как всё родное, — дома, храма, рода земляков или предков. Не будем скрывать, порою энтузиазм перевешивает научную работу, и тогда на свет появляются восторженные, но уязвимые для критики публикации. И в этом — ещё одна причина настороженного отношения научной общественности к краеведению. Но любую науку делает не масса, а личности. Есть Краеведы с большой буквы. Их, увы, немного.

Один из наиболее ярких и интересных представителей подлинного псковского краеведения — Натан Левин. В его работе удивительным образом соединяются профессионализм историка-исследователя и неподдельная любовь к родному городу, к Псковской земле. В его статьях нет ни одного непроверенного факта, в них не встретишь и мельчайшей небрежности — к событию ли, к слову ли. И в то же время в каждой строчке — великая гордость за псковичей, на каком бы поле деятельности они себя ни проявили. И глубочайшая убежденность в том, что любая

пусть самая мелкая деталь псковской истории заслуживает изучения и интереса.

Пушкин в Михайловском — неотъемлемая часть псковской истории. В предлагаемом читателю выпуске «Михайловской пушкинианы» собраны статьи Натана Левина о пушкинских страницах в истории Пскова, о том, что сделали псковичи, чтобы увековечить, упрочить славу великого поэта, которого по сердечному праву считали и своим земляком тоже... Прочитайте эту книгу — и вы не только узнаете много нового о Пскове пушкинского и послепушкинского времени, но и поймёте, что краеведение — это любовь к малой родине и людям, живущим рядом. И в любви этой нет места лени и нелюбопытству.

*Елена Ступина,
заместитель директора
Государственного Пушкинского Заповедника
по научно-музейной части*

Третий дом губернатора (Пушкин у псковского губернатора Адеркаса)

В связи с учреждением Псковской губернии местная администрация занялась устройством казённой квартиры для губернатора. Для этого в 1785 году на главной — Торговой — площади Пскова специально построили губернаторский дом. Однако в начале Отечественной войны против Наполеона гражданский губернатор князь Пётр Иванович Шаховской уступил всё здание под госпиталь (позднее, с 1828 года, здесь расположились губернские Присутственные места), а сам снял под свою казённую квартиру особняк сенатора Николая Андреевича Беклешова над набережной реки Великой, напротив церкви Святого Георгия со Взвоза (дом № 4 по Георгиевской улице сохранился и до сих пор). Но не прошло и пяти лет, как тот же отзывчивый губернатор согласился уступить и это помещение — теперь для размещения губернской мужской гимназии. Тогда у Беклешова выкупили всё домовладение, и в ноябре 1817 года, после ремонта и обустройства, гимназия переехала сюда.

Для проживания губернатора на сей раз неподалёку приобрели другое довольно обширное домовладение. Более иных псковских губернаторов (без малого десять лет) здесь квартировал действительный статский советник Борис Антонович фон Адеркас, сменивший на этом посту князя Шаховского 12 декабря 1816 года.

Губернатор Адеркас остался известным в истории Пскова прежде всего потому, что здесь с ним несколько раз встречался Пушкин. Губернатору довелось немало заниматься делами ссыльного поэта. При этом барон Адеркас отнёсся к Пушкину с явным сочувствием.

29 июля 1824 года одесский градоначальник приказал коллежскому секретарю Пушкину, уволенному со службы по Высочайшему повелению императора Александра I, «...без замедления отправиться из Одессы к месту назначения в губернский город Псков, не останавливаясь ни где на пути по своему произволу, а по прибытии в Псков явиться лично к Г-ну Гражданскому Губернатору». Вопреки этому предписанию опальный поэт поехал прямо в Михайловское, куда и прибыл 9 августа. Губернатору пришлось вызывать к себе в Псков непокорного отставного чиновника, чтобы получить от него подпись: «жить безотлучно... в поместье родителя своего, вести себя благонаравно, не заниматься никакими неприличными сочинениями и суждениями, предосу-

дательными и вредными общественной жизни, и не распространять оных никуда». Очевидно, дата на документе не проставлена преднамеренно (и поэтому пушкинисты не могут конкретно указать, когда Пушкин впервые побывал в Пскове). Рапорт начальству — маркизу Филиппу Осиповичу Пауллуччи — о получении этой подписки и установлении надзора за ссыльным поэтом Адеркас отправил только 4 октября, причём о нарушении маршрута и несвоевременной явке Пушкина в Псков не обмолвился.

Через губернатора шла вся переписка, связанная с желанием Пушкина выбраться из ссылки и под видом лечения аневризма попасть за границу. Не зная подлинных мотивов ходатайства о выезде для лечения, Адеркас ещё до разрешения высшего начальства предложил поэту иметь жительство в Пскове.

О внимательном отношении губернатора к себе Пушкин сообщал в письмах к друзьям. 6 октября 1825 года он пишет В.А. Жуковскому: *«На днях, увидя в окошко осень, сел я в тележку и прискакал во Псков. Губернатор принял меня очень мило, я поговорил с ним о своей жиле. <...> Губернатор обещался отнестись, что лечиться во Пскове мне невозможно...»* (то есть поддержал затею Пушкина. — Н.Л.). А в письме к П.А. Вяземскому Пушкин сообщал не без иронии: *«Губернатор также был весьма милостив; дал мне переправить свои стихи-с. Вот какво!»*

В ведомостях о состоящих под надзором полиции, проживающих в Псковской губернии, губернатор неизменно отмечал, что Пушкин ведёт себя хорошо. Особенно частыми стали их встречи в 1826 году, когда с тем же ходатайством о выезде для лечения Пушкин обратился через губернатора уже к новому царю. Наконец к Адеркасу прибыл фельдъегерь с секретной депешей о Высочайшем разрешении Николая I на приезд Пушкина в Москву. В тот же день, 4 сентября, несмотря на секретность документа, губернатор снял с него копию и послал с нарочным в Михайловское, прося *«милостивого государя Александра Сергеевича... поспешить приехать сюда и прибыть ко мне»*. Через два дня, попрощавшись с губернатором, Пушкин в сопровождении того же фельдъегеря поскакал в Москву. Это была его последняя встреча с Адеркасом. Уже через неделю, 12 сентября 1826 года, в управление Псковской губернией вступил новый губернатор, действительный статский советник Андрей Фёдорович Квитка.

По мнению пушкинистов, поэт бывал у Адеркаса и в гостях на званых вечерах. А за пять лет до Пушкина такие же вечера в том же губернаторском доме посещала 20-летняя Анна Петровна Керн. В «Дневнике для отдохновения», который она вела в 1820 году, когда её 55-летний муж командовал в Пскове одной из бригад, сообщалось: *«Губернаторша и её муж — премилые люди»*.

Как ни странно, в краеведческой литературе долго не указывали точное место, где тогда находился губернаторский дом. Отмечалось лишь, что он давно уже не существует, а стоял недалеко от древней Покровской башни на

Фасад дома, купленного в 1815 году для проживания губернатора

живописном берегу и сад выходил к самой реке. Такая неопределённость, а также отсутствие изображения этого здания заставили заняться поисками. В Государственном архиве Псковской области по описи фонда канцелярии губернатора нашлось интересное дело — «О исправлении казённого губернаторского дома, о продаже оного и покупке нового, о починке и перестройке оного», относящееся к 1829—1835 годам.

Из бумаг этого объёмистого дела стало известно, что деревянный одноэтажный дом для проживания губернатора был куплен казною в 1815 году. В деле имеется не только подробнейшее описание каждой комнаты, но и рисунок дома. Более того, на многоцветном «ситуационном плане», составленном псковским губернским архитектором Францем Ябсом 18 июня 1831 года, дана планировка всего земельного участка, протянувшегося на 60 сажений (128 метров) от одной улицы к другой.

К сожалению, названия этих улиц в деле не указаны. Поиск пришлось продолжить в Российском государственном историческом архиве. Там в тоненькой папке планов и чертежей гражданской архитектуры под названием «Дом статского советника Адеркаса со службами» хранятся три больших листа чертежей, в том числе план участка. На нём обозначены и улицы, между которыми располагалась усадьба: Успенская, вдоль которой протянулся главный корпус, и сзади Георгиевская. Кстати, из плана видно, что сад не выходил к реке — их разделяла эта проезжая улица, а за нею на восток — чужие дворы и крепостная стена. Следует также учитывать, что храм Георгия со Взвоза стоял на перекрёстке двух улиц, так что по нему Георгиевской в народе называли то улицу, шедшую параллельно реке Великой, то перпендикулярную ей.

Дальнейшая судьба губернаторского дома позволяет окончательно уточнить его местоположение. В 1830 году А.Ф. Квитку на посту псковского губернатора сменил губернский предводитель дворянства Алексей Никитич Пещуров, давний знакомый Пушкина, дядя его лицейского товарища князя Александра Михайловича Горчакова. Алексею Никитичу не нравилось это старое деревянное здание, простоявшее уже более 60 лет. В рапортах столичному начальству Пещуров называл губернаторский дом совершенно ветхим, требующим зна-

чительных расходов на капитальный ремонт. Полтора года новый губернатор добивался разрешения на продажу этого дома с публичных торгов и добился. 3 февраля 1833 года на окончательных торгах наивысшую цену — 8.010 рублей — назвал псковский дворянин Евгений Александрович Окунев (1802—1882; статский советник, избирался предводителем дворянства Псковского уезда, служил председателем Псковской палаты гражданского суда, состоял гласным Губернского земского собрания).

Каменный фундамент, стены и крыша бывшего губернаторского дома оказались достаточно прочными, и здание прослужило ещё сотню лет. Домовладение Окуневых на Успенской улице было хорошо известно псковичам: здание находилось между мужской гимназией и садом учительской семинарии. Популярными были и принадлежавшие Окуневу лучшие в городе торговые (то есть общественные, платные, причём построенные не за счёт государственной казны — казённые, а за счёт частного капитала. — *Прим. ред.*) бани, стоявшие неподалёку, на набережной реки Великой. Их до самой войны в народе называли Окуневскими. А лицевой (то есть расположенный по так называемой «красной линии» улицы) дом сестёр Окуневых (дочерей Евгения Александровича) на Успенской в августе 1899 года арендовали для открывавшегося 1-го министерского мужского училища. В нём почти два десятилетия бесменно преподавал и был директором известный учитель Сергей Иванович Чубарев.

После революции, в 20-е годы, там, в доме № 7 на Успенской (сейчас Калинина) улице, располагался детский дом имени Александра Николаевича Винокурова — наркома соцобеспечения. Так что бывший губернаторский дом, где у барона Адерхаса бывал Пушкин, исчез не так уж давно, во время последней войны. Его территория стала спортивной площадкой 1-й средней школы, наследницы знаменитой Псковской мужской губернской гимназии, на улице Калинина, 5.

Из псковских легенд о Пушкине

При изучении дореволюционных псковских периодических изданий мне встретилась любопытная публикация. Эту небольшую заметку напечатал «Псковский городской листок» 22 апреля 1898 года. Она, по существу, анонимна, так как подписана только одной буквой «W», — такой «таинственный» псевдоним вряд ли удастся расшифровать.

Вот её текст.

А. С. Пушкин на станции Кресты

Известно, что открытое в начале 30-х годов Санкт-Петербург-Варшавское шоссе прошло мимо Пскова в пятиверстовом расстоянии, где намечена была станция Кресты, куда псковичи и должны были выезжать, чтобы взять лошадей и следовать в Петербург или Варшаву. Участок шоссе сейной дороги, выстроенный особо, по повелению государя Николая I от Крестов до Пскова, названный Николаевским, открыт после, в 1839 году. Само собой разумеется, что лошадей на станции не всегда можно было застать готовыми, приходилось и ожидать очереди. Тогда нашёлся предприниматель некто г. Шитин, который выстроил недалеко от станции особый дом, где и открыл гостиницу для проезжающих. Желая получить субсидию в этом полезном деле и чтобы доказать пользу от его заведения многим проезжающим, в том числе высокопоставленным, он завёл особую книгу, в которую просил при выезде записывать фамилию.

В одно время там останавливался и ночевал Александр Сергеевич Пушкин (начало 30-х годов). При выезде ему поднесена была указанная выше книга, которую он взял и, к ужасу содержателя гостиницы, начертил следующее:

«На станции Кресты, уставши, ночевал...

Чай пил там с булкой пресной.

И за ... ходил я всем известной».

Верна ли эта надпись оригиналу, ответить не могу; в таком виде передал мне Фёдор Михайлович Плюшкин, слышавший об этом от своего старика-родителя. О самой книге известно: эту надпись прочла следующая проезжающая — одна графиня, которая при этом фыркнула и книгу бросила. Больше он не решился предлагать книгу и, может быть, уничтожил её.

Позволю себе небольшой комментарий. Как известно, о Пушкине в старые времена ходило много анекдотов, издавались даже целые сборники их. Этот рассказ в других источниках пока не встречался. Есть и некоторые другие — существенные — замечания. Хотя подробных публикаций по истории псковской станции Кресты не было, но известно, что этот участок шоссе построен позднее. С южной стороны от города Острова последняя почтовая станция перед Псковом была тогда в селении Черёха. По легенде, именно там Пушкин сочинил эпиграмму на губернатора Адеркаса («...плохо кормите вы нас...»). А из Пскова в сторону Петербурга при Пушкине ездили по Старо-Новгородской дороге, через Любятово. К тому же нет документальных сведений, подтверждающих существование гостиницы Шитина при станциях Кресты или Черёха.

Следует также обратить внимание на ещё одну явную неточность: старик-родитель вряд ли мог рассказать эту историю купцу Фёдору Михайловичу Плюшкину, известному псковскому коллекционеру, создавшему в Пскове уникальный музей древностей. Отец Ф.М. Плюшкина скончался в 1847 году, когда будущему коллекционеру было лишь десять лет и он жил ещё в Валдае и не переехал в Псков. Правда, его дяди уже жили в нашем городе, имели здесь большой дом.

Впрочем, в 1898 году, когда заметка появилась в «Псковском городском листке», сам Ф.М. Плюшкин был ещё жив и здоров и мог бы выступить с её опровержением. Но этого он не сделал.

Однако трудно представить себе, что такая легенда о стишке в книге для проезжающих, не имеющая, кажется, аналогов, появилась совсем на пустом месте...

Легенда о пушкинском крестнике и некоторые другие подробности о псковских Назимовых и Набоковых

В последний год михайловской ссылки А.С. Пушкин особенно часто бывал в Пскове. За этот 1826 год поэт приезжал сюда не менее шести раз и в общей сложности провёл в губернском городе примерно два месяца. Здесь он подружился с Гавриилом Петровичем Назимовым, останавливался в его псковском доме, выезжал в его родовое имение Преображенское Псковского уезда (ныне Назимово Москвинской волости Псковского района). В популярном дореволюционном путеводителе «Спутник по древнему Пскову» Николай Фомич Окулич-Казарин сообщил, что «...сын Назимова Владимир Гаврилович был крестником великого поэта. (Об этом мы слышали от нынешнего председателя уездной земской управы Вл. Вл. Назимова)».

Псковские историки не раз пытались проверить семейное предание Назимовых. В материалах Государственного архива Псковской области они нашли прошение Г.П. Назимова от 10 декабря 1825 года о внесении его сына Владимира в дворянскую родословную книгу. Однако к прошению, вместо обычной метрической выписки о рождении сына, в которой указываются и восприемники новорождённого, приложено свидетельство «благородных особ Псковской губернии» о том, что «*малолетний Владимир Гаврилович Назимов есть действительно законный Псковской губернии помещика штаб-ротмистра и кавалера Гавриилы Петровича Назимова сын, прижитый с супругою его Вильгельминою Петровной, урождённой Шефер*».

Свидетельство, среди прочих, подписали отставной подполковник Николай Набоков, коллежский секретарь Сергей Назимов и гвардии штабс-капитан Михаил Назимов. Было непонятно, почему Назимов собирал подписи свидетелей, а не взял в консистории запись о рождении сына. Краеведы полагали, что Владимир родился слабеньким и его крестили не сразу после рождения, а через год-два, когда он окреп. Этот довод, сомнительный сам по себе, в данном случае вообще не выдерживает критики: зачем хлопотать о записи в родословную книгу слабенького, даже не крещёного ребенка, собирать подписи, а не окрестить его?

Все стало ясно, когда петербургский любитель генеалогии Андрей Шумков по моей просьбе отыскал в архиве Департамента геральдии документы о

дворянстве Назимовых. Оказалось, что Владимир Гаврилович родился еще 14 января 1824 года, и не в России, а в немецком Гамбурге, то есть очевидно, на родине матери — Вильгельмины Петровны. Там же он был крещён в христианскую веру лютеранским пастором. Быстро вытребовать оттуда метрическую выписку Гавриил Петрович не мог (или не захотел) и предпочёл получить свидетельство местных дворян, знавших, что Владимир — его родной, законнорождённый сын.

Через два года после рождения Владимира, 30 марта 1826 года, у Гавриила Петровича и Вильгельмины Петровны Назимовых появился на свет второй сын. Его окрестили именем Никандр 7 мая того же года в Псковоградской Космодемьянской церкви. Восприемниками Никандра записаны Николай Александрович Набоков (упомянутый выше) и полковница Ольга Михайловна Фигнер. Одновременно в тот же день в той же церкви и с теми же восприемниками был присоединён к православной вере через миропомазание старший сын — Владимир Назимов.

Итак, Пушкин не был его крёстным отцом. Однако, узнав дату и место крещения Владимира, можно понять, как возникла эта легенда. Ещё в феврале 1826 года поэт более недели гостил в Пскове у Назимовых, стараясь разузнать, что слышно здесь о суде над друзьями-декабристами. В начале мая Пушкин вновь приехал в Псков, чтобы обсудить с губернатором возможность подачи прошения новому императору о выезде на лечение, 11 мая он дал подписку о непринадлежности к тайным обществам.

Можно не сомневаться, что за четыре дня до этого, 7 мая, он присутствовал на торжестве по поводу крещения малолетних братьев Назимовых. Новообращённому Владимиру Назимову было уже более двух лет; гости, в том числе и Пушкин, уделяли ему немало внимания. Вероятно, с годами рассказ о том, что поэт был на его крестинах, претерпел небольшое изменение, и стали говорить: Пушкин был крёстным отцом маленького Владимира.

Дружеские отношения поэта с семьёй Назимовых после крестин ещё более окрепли. Уже в конце того же мая 1826 года Пушкин вновь приехал в Псков,

Гавриил Петрович Назимов

две недели жил у Гавриила Петровича и выезжал на несколько дней в его имение Преображенское.

О крёстной матери Владимира и Никандра Назимовых в псковской краеведческой литературе упоминалось не раз. Ольга Михайловна Фигнер названа полковницей, так как она была вдовой героя Отечественной войны 1812 года полковника Александра Самойловича Фигнера (сына псковского вице-губернатора).

Кто же такой отставной подполковник Николай Александрович Набоков, подписавший вместе с другими дворянами свидетельство о законном рождении Владимира Назимова и ставший его крёстным отцом? Многие годы он не удостоивался внимания местных исследователей.

Только во время перестройки к российскому читателю пришли произведения всемирно известного писателя Владимира Владимировича Набокова. Появились отечественные труды о творчестве Набокова, проводятся Набоковские чтения, по радио читают отрывки из его романов и рассказы, отдельные произведения писателя включены в программу средней школы...

Поэтому псковичи могут гордиться тем, что у писателя Набокова были псковские корни, а Николай Александрович — его родной прадед. Попытаемся разобраться, что привело Н.А. Набокова в Псков.

Николай Набоков родился 26 декабря 1795 года в военной семье. Его отец Александр Иванович Набоков (1749 — 29 ноября 1807 года) дослужился до чина генерала от инфантерии, награждён одним из высших российских орденов — Святого Александра Невского, при Павле I был близок ко двору, похоронен в Александро-Невской лавре.

Генерал мечтал о военной карьере и для своих сыновей. Старшего сына Ивана, родившегося 11 марта 1787 года, он определил в Пажеский корпус. В начале 1806 года выпускника корпуса произвели в поручики лейб-гвардии Семёновского полка. Уже в следующем году полк принял участие в походах против Наполеона. 2 июня 1807 года поручик Набоков отличился в сражении под прусским городом Фридландом и был награждён золотой шпагой с надписью «За храбрость», а вскоре произведён в штабс-капитаны. Через два года он уже капитан, ещё через два года 24-летний Иван Александрович Набоков стал полковником.

Вместе с семёновцами И. Набоков героически сражался на Бородинском поле (за что был удостоен ордена Святой Анны 2-й степени), преследовал отступавших французов под Тарутиным, Малоярославцем и при переправах через Неман, Вислу, Одер и Эльбу. Особенно запомнился август 1813 года: непрерывные бои под Кульмом, Люцеюном и Пирке, уничтожение вражеского корпуса генерала Вандама, награждение орденом Святого Владимира 3-й степени и чином генерал-майора, назначение шефом Севского пехотного полка.

Теперь уже с этим полком молодой генерал участвовал в «Битве народов» под Лейпцигом 4 октября 1813 года, во всех сражениях на территории Франции.

Иван Александрович Набоков

и 18 марта 1814 года вступил в Париж. За десять дней до этого он был ранен, но остался в строю. За взятие Парижа его наградили золотой шлягой с алмазами. Портрет храброго генерала украсил Военную галерею Зимнего Дворца.

После войны Иван Александрович женился на дочери генерала-лейтенанта Екатерине Ивановне Пуцвиной — сестре будущих декабристов Ивана и Михаила Пуцвиных. 16 февраля 1822 года И.А. Набокова назначили начальником 3-й пехотной дивизии. Дивизия квартировала в Пскове, и супруги Набоковы со старшими детьми переехали сюда. А неподалёку в сельце Михайловском Опочецкого уезда в августе

1824 года оказался лицейский друг Ивана Пуцвина — Александр Пушкин.

Чтобы навестить ссыльного поэта, Пуцвин, служивший тогда в Москве, решил воспользоваться этим соседством, хотя приятели отговаривали его от такого рискованного шага. Оформив отпуск по службе, Иван Иванович побывал у отца в Петербурге, затем несколько дней гостил у Набоковых в Пскове и ночью 11 января 1825 года помчался в Михайловское к Пушкину. До конца жизни друзья сохранили память об этой своей последней встрече.

Естественно, что после восстания декабристов Пушкин, приезжая в Псков, обязательно навещал Набоковых, справлялся о судьбе арестованных друзей, а уезжая из Псковской губернии в декабре 1826 года и прощаясь с Набоковыми, поэт оставил им для пересылки в Сибирь своё знаменитое стихотворное послание к Пуцвину:

Мой первый друг,
Мой друг бесценный...

И.А. Набоков немало хлопотал, стараясь облегчить трудности сибирской ссылки шурина. Для этого он воспользовался, в частности, знакомством с псковским архиепископом Евгением Казанцевым, переведённым в 1825 году в Тобольск. Кстати, здесь, в Пскове, Набоков в августе 1826 года получил звание генерал-лейтенанта. Через полтора года ему поручили командование сводной дивизией 5-го пехотного корпуса, и супруги Набоковы покинули Псков. Впрочем,

генерал Набоков бывал здесь и позднее. С 1832 года он 15 лет командовал отдельным Гренадерским корпусом, два полка которого перевели в Псков. При нём в Пскове к концу 1830-х годов на шоссе в версте от Сергиевских городских ворот были построены кирпичные полковые казармы и Николаевская церковь с манежем (те самые казармы, остатки стен которых на Октябрьском проспекте, 50, после Великой Отечественной были использованы для строительства заводских помещений, в которых теперь размещены торговые и прочие фирмы). Тогда «Псковские губернские ведомости» не раз сообщали о приездах Набокова, получившего в декабре 1835 года звание генерала от инфантерии, а в феврале 1844-го пожалованного в генерал-адъютанты.

Из двух сыновей Ивана Александровича и Екатерины Ивановны, появившихся в Пскове, особо отметим Ивана Ивановича Набокова, судьба которого оказалась связанной с родным городом. Он родился здесь 18 августа 1828 года, в 1844-м окончил тот самый Александровский лицей, среди первых выпускников которого были Александр Пушкин и Иван Пущин. Он успешно служил в столичных учреждениях, а 14 декабря 1857 года его назначили вице-губернатором Вильно и в апреле 1862-го произвели в действительные статские советники. Однако уже в июле следующего года военный генерал-губернатор М.Н. Муравьев (известный жестоким подавлением польского мятежа) добился отзыва Ивана Ивановича Набокова в Министерство внутренних дел — тот осмелился оспаривать мнение начальства!

Новое назначение Набоков получил только 22 февраля 1865 года и по другому министерству — финансов, но зато в родной Псков: председателем Казённой палаты (третье должностное лицо после губернатора и вице-губернатора).

И.И. Набоков активно включился и в общественную жизнь города: стал одним из учредителей Псковского музыкального общества и местного управления Российского общества попечения о раненых и больных воинах. Супругу Набокова Прасковью Гавриловну избирали председателем Женского благотворительного общества Святой Марии. А Иван Иванович согласился исполнять обязанности казначея общества. Через семь лет он покинул службу «по расстроенному здоровью и важным домашним обстоятельствам», долго лечился за границей и скончался в феврале 1882 года.

Но вернемся к брату генерала — Николаю Александровичу Набокову (прадеду писателя). 1 мая 1805 года отец определил девятилетнего мальчика в Морской кадетский корпус. Через пять лет, 8 июня 1810 года, ему пожаловали звание гардемарина, а 25 сентября 1812 года выпустили из корпуса мичманом в 41-й корабельный экипаж. Молодой моряк совершил немало плаваний во внутренних водах и в зарубежные порты. В 1817 году, произведённый в лейтенанты флота, он участвовал в исследованиях Новой Земли, и там его именем даже назвали речку.

Набокова. в ноябре 1854 года — сына Николая и в октябре 1855 года — дочь Анну (названных, кстати, в честь деда и бабушки Набоковых). К тому же Анну крестили в знаменитой Татьянинской церкви при Императорском Московском университете, а университет тогда подчинялся учебному округу.

Забытое ныне имя Владимира Ивановича Назимова (1802—1874), владевшего имением Устье Тосковского уезда, можно найти почти во всех дореволюционных биографических справочниках и энциклопедиях. Такую известность он получил благодаря тому, что в 1836 году Николай I назначил его инструктором по военной части к 18-летнему наследнику престола. В следующем году Назимов сопровождал великого князя Александра Николаевича в путешествии по России. Шесть лет продолжалась эта почётная придворная служба Владимира Ивановича.

Став императором, Александр II освободил его от должности попечителя учебного округа, не совсем подходящей для военного, и назначил Виленским военным губернатором и Гродненским, Минским и Ковенским генерал-губернатором. На этом посту В.И. Назимов прославился тем, что первым поддержал идеи императора об освобождении крестьян и предложил осуществить их в виде опыта сначала в руководимых им губерниях. Последовал известный царский рескрипт от 20 ноября 1857 года, по которому крестьянская реформа в России началась с этого западного края. Когда В.И. Назимов скончался, император присутствовал при отпевании его в Казанском соборе столицы.

В старые времена не только в крестьянских, но и в дворянских семьях детей бывало много, очередные роды проходили почти ежегодно. У Николая Александровича и Анны Александровны Набоковых за первые 17 лет супружеской жизни, с 1825 по 1841 год, появились на свет восемь мальчиков и пять девочек. О старшем — Александре — мы уже говорили. 19 июня 1826 года здесь же, в Пскове, у Набоковых родился второй сын, которому было суждено получить всероссийскую известность, а также стать дедом писателя Владимира Набокова. Через три дня после рождения священник той же церкви Успения Божией Матери, что на Полонище, Михаил Вревский окрестил его Дмитрием.

Кстати, в дореволюционной энциклопедии Брокгауза и Ефрона указано, что Дмитрий Николаевич Набоков родился годом позже. Его внук Владимир Набоков в автобиографическом романе «Другие берега» повторяет эту ошибку, очевидно, имея за рубежом тот же источник. Такие ошибки случались потому, что биографы пользовались, как правило, послужным списком (формуляром о службе) чиновника, а в нем чаще указывался не год рождения, а возраст и даже не приводилось место рождения. Впрочем, энциклопедия издательства братьев Гранат вскоре уточнила год рождения Дмитрия Набокова. Псковские архивные документы позволяют достоверно назвать не только год, но и дату, а также место его рождения. Заметим, кстати, что В.В. Набоков не указал, где

именно родился этот его дед. И вообще, он был явно рад сведениям, полученным от своего двоюродного дядюшки В. В. Голубцова, большого любителя генеалогических изысканий, сообщившего писателю, что «...старинный дворянский род Набоковых произошёл не от каких-то псковичей, живших как-то там в стороне, на обочье, и не от кривобокого, набокого, как хотелось бы, а от обрусевшего шестьсот лет тому назад татарского князька по имени Набок».

На сей раз столь представительных крестин, как у первенца Александра, не устраивали. Крёстным отцом Дмитрия Набокова стал коллежский секретарь Сергей Александрович Назимов (1797—1831), родной брат матери новорождённого и соученик отца по Морскому кадетскому корпусу. Сергей Назимов позднее был воспитанником ещё двоих детей Набокова: Михаила в 1829 году и Веры в 1830 году, хотя, избранный Островским уездным предводителем дворянства, в Пскове бывал уже наездами. А крёстной матерью Дмитрия Набокова в метрической выписи указана сестра его отца, «генерала от инфантерии дочь — девица Елена Александровна Набокова».

После рождения второго сына, в декабре того же 1826 года Николай Александрович Набоков получил место псковского окружного комиссара над казёнными поселенцами. В связи с этим Правительствующий Сенат присвоил отставному подполковнику соответствующий гражданский чин надворного советника. Однако уже через семь месяцев Николай Набоков уволился по прошению. Третьего сына, Михаила, в июле 1829 года Набоковы крестили всё в той же псковоградской Ново-Успенской церкви, а дочь Веру в декабре 1830 года — неподалёку, в Николаевской со Усохи. И по-прежнему среди их воспитанников мы видим близких родственников Анны Александровны: её мать Марфу Степановну Назимову, братьев Сергея и Илью.

Об Илье Александровиче Назимове (1805—1874) следует сказать особо, так как его биография вошла в некоторые дореволюционные справочники.

В отличие от трёх старших братьев, учившихся в Московском кадетском корпусе, Илья Назимов окончил Инженерное училище и, подобно четвёртому брату — Михаилу (будущему декабристу), стал сапёром. Вместе с лейб-гвардии Сапёрным батальоном, в котором отслужил 11 лет, он участвовал в Русско-турецкой войне 1828—1829 годов. Но особенно Илья Назимов прославился в польской кампании 1831 года: быстро построил мост через Буг и геройски защищал его от нападавших, сохранив своих солдат. За этот подвиг Илью Александровича наградили редким для штабс-капитана орденом Святой Анны 2-й степени с императорской короной.

Уйдя в отставку через три года в чине инженер-подполковника, Илья Назимов более двух десятилетий прожил на родине, избирался Островским уездным предводителем дворянства (1841—1843), а в Крымскую войну — начальником Островской 194-й дружины государственного подвижного ополчения. Он извест-

тен и тем, что восстановил в Пскове старинную часовню «У Красного Креста» — неподалёку от дома Назимовых, на углу Губернаторской и Великолуцкой улиц, в сотне метров от Ново-Успенской церкви. Пять лет И.А. Назимов служил управляющим Вятской удельной конторой, а в 1860 году вновь вышел в отставку и поселился в столице.

Его племянник Михаил Николаевич Набоков (1829—1886), о крещении которого в Пскове мы уже упоминали, окончил юридический факультет Петербургского университета, дослужился до чина действительного статского советника, с 1867 года был Саратовским вице-губернатором. Он женился на дочери иностранца лютеранке Марии Чикини. В декабре 1862 года у них родился третий ребёнок — сын Сергей. Его крестили в столичном Исаакиевском соборе, причём воспитанником Евгения Набокова стал Илья Александрович Назимов (тогда ещё коллежский советник).

Не удивительно, что при таких тесных родственных связях Набоковы и Назимовы помогали друг другу и через многие десятилетия. В романе «Другие берега» Владимир Набоков вспоминает об одной из беднейших набоковских родственниц — Надежде Ильиничне Назимовой, старой деде, слывшей художницей: она выжигала по дереву цветные русские тройки. Это дочь Ильи Александровича, часто находившая приют в семье двоюродного племянника Владимира Дмитриевича Набокова уже в первые десятилетия XX века.

Николай Александрович Набоков собственной недвижимости в Пскове не имел. После свадьбы молодые супруги поселились в доме, полученном Анной Александровной в приданое. Дом был деревянным, с мезонином, на каменном фундаменте, покрытый толем. Домовладение с обширным земельным участком в 612 квадратных саженей примыкало к территории церкви Святого Георгия со Взвоза. Из фасадных окон через узкую улицу были видны остатки бастиона петровских времён и Завеличье. Сейчас на этом месте находится музыкальное училище. Георгиевская церковь в то время, с 1808 года, своего причта не имела и была приписана к храму Николая со Усохи, что на Великолуцкой (ныне Советской) улице. Жившие поблизости Назимовы и Набоковы заботились о сохранении древнего Георгиевского храма, хотя и были прихожанами соседней Ново-Успенской церкви. Священник Александр Березский в «Историко-археологическом очерке Псковоградского Георгиевского со Взвоза храма», напечатанном в 1887 году и включённом в сборник «Храмы и монастыри губернского Пскова» (2005), отметил, что Марфа Степановна Назимова (мать Анны Александровны) пожертвовала 225 рублей ассигнациями на ремонт кровли. А 16 мая 1831 года надворный советник Николай Набоков в ответ на своё прошение получил от духовной консистории разрешение *«отломать с южной стороны храма притвор (северный притвор был «отломан» ещё в 1825 году. — Н.Л.), перенести каменные столбы для колоколов на главный вход и сделать над*

*На гравюре в левом углу — старый дом гимназии,
Георгиевская церковь и дом Набоковых*

столбами кровлю; при этом предложено Набокову исправить хотя бы по времени и иконостас всей церкви, находившийся тогда в ветхом положении».

Вторая отставка Николая Александровича Набокова продолжалась почти пять лет. Наконец он решил снова поступить на службу, и 24 марта 1832 года министр Императорского двора назначил его управляющим в Псковскую удельную контору. В следующем году Набоковы решили перебраться на жительство в сельцо Никитинское Дворицкой волости Новоржевского уезда. Это немалое имение с 349 душами крестьян Анна Александровна получила в приданое от родителей, то есть ранее оно принадлежало Назимовым. Свой дом в Пскове у Георгиевской церкви Набоковы сдали под открывавшийся 1 мая 1833 года дворянский пансион при мужской гимназии, находившейся неподалёку. Это приносило семье по 541 рублю с копейками в год. Но средств на воспитание подраставших детей всё-таки не хватало. 13 июня 1839 года статская советница Анна Александровна Набокова взяла в долг у отставного гвардии поручика Николая Ивановича Елагина 3 947 рублей под залог своего дома в Пскове. Уплатить долг Набоковы не смогли, и в 1845 году Елагин предъявил закладную ко взысканию. Судебное дело тянулось 12 лет, и в 1857 году домовладение продали с публичных торгов инспектору врачебной управы статскому советнику Герману Бернарду за 2.000 рублей серебром (к тому времени для гимназии построили трёхэтажное здание, куда в декабре 1855 года переехался и пансион).

Сельцо Никитинское располагалось в 36 верстах от Новоржева на речке Лысте, что вытекает из озера Ильсто и впадает в знаменитую пушкинскую Со-

роть. Совсем рядом, в версте от имения, находились деревни Пятница и Дворцы с волостным правлением и церковью. И сейчас деревня Дворцы является центром Дворицкой волости теперь уже нового — Бежаницкого — района: от Бежаниц до неё 12 километров в юго-западном направлении. Самое удивительное: сейчас в состав Дворицкой волости входит деревня под названием Набоковская Горка (5 километров от деревни Дворцы и 17 — от Бежаниц). Значит, добрая память о живших здесь Набоковых сохранилась до наших дней. Любопытно, что деревни с таким названием не было в «Списках населенных мест Псковской губернии» 70-х годов XIX века.

Там, в Никитинском, с 1834 по 1841 год у Набоковых родились младшие дети: сыновья Всеволод, Леонид, Фёдор и дочери Евгения, Мария, Людмила и Елена. Их крестили в Троицкой церкви Пятницкого погоста, а крёстными приглашались соседние помещики Елагины, Бибиковы, Брылкины, часто гостившая в Никитинском Елена Набокова, помещица новоржевского сельца Кузьмина девица Варвара Николаевна Назимова.

После ранней смерти Анны Александровны (в 1847 году), а через четверть века (12 декабря 1873 года) — Николая Александровича сельцо Никитинское оставалось за Набоковыми до конца века. Одна из дочерей Набоковых — незамужняя Мария Николаевна (1839—1870) — жила в Никитинском до своей кончины и похоронена в Ашевском погосте. А последней владелицей Никитинского из Набоковых в 1897 году упоминалась её сестра, Людмила Николаевна Набокова (1840—1903), тоже оставшаяся девицей и скончавшаяся в столице. Таким образом, Набоковы ещё долго были связаны с Псковским краем. Словно предвидя это, Николай Александрович в 1832 году, через месяц после поступления на службу в Псковскую удельную контору, подал прошение о внесении его в дворянскую родословную книгу Псковской губернии вместе с двумя старшими сыновьями Александром и Дмитрием. Затем по его ходатайствам псковскими дворянами стали и остальные его дети, а позднее — и другие потомки.

Тогда, в 1832 году, Дмитрию Набокову ещё не исполнилось и шести лет (напомним, что он родился 19 июня 1826 года). Когда мальчик подрост, отец определил его в Императорское училище правоведения. Кстати, там же получил образование и крестник Николая Александровича — сын Гавриилы Петровича Назимова Владимир. 1 мая 1845 года министр юстиции назначил выпускника училища коллежского секретаря Дмитрия Набокова младшим помощником секретаря во 2-е отделение 6-го департамента Сената.

К тому времени его отец служил уже в Симбирской губернии. Туда же через год перевели губернским стряпчим по казённым делам и Дмитрия Набокова. Он отличался глубокими знаниями и старательностью, быстро набрался опыта и через пару лет, а точнее 26 октября 1848 года, его назначили товарищем (то есть заместителем) председателя Симбирской палаты гражданского

суда. Губернатор особо отметил в послужном списке Набокова, что менее чем за два года все старые дела палаты были им завершены. В августе 1850 года Дмитрий Николаевич вернулся в столицу с назначением чиновником особых поручений при министерском департаменте, а уже с января 1852-го заведовал тем самым сенатским отделением, в котором менее чем за семь лет до этого начинал службу младшим помощником секретаря.

Но и на сей раз в Сенате он прослужил недолго: в декабре 1853 года надворного советника Дмитрия Набокова назначили вице-директором комиссариатского департамента Морского министерства. Здесь за особые заслуги ему трижды досрочно присваивали очередные классные чины: в 1855 году — коллежского советника, в 1856-м — статского, в 1858-м — действительного статского советника, и уже в феврале 1861 года он стал директором этого департамента.

Уже на следующий год начинается придворная служба Д.Н. Набокова: ему пожаловали звание гофмейстера Императорского двора и откомандировали к великому князю — наместнику Царства Польского. К тому же с 1864 года Д.Н. Набоков стал сенатором, а в конце 1866 года — ещё и статс-секретарем. В 1866—1867 годах Набоков заседал в гражданском кассационном департаменте Сената, затем его назначили управляющим Императорской канцелярией по делам Царства Польского. Здесь его юридический опыт потребовался для введения известных судебных уставов Александра II, полностью изменивших российское судоустройство, и в польских губерниях. В 1876 году Дмитрий Николаевич стал членом Государственного Совета, действительным тайным советником (второй после канцлера гражданский чин по Табели о рангах).

30 мая 1878 года император назначил Набокова министром юстиции. Отметим здесь только некоторые наиболее крупные его труды на этом посту. Знание сенатских учреждений помогло разработать закон от 23 мая 1883 года, которым было упрощено и ускорено производство дел в старых судебных департаментах Сената. По инициативе Набокова был проведён пересмотр уголовных и гражданских законов, для чего в 1881 и 1882 годах были учреждены особые комиссии. Вскоре после убийства Александра II

Дмитрий Николаевич Набоков

начались нападки на наиболее прогрессивные элементы его судебных реформ, особенно на суд присяжных, но Дмитрию Николаевичу удалось отстоять их главные идеи, внося лишь некоторые изменения. Во всех статьях о его деятельности на посту министра юстиции приводится высказывание из журнала «Вестник Европы»: «...он действовал как капитан корабля во время сильной бури — выбросил за борт часть груза, чтобы спасти остальное».

Семь с половиной лет, до 6 ноября 1885 года, Д. Н. Набоков был министром юстиции Российской Империи и до конца своих дней оставался статс-секретарём и сенатором. Ему довелось присутствовать при коронации двух последних императоров, причём в 1896 году он удостоился чести нести царский скипетр. В ноябре 1899 года Дмитрию Николаевичу из-за болезней было разрешено присутствовать в Государственном Совете лишь тогда, когда позволяет здоровье. Его внук Владимир Набоков в романе «Другие берега» ярко рассказал о последних годах жизни своего знаменитого деда, скончавшегося в марте 1904 года.

Многочисленные дети Дмитрия Николаевича уже не были связаны с его родным Псковом. Среди них наиболее известен отец писателя Владимир Дмитриевич Набоков — тоже юрист, автор ряда трудов по уголовному праву, крупный общественный деятель России, один из лидеров конституционно-демократической партии и редактор её изданий, убитый в 1922 году эмигрантом-монархистом.

* * *

Набоковы и Назимовы внесли заметный вклад в российскую историю и культуру. Теперь выяснилось, что именно на Псковской земле они породнились и дали достойное продолжение. Их соединила представительница старинной псковской фамилии Анна Александровна Назимова, ставшая в замужестве Набоковой (1808—1847). Её сын Дмитрий Николаевич Набоков прославился государственной службой, внук Владимир Дмитриевич — общественной деятельностью, правнук Владимир Владимирович — литературным талантом. А генеалогические изыскания по истории дворянских родов Назимовых и Набоковых подарили Псковскому краю ещё несколько славных имён. Результаты этих исследований следует использовать и для прославления Пскова. В частности, на стене Ново-Успенской церкви могла бы быть установлена мемориальная доска о Дмитрии Набокове — министре юстиции Российской Империи, деде великого писателя Владимира Набокова.

Кто сочинил «стихотворение Пушкина»?

Известный в своё время русский библиограф Григорий Николаевич Геннади (1826—1880) был редактором двух изданий Полного собрания сочинений А.С. Пушкина. К первому из них, вышедшему в 1859—1860 годах, он приложил «Библиографический список всех произведений А.С. Пушкина; дополнения, черновые отрывки, не вошедшие в текст, и примечания», в котором указал, где и когда было опубликовано каждое из них. Однако интересующие нас стихи о Пскове там ещё не упоминались.

В первый том второго издания, отпечатанный в 1870 году, Геннади включил лирические стихотворения Пушкина. Восемь страниц в конце тома заняло «Дополнение», сопровождающееся пояснением: «Здесь мы помещаем стихотворения, почему-либо пропущенные в сем издании или доставленные по отпечатании этого тома».

Именно там на 551-й странице наши земляки нашли такой текст:

Псков

*Среди песчаных скал, на берегах Велико́й,
Где носит естество полночи образ дикой,
Согбенный исполин, под тяжестью оков,
С поникнутой главой, стоит печальный Псков...
Лишённый честных благ народного правленья,
Сей град являет нам вид страшный разрушенья.
Унылые рабы, трепещущей пятой
Героев вольности там толчут прах святой!..
Всё грустно, всё молчит... Разбился жезл народа,
Бежит искусство прочь, и сетует природа.*
(1825)

К сожалению, Геннади не указал, откуда он взял эти тяжёловесные риторические строчки, так не вяжущиеся с нашими представлениями о звонкой, изящной поэзии Пушкина. Непонятно также, как скалы могут быть песчаными, тем более что в Пскове — например, у Гремячей башни или по берегам Мирожки — они плитяные, известняковые. И всё же псковичи не усомнились в подлинности стихов и стали цитировать их то полностью, то отрывками.

Пожалуй, первым воспользовался ими известный краевед Константин Григорьевич Евлентьев, который вёл в «Псковских губернских ведомостях»

городскую летопись. 21 января 1878 года он привёл три строчки из середины стихотворения, начинающиеся словами «С поникнутой главой стоит печальный Псков», сделал ссылку на издание Геннади и стал доказывать, что теперь в Пскове начинает пробуждаться любовь к историческим и археологическим изысканиям, горожане охотно посещают новый музей, появились частные коллекции, и в конце выразил надежду, что *«недалеко то время, когда псковские древности получат право гражданства и будут дороги для всех, в ком бьётся русское сердце»*.

«Псковский городской листок», начиная своё издание в ноябре 1881 года, попытался дать очерк псковской истории. Во втором номере газета отметила, что с давнего времени *«...наш город не преобразился и не оживился, — он отличался такою суровостью и мрачностью, каким охарактеризовал его великий поэт в своём незаконченном стихотворении ПСКОВ...»* (причём газета привела стихотворение полностью). И через полтора года, 5 июня 1883-го, неизвестный автор в той же газете, говоря о трудных условиях жизни Пушкина, бывавшего в Пскове, в доказательство сослался на мрачные слова этого стихотворения.

Через три десятилетия после Геннади другой известный псковский краевед, Иван Иванович Василёв, использовал те же три строчки, что и Евлентьев, в качестве эпиграфа к брошюре «Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии», изданной в 1899 году к столетнему юбилею поэта. «Вестник Псковского губернского земства» тогда же, в седьмом номере, рассказывая о празднестве в Святых Горах, упомянул эту брошюру и её эпиграф, но подчеркнул, что *«...таким Псков был во времена поэта. Великие реформы Александра II благотельно отразились и на нашем древнем городе. Призвание к жизни всех сословных местных учреждений вновь оживило Псков, и он уже в настоящее время не «являет вид страшный разрушенья»*.

Между тем после Геннади новые сборники произведений и собрания сочинений Пушкина больше не приводили стихотворение «Псков» даже в разделе сомнительных стихов, приписываемых поэту. Нет упоминания о нём и в 16-томном довоенном академическом издании, недавно переизданном заново. К тому же в послереволюционной краеведческой литературе эти стихи тоже не цитировались. Захотелось узнать, откуда взялся этот текст и почему он исчез.

В Пскове найти ответ на эту загадку не удалось, и пришлось обратиться в Институт русской литературы (Пушкинский Дом). По совету сотрудницы его рукописного отдела Татьяны Ивановны Краснобородько в Пушкинском кабинете Дома отыскиали статью Петра Александровича Ефремова (редактора трёх дореволюционных изданий сочинений поэта) «Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях», опубликованную в газете «Новое время» 2 и 8 августа 1903 года.

Петр Иванович Бартенева

Ефремов отметил, что «...два издания под редакцией Геннади, и особенно 2-е, значительно увеличили число мнимых Пушкинских стихотворений, так как издатель без критики и без проверки вносил всё написанное в газетах и журналах с именем Пушкина, и притом так несчастливо, что например неужюбие вирши «Псков», помещённые с именем Пушкина и с великою похвалою П.И. Бартенева в «Русском архиве», но через нумер уже указанные принадлежащими псковскому учителю Панкратьеву, несмотря на это были напечатаны Геннади даже два раза».

Поиски в журнале «Русский архив», пятьдесят лет издававшемся Петром Ивановичем Бартеневым с 1863 года, начатые, конечно, с номеров, предшествовавших изданию Геннади, быстро увенчались успехом. Уже в октябрьской тетради за 1869 год нашлась заметка с подписью «П.Б.» — «Неизданные стихи А.С. Пушкина». Вторым из них напечатано стихотворение «Псков» с таким комментарием: «Стихи эти могли быть написаны около 1825 года по поводу известного отзыва Рыльева, который писал Пушкину, что ему удивительно, как, живя близ Пскова, Пушкин ничего не напишет об этом городе, где якобы «задушены последние искры русской свободы». Пушкин сам конечно забыл это оброненное произведение своей вольнолюбивой молодости. Стихи получены нами от одного собирателя, некогда служившего в военной службе и стоявшего с полками в Псковской губернии».

Как видим, Бартенева верил, что стихи принадлежали Пушкину: ему хотелось думать, что ими поэт откликнулся на январское, 1825 года, письмо Кондратия Рыльева: «...ты около Пскова: там задушены последние влщпки русской свободы; настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэм!».

Но уже на последнем листе декабрьской тетради «Русского архива» за тот же 1869 год Бартенева был вынужден дать поправки к своим публикациям и в первой из них так оправдывался перед читателями: «Стихотворение Псков приписано Пушкину на основании преданий. Ныне нам сообщено из источника вполне достоверного, что стихотворение это сочинил некто В. Панкратьев и что в первоначальном виде оно разнствует с напечатанным: например в первом стихе вместо песчаных скал надо кремнистых скал и в пятом стихе вместо честных благ — чистых благ».

Вероятно, Геннади не успел исключить из первого тома сочинений Пушкина, вышедшего в 1870 году, вирши псковского учителя либо вообще не заметил маленькую поправку в конце журнала. Не дошла эта поправка и до псковских краеведов. Ну а пушкинисты больше не ошибались и избавили сочинения Пушкина от таких стихов.

Остаётся добавить, что о других стихах учителя В. Панкратьева, как и о нём самом, пока сведений обнаружить не удалось. В брошюрах И.И. Василёва и П.А. Говорливого по истории Псковской мужской гимназии такой учитель не назван, а о преподавателях других учебных заведений того времени архивных и литературных источников маловато. Впрочем, трудно сказать, представит ли его личность большой интерес для историков Пскова. Главная цель этого рассказа — не только сообщить о курьёзном случае, но и избавить от поисков других исследователей, которым при изучении дореволюционной периодики тоже может встретиться и вызвать недоумение стихотворение «Псков», некогда приписанное А.С. Пушкину.

P.S. Казалось бы, после того как эта заметка была опубликована в газете «Вечерний Псков» (25 марта 1998 года), сомнений больше не должно было оставаться. И всё же в Пскове через три года нашёлся исследователь, который вступил в полемику по этому поводу и считает, что *«анализ специалистов — историков, литературоведов, стилистов... может прояснить эту проблему»*. Газета «Псковская правда» 1—2 июня 2001 года, в дни проведения XXXV Пушкинского праздника поэзии, поместила заметку бывшего директора Псковского музея-заповедника Евгения Петровича Матвеева «Принадлежит ли Пушкину стихотворение о Пскове», причём в рубрике «На грани сенсации». Автор ещё не менее трёх раз публиковал эту «сенсацию», но специалистов, пожелавших заняться подобным анализом, пока не нашлось...

Первый краевед-пушкинист

Три десятилетия после смерти Пушкина вокруг его имени в Псковской губернии существовал негласный, необъявленный, но редко нарушаемый заговор молчания. Осторожность местной администрации понять нетрудно. По российским законам дуэли были запрещены и влекли суровое наказание. Суд над участниками роковой дуэли состоялся. Умершего от раны поэта по приказанию высших властей хоронили тайно, отдавать почести покойному запретили. Губернское начальство не забыло ни ссылку опального Пушкина в имение родителей, ни подозрительную дружбу поэта с осуждёнными декабристами, ни цензуру всего, что выходило из-под его пера, осуществляемую графом Бенкендорфом и лично царём.

Единственной местной газетой в нашем крае — тогда и в течение 44 лет — были «Псковские губернские ведомости». Они появились менее чем через год после гибели Пушкина и издавались администрацией. Не удивительно, что длительное время статьи, освещающие подробности жизни поэта на Псковской земле, или какие-либо воспоминания о нём там не печатали. И в результате многое было упущено и утрачено.

В этой газете трудно найти даже простое упоминание о Пушкине. За первое десятилетие встретились только три мелких сообщения.

Так, в 41-м номере за 1841 год «Псковские губернские ведомости» информировали читателей: *«Известный и даровитый поэт наш князь П. А. Вяземский 3-е октября пробыл в Пскове, возвращаясь из Опочецкого уезда, где в сельце Михайловском навестил семейство покойного А. С. Пушкина и посетил могилу знаменитого поэта, похороненного в Святогорском монастыре».*

29 ноября 1844 года газета поместила «Библиографические заметки» о продолжении издания журнала «Современник». Неизвестный автор, воспользовавшись таким рекламным поводом, сумел включить несколько ярких фраз о поэте: *«Память А. С. Пушкина драгоценна для всякого Русского, а тем более для нас. земляков его. В нашей губернии провёл он много золотых дней юности, сколько высоких вдохновений родилось в его душе в Святых Горах, и у нас же хранятся драгоценные останки великого русского поэта. Как итальянцы гордятся могилою Вергилия, так мы должны гордиться могилою Пушкина и дорожить всем, что только носит на себе память нашего земляка-поэта».*

Кстати, не следует удивляться упорно повторяемым словам о Пушкине как о нашем земляке. И позднее псковичи не раз с уверенностью заявляли, что Александр Сергеевич родился в Михайловском, да и нередко путали день его рождения с днём смерти.

Очерк о Святогорском монастыре, напечатанный в неофициальной части газеты 12 ноября 1847 года под рубрикой «Исторические воспоминания», ограничился в отношении поэта одной фразой: *«Ганнибалы и Пушкины, жившие с давних времен в окрестностях этого монастыря, усердием и пожертвованиями церкви приобрели исключительное право близ неё погребать из рода своего умерших»*. А в подстрочнике добавлены мельчайшим шрифтом ещё семь слов: *«Александр Сергеевич Пушкин погребён в Святогорском монастыре»*.

В последующие двадцать лет даже таких заметок и примечаний о Пушкине в газете не оказалось. Можно лишь отметить, что к «Памятной книжке Псковской губернии на 1861 год», тоже официально издаваемой властями, был приложен более подробный рассказ о монастыре на восьми страницах. Анонимный автор справедливо отмечал:

«В последнее время Святогорский монастырь сделался известен особенно могилою Пушкина, над которою поставлен скромный мраморный памятник, на кирпичном фундаменте. Великий поэт похоронен на верху Св. Горы пред алтарём главного храма». А подстрочное примечание содержит ещё один любопытный факт: *«В бытность нашу в монастыре мы узнали, что весною 1860 года сломан за ветхостью дом, в котором жил А. С. Пушкин»*.

В эти годы с воцарением Александра II политический климат в России заметно потеплел. Декабристы получили прощение, их мечта об освобождении крестьян осуществилась без переворота, реформа судов, появление земства и местного самоуправления привлекли к общественной жизни многих прогрессивных деятелей. В 1860 году император разрешил сбор денег на памятник Пушкину в Москве, который, впрочем, поначалу шёл довольно плохо. Но и в таких условиях прошло несколько лет, прежде чем нашёлся пскович, впервые взявший на себя труд рассказать землякам о годах ссылки Пушкина в Псковскую губернию. Для этого он воспользовался архивным делом, хранившимся тогда в Псковском губернском правлении, а также воспоминаниями старожилов. Статья «Несколько слов о Пушкине» была напечатана в неофициальной части «Псковских губернских ведомостей» 9 (21) марта 1868 года без указания автора. Некоторые сведения из неё в дальнейшем использовали в литературе о Пушкине, но целиком её не перепечатывали. Это необходимо сделать, тем более что за прошедшие 140 лет упомянутых в ней документов не стало. Итак, воспроизводим текст дословно, исправив лишь явные опечатки и придерживаясь правил современной орфографии.

Несколько слов о Пушкине

В июле 1824 г. бывший тогда псковский губернатор Адеркас получил предложения генерал-губернаторов: местного — маркиза Паулуччи и новороссийского — графа Воронцова следующего содержания: «Коллежский секретарь Александр Пушкин, к несчастью, не только не переменил поведения и дурных правил, кои ознаменовали первые шаги общественной его жизни, но даже распространяет в письмах своих предосудительные и вредные мнения, по сему, по Высочайшему повелению, он исключён из списка чиновников Коллегии Иностранных Дел и, дабы отератить, по возможности, от молодого человека всю строгость законов, коей бы он, оставаясь в совершенной независимости, мог легко подвергнуться при ненадёжности своего поведения, Государь Император изъявил свою волю, дабы он немедленно был отправлен на жительство в Псковскую губернию в поместье родителей своих, где будет состоять под наблюдением местного начальства»

Приложенная при предложении маркиза Паулуччи выписка из письма Пушкина заключает в себе несколько строк, писанных им, как можно думать, к своему приятелю о том, как он проводит время, он «пишет лёгкие строфы романтической поэмы и беседует с каким-то глухим философом-англичанином». Беседы эти, заключающая в себе легкомысленные суждения о религии послужили поводом к высылке Пушкина

Поэт наш в то время был в Одессе. По маршруту, данному ему Одесским Градоначальником, он отправился 30 июня в Псков и прибыл 9 августа прямо к отцу своему статскому советнику Сергею Львовичу, проживавшему в Опочечском уезде, в сельце Михайловском

По соглашению губернатора с губернским предводителем дворянства для наблюдения за поступками и поведением Пушкина был назначен Новоржевский помещик коллежский советник Иван Рокотов, но опасаясь ли той пылкой природы поэта и оттого не хотел становиться в щекотливое положение в отношении к нему, или как писал Львов, Пушкин на первом же шагу не послушал Рокотова, только сосед-помещик, во избежание неприятностей, отказался от возложенной на него должности, отзываясь расстроенным здоровьем. Опасения за Пушкина, усиливаемые ещё и тем, что, вопреки распоряжению губернатора, он не являясь в Псков, проехал прямо в имение своего отца, побудили Адеркаса сделать распоряжение о вызове Пушкина в Псков. В августе 1824 года, в присутствии губернатора, коллежский секретарь Александр Пушкин дал подписку в том, что он обязуется жить безотлучно в поместье родителя своего, вести себя благонравно, не заниматься никакими неприличными сочинениями и суждениями, предосудительными и вредными общественной жизни, и не распространять оных никуда

После того по распоряжению генерал-губернатора маркиза Паулуччи

чи сообщено Опочецкому предводителю дворянства статскому советнику Пещурову, что «если статский советник Пушкин даст подписку, что будет иметь неослабный надзор за поступками и поведением сына, то в сем случае последний может оставаться под присмотром своего отца и без избрания особого к таковому надзору дворянина, тем более что отец Пушкина есть из числа добронравнейших и честнейших людей».

Однако ж Сергей Львович отозвался (в ноябре 1824 г.), что не может воспользоваться доверием, делаемым ему генерал-губернатором, ибо, имея главное поместье в Нижегородской губернии, а всегдашнее пребывание в С.-Петербурге, он по делам своим может потерпеть совершенное расстройство, оставаясь неотлучно при одном сыне, тем более что непредвиденные обстоятельства вынуждают его быть вскоре в Москве.

Так проживал наш писатель в Михайловском, когда было получено извещение от главного штаба Его Величества от 26 июня 1826 г., что Государь Император дозволил Пушкину приехать в Псков и иметь там пребывание до излечения от болезни, с тем, впрочем, чтобы губернатор имел наблюдение как за поведением, так и за разговорами Пушкина.

По приезде в Псков Пушкин 19 июля 1826 г. свидетельствован в Псковской врачебной управе, и оказалось, что он имеет в нижних конечностях, особенно на правой голени, повсеместное расширение крово-возвратных жил, от чего коллежский секретарь Пушкин затруднён в движении вообще.

Тогда же Пушкин послал всеподданнейшее прошение Государю Императору о позволении ехать для излечения болезни в Москву, С.-Петербург или в чужие края.

На это последовало Высочайшее повеление, сообщенное Дибичем, о позволении Александру Пушкину отправиться в Москву с посылаемым нарочно от Дибича фельдъегерем, в своём экипаже, свободно, не в виде арестанта.

4 сентября того же года, вечером, Пушкин отправился в Москву, где в то время, если не ошибаемся, был Государь Император и при нём дежурный генерал главного штаба Его Величества, к коему было велено явиться по-зту. Освобождение Пушкина совпало с торжеством восшествия Императора Николая I на престол, и день этот сопровождался празднествами в Пскове.

Один из старожилов рассказывал, что Пушкин ехал в Псков с Пещуровым. Переезд до Пскова был сопряжён в то время с большими неудобствами: почтовых лошадей по тракту от Острова было немного, от последней станции Черёхи к Пскову начинались сыпучие пески до самого города. На станции путешественники не могли ничего найти съестного, лошади были в разгоне, нужно было ожидать, и усталые путники находились в самом невесёлом настроении духа, но Пушкин развлекал декламацией стихов и, подойдя к окну, перстнем начертил два стиха, которые оканчивались «а Адеркас накормит

нас»; неизвестно, однако ж, накормил ли их Адеркас, потому что они дотащились едва-едва к ночи в Псков и вероятно, не нашли удобным беспокоить губернатора напоминанием, что они не ели*.

* Извлечено из дела Псковского губернского правления (1824 года)

Поводом для второй крупной заметки о Пушкине в той же газете послужило письмо от 6 мая 1871 года на имя псковского губернатора Михаила Семёновича Каханова, сохранившееся до наших дней в местном архиве. Напомнив, что в печати уже сообщалось «об учреждении с Высочайшего соизволения особого Комитета для сооружения памятника Пушкину с целью как возобновления открытой ещё в 1860 году повсеместной в России подписки на сей предмет, так и изыскания средств к скорейшему, по возможности, осуществлению этой мысли», член этого Комитета тайный советник Николай Андреевич Шторх просил губернатора о содействии в сборе денег, для чего выспал ему три подписные книжки.

Через месяц, 19 июня 1871 года, в «Псковских губернских ведомостях» появилась такая статья.

По поводу подписки на памятник А.С. Пушкину

Псков, 9 июня. В то время когда у нас заняты вопросом, который памятник предполагается воздвигнуть Пушкину, не мешало бы любителям русского слова вообще, а нам, Псковичам, в особенности вспомнить, что самая могила великого поэта находится в печальном состоянии и посещается разве только богомольцами во второе воскресенье после Троицы, стекающимися в Святогорский монастырь, где лежит прах Пушкина.

Одному из самых живописных мест в окрестности вьтало на долю стать местом последнего приюта знаменитого писателя. Несколько гор, под именем: Синичьей, Тимофеевой и другими, окружают так называемую Святую гору, прославленную чудотворениями от иконы Матери Божией в 1563 г. Гора эта, в окружности небольшая, увенчана древним храмом; подле алтаря храма, на каменном пьедестале, обнесённом чугунной решёткой, — простая мраморная колонна; наверху её — чугунный крест, перевитый лавровым венком. На пьедестале подпись:

Александр Сергеевич Пушкин

Родился 26 мая 1799 г. в Москве

Умер 29 января 1837 г. в С.-Петербурге

Можно предположить, что могила устроена и выложена кирпичом в то время года, когда земля ещё недостаточно укрепилась, а потому сделанная насыпь в некоторых частях значительно осела; отчего может произойти и, пожалуй, скоро, что колонна повалится...

Теперь казалось бы как нельзя больше кстати, заботясь о всероссийском памятнике Пушкину, позаботиться и об исправлении его надгробного камня, далеко не соответствующего мысли о вечности, высказанной писателем: «Я памятник воздвиг нерукотворный, вечный».

У подножия горы возвышаются лилы, которые достигают своими вершинами могилы Пушкина.

Для русского, привыкшего в основание всему доброму и любезному полагать веру и молитву, нельзя было найти более счастливой мысли, как похоронить прах Пушкина на прославленной молитвами и чудесами Святой горе, вокруг которой дружно сгруппировались горы, менее возвышенные, подобно тому, как сгруппировались вокруг его великого таланта — таланты меньшие.

Г.Л.

Трудно сказать, как повлияла заметка «Г.Л.» на сбор денег в губернии, но и на этот раз подписку на памятник никак нельзя было признать активной и удачной. Лишь Псковское благородное (то есть дворянское) собрание 24 октября 1871 года по предложению правителя канцелярии губернатора Адама Викентьевича Юшкевича решило «отчислить из сумм клуба 100 рублей на этот предмет». Если учесть, что вся губерния собрала и сдала на памятник 110 рублей, включая и сотню от благородного собрания, да к тому же две из трёх подписных книжек где-то потерялись, то вывод ясен без лишних слов...

Но вернемся к материалам на пушкинские темы, напечатанным местными «Губернскими ведомостями». В 1868 году публикация была дана вообще без подписи, а в 1871 году — с инициалами «Г.Л.». Казалось бы, не было никакой надежды узнать авторов этих статей. Однако случилось, можно сказать, чудо, и связано оно уже с открытием того самого памятника Пушкину в Москве, на который псковичи в 1871 году так неохотно собирали деньги.

За прошедшее с 1871 года десятилетие почитание Пушкина приняло общероссийский размах, а открытие памятника власти разрешили провести очень торжественно. Видя такие перемены, и на местах старались не отставать и выказать своё уважение к памяти великого поэта да погромче отчитаться о своих заслугах на этом поприще. Так сделала и псковское начальство.

В «Памятной книжке Псковской губернии на 1881 год» поместили новый раздел «Хроника» с тремя заметками, в том числе и следующей.

Открытие памятника Пушкину

В 1880 году совершилось в Москве открытие памятника Пушкину, которое приняло характер национального праздника, и все города так или иначе принимали участие в чествовании имени поэта, сделавшего эпоху не

только в истории поэзии и литературы в широком смысле слова, но и в истории образования наших понятий, взглядов и убеждений. Псков также принял участие в общем Празднестве. 26 мая в Св. Горах в 10 часов утра была совершена заупокойная литургия, на которой присутствовали депутаты от Пскова, предводители дворянства Опочецкого и Островского уездов. После обедни на могиле поэта была совершена панихида, перед началом которой архимандритом Святогорского монастыря сказано было краткое слово. Из числа венков, положенных на могилу, были, между прочим, венок от Опочечкой женской гимназии и Псковского Сергиевского реального училища; последний имел надпись: «Незабвенному гению — поэту Александру Сергеевичу Пушкину от служащих и воспитанников Псковского Сергиевского реального училища».

Кроме того, в этот день установлено поминовение А. С. Пушкина на могиле его, в монастыре Святые Горы, на что собрано 152 р. 35 к. Заупокойные службы будут совершаться три раза в год на могиле поэта: 26 мая — в день рождения; 30 августа — в день именин; 29 января — в день смерти.

В заключение губернские власти решили подчеркнуть, что псковичи и раньше почитали память поэта и давно уже даже смели печатать о нём в местной прессе: «Здесь кстати будет указать на статьи, которые были помещены в неофициальной части Губ. ведомостей, касающиеся Пушкина и Святогорского монастыря. В 1868 году в № 10 «Несколько слов о Пушкине» (извлечено из дела Псковского Губернского Правления 1824 г.) Е. С. Лошакова.

В 1847 г. № 39, 46 «О Святогорском монастыре».

В 1871 г. № 24 «По поводу подписки на памятник А. С. Пушкину» Е. С. Лошакова.

Так автор двух первых местных статей о Пушкине перестал быть неизвестным. Однако это не привлекло внимания к его личности. Его биография, пожалуй, никогда ранее не составлялась и не появлялась в исторической литературе о Пскове. Так что поиски сведений о Лошакове пришлось начинать с нуля.

Уже просматривая «Памятные книжки Псковской губернии» за ряд лет, нетрудно было убедиться, что в своё время он был довольно известен в Пскове, так как четверть века работал в Губернском правлении. Называли его там то Егором, то Георгием Сергеевичем, так что Е. С. Лошаков и таинственный Г. Л. — без сомнения, одно и то же лицо.

В псковском архиве сохранились документы о причислении Лошаковых к потомственному дворянам губернии (ГАПО. фонд 110, дело 523), и тем самым выяснились псковские корни этой семьи. Отец Георгия Лошакова Сергей Евгеньевич 31 мая 1812 года, то есть перед началом Отечественной войны, был выпущен прапорщиком из дворянского полка в Рыльский пехотный и при-

нял участие в заграничных походах русской армии, громившей Наполеона. Он доблестно сражался при переправе через Эльбу, 4—7 октября 1813 года при взятии Лейпцига (за что произведён в подпоручики), 20 декабря при переправе через Рейн, в феврале 1814 года при блокаде крепости Майнц, а затем во Франции: штурмовал Реймс и Монмартр в Париже.

Однако 11 февраля 1816 года в возрасте 25 лет Сергей Лошаков «за болезнью» был уволен от службы. Позднее в свидетельствах о крещении детей его называли «сельца Трёхова отставным подпоручиком». Его жена Надежда Ивановна, очевидно, принадлежала к дворянскому роду Челищевых, так как молодые Лошаковы поселились в сельце Челищевых — Ново-Троицком Всхоновской волости Торопецкого уезда Псковской губернии. В этом селе находилась каменная церковь Святой Троицы с тремя приделами, построенная в 1740 году. Но своего причта храм не имел и был приписан к соседней Преображенской церкви погоста Песно, священник которой Симеон Анисимович Аммосов и приходил в Троицкую церковь крестить всех детей супругов Лошаковых.

Первой в 1822 году родилась дочь Елена, в 1825 году — Екатерина, в 1827 — сын Евгений. Второй сын — Георгий — появился на свет 30 марта 1830 года. Последний ребёнок в семье — дочь Александра — родилась 14 января 1834 года, а через несколько месяцев их 44-летний отец скончался. Вдова с детьми осталась жить в Ново-Троицком. Это сельцо и погост Песно на берегу одноимённого озера находились почти на самом юго-восточном краю Псковской губернии, по соседству со Смоленской. От Пскова они отстояли на 400 верст, от уездного Торопца — на 30 в том же юго-восточном направлении. Сейчас это за пределами Псковской области.

Надежда Ивановна до крестьянской реформы сохранила свои триста десятин земли с 18 душами крестьян. Она смогла дать сыну Георгию хорошее образование. В «Исторической записке 50-летия Псковской губернской гимназии и состоящего при ней пансиона», составленной в 1883 году учителем истории П.А. Говорливым, Георгий Лошаков назван среди шести гимназистов 10-го выпуска 1847 года.

Немалых усилий потребовал поиск его формулярного списка о службе. Он нашёлся в Российском государственном историческом архиве Петербурга, что возле Медного всадника (РГИА, фонд 1349, опись 6, дело 163). Из него стало известно, что в 1851 году Георгий Лошаков окончил столичный университет и защитил диссертацию на степень кандидата прав. На службу он определился только 3 сентября следующего года помощником столоначальника в 3-м отделении Псковского губернского правления и с учетом образования сразу получил чин коллежского секретаря (10-й по Табели о рангах).

Его первым служебным заданием стало извлечение сведений о народонаселении губернии из бумаг Псковской духовной консистории. Их ежегодно

публиковали тогда в «Памятных книжках» губернии. Очевидно, Лошаков существенно уточнил их, так как на 1852 год определил, что в губернии проживали 666.046 человек — на 23.333 жителя меньше, чем по сведениям, сообщённым за предыдущий год.

Продвижение по службе шло вполне успешно: через полгода Лошакова назначили столоначальником, ещё через 21 месяц — секретарём 1-го отделения (Губернское правление имело три отделения, руководили ими секретари, которым подчинялись столоначальники). За усердную службу он трижды получал по Высочайшему повелению денежные награды и своевременно, а однажды досрочно — очередные чины. В сентябре 1865 года губернатор граф Константин Иванович Пален назначил Лошакова секретарём губернского правления, а через три года по представлению нового губернатора Михаила Семёновича Каханова министр внутренних дел приказом от 5 сентября 1868 года перевёл его на должность советника правления (третье лицо в правлении после вице-губернатора и старшего советника).

И хотя на этом обнаруженный формулярный список, составленный 21 сентября 1868 года, заканчивается, «Памятные книжки» и газеты показывают, что должность советника губернского правления стала для Лошакова последней. 17 июля 1876 года «Псковские губернские ведомости» сообщили о награждении советника губернского правления, статского советника Лошакова очередным орденом — Святой Анны 2-й степени, а в следующем номере, 24 июля, — об оставлении его за штатом.

Теперь, зная о том, кем был автор первых краеведческих статей о Пушкине, естественно задаться вопросом, случаен ли его интерес к псковской истории и оставил ли Лошаков в ней другие следы. Оказалось, что и до этого у Лошакова были публикации. Из составленного И.И. Василёвым «Библиографического указателя статей, относящихся к Псковской губернии» за 1517—1887 годы видно, что ещё в 1859 году, вскоре после того как 10 февраля первый пассажирский поезд отправился из Пскова в столицу, «Санкт-Петербургские ведомости» в № 69 напечатали статью Лошакова по поводу открытия Лужско-Псковского участка железной дороги, озаглавленную «Очерки Пскова».

18 июля 1866 года в «Псковских губернских ведомостях» был напечатан его обстоятельный очерк о бедной сельской приходской Петропавловской церкви бывшего Сереткина монастыря, находящейся в двух верстах от тогдашней окраины Пскова на правом берегу Великой, а теперь вошедшей в черту города и оказавшейся около моста Александра Невского. Затем 18 июня 1867 года в той же газете появилась заметка об отъезде бывшего вице-губернатора Н.В. Родзянко.

Следует отметить, что в «Губернских ведомостях» Лошаков, как правило, выступал почти анонимно, иногда вовсе не подписываясь, а в лучшем

Здание губернских Присутственных мест, где служил Лошаков

случае указывая инициалы или одну первую букву фамилии. Несмотря на это, руководству губернии и коллегам, в том числе и Василёву, было известно, кто писал эти статьи, и только благодаря названному библиографическому указателю имя автора этих и многих более поздних публикаций знаем и мы.

В середине 1868 года губернатор М.С. Каханов, возобновляя деятельность Губернского статистического комитета, пригласил в его состав псковских краеведов, в том числе и Лошакова. Вскоре любители местной старины предприняли первую попытку создать «Общество собирателей древностей в Пскове», 29 учредителей общества, в том числе и Лошаков, подписали проект устава. Один из инициаторов общества, К.Г. Евлентьев, 30 августа 1869 года направил копию проекта в Императорскую Археологическую комиссию с просьбой о материальной поддержке. Но оказывать денежную помощь комиссия не обещала, и дело тогда заглохло.

Впрочем, отсутствие общества не помешало псковским краеведам усиленно заниматься своими поисками. В связи с религиозным праздником в Любятове в заметке от 25 июля 1870 года Лошаков привёл некоторые сведения из истории этого храма. Воспользовавшись фактом освящения 23 августа 1870 года расширенной Александро-Невской церкви в Псковском тюремном замке, Лошаков через две недели в № 35 «Губернских ведомостей» изложил 65-летнюю историю местной тюрьмы и её храма. Незадолго до этого 13 июня он нарисовал яркую картину отправки осуждённых из тюрьмы в Сибирь. Через год, 26 июня, появилась ещё одна его статья на «тюремную тему».

18 декабря 1871 года был напечатан его рассказ о поездке на Талабские

острова, рисуящий жизнь и нравы их обитателей. В статье он, в частности, сетовал на то, что при восьми кабаках на островах — только одна земская школа на 40 учеников, и давал наивные советы о том, как вести борьбу с пьянством и сквернословием... Ровно через два года, 29 декабря 1873 года, появилась его «Заметка о крестном ходе в Талабске», рассказывающая также и о приходах чудотворной иконы Спасителя из Елиазарова монастыря в Псков. Его статьи от 30 сентября 1872-го и от 8 июня 1874 года были также посвящены истории местных крестных ходов. Список выявленных публикаций Лошакова помещён в третьем выпуске указателя литературы «У истоков псковского краеведения» (2005).

С 1869 года Лошаков был действительным членом Губернского статистического комитета. 4 августа 1872 года он присутствовал на заседании этого комитета при образовании Археологической комиссии и вошёл в первый её состав. Одним из главных дел комиссии стало создание в Пскове краеведческого музея, экспонаты которого поступали в основном от добровольных жертвователей. Среди них был и Лошаков. К примеру, на пятом заседании Археологической комиссии 9 октября 1873 года он передал для музея *«три монеты греческих императоров, приобретённые им во время посещения святых мест в Палестине»*.

Георгий Сергеевич совершил это паломничество весной того же 1873 года, но только через 11 лет вдруг решил поделиться воспоминаниями о нём. Их опубликовал «Псковский городской листок» 6, 10 июня и 19 августа 1884 года под заглавием «Поездка псковича в Иерусалим». В пути Лошаков проявил немалое мужество: только он один из псковичей решился добираться в Назарет, а за день до отплытия в обратный путь успел забраться на гору Фавор, чтобы увидеть место чудесного Преображения Господня.

Протокол следующего, шестого заседания Археологической комиссии от 18 марта 1874 года содержит ещё одно маленькое открытие. На нём Лошаков представил рукопись 1711 года о Мальском монастыре и церковной собственности вблизи Изборска, а также прочёл напечатанное ранее, в № 27 «Псковских губернских ведомостей» за 1869 год, описание посещения Мальского погоста. Евлентьев в городской хронике назвал это описание поэтическим. Так удалось узнать ещё об одной работе Лошакова, подписанной только буквой «Л». Особенно поэтично начало этой заметки, не имеющей заглавия:

«Наш Псков богат воспоминаниями, но не живет ими. Куда вы ни взглянете вокруг, вы видите развалины одне других древнее, одне других замечательнее, и между тем на них обращается весьма мало внимания, часто едва ли знают их значение. Перенесите эти башни, эти семисотлетние полуразрушенные храмы в Германию. — там покрыли бы их каменными футлярами, окружили бы скеврами, в которых по углам поставили бы колоссальные фигуры, с почтением указывающие рукою на эти древности. Перенесите туда

беспреданно попадающиеся у нас родники чудной чистой воды, то струящиеся из-под алтаря какой-нибудь старинной церкви, то напоминающие историческое событие, — там подделали бы из них извивые каскады и нас самих пригласили бы полюбоваться.

Ничего этого у нас нет: время и природа понемногу разрушают священные остатки старины, и если найдутся ещё охотники разрывать древности, то, пожалуй, для того, чтобы отыскивать клады, неизвестно кем и когда сокрытые. А между тем сколько сокровища сокрыто в этих развалинах без всяких кладов!

На эти мысли навело меня посещение на прошедшей неделе погоста Мала или Малое по случаю праздников преподобных Онуфрия и Петра, обыкновенно отправляемого здесь в первое воскресенье после Петрова дня. Небольшая тропинка на пространстве четырёх вёрст извивается от тысячелетнего Изборска по окраине густого кустарника, с одной стороны, и по берегу ручья, с другой, — и приводит нас к поляне, по которой разливается небольшое озеро. Вы нечаянно упираетесь в высокие развалины древней церкви, которую узкий ручей отделяет от другой, существующей ныне церкви Рождества Христова, окруженной столетними деревьями и могилами...»

Дальнейшим повествованием Лошакова могут воспользоваться исследователи истории и архитектуры бывшего Мальского монастыря.

В некоторых сообщениях о заседаниях Археологической комиссии (к примеру, за 14 марта 1875 года) переданные Лошаковым вещи или документы конкретно не названы. Зато в протоколе 12-го экстренного заседания комиссии от 9 апреля 1877 года перечислены сразу четыре его «приношения», в том числе литографированный портрет псковского губернатора генерал-майора Ф. Ф. Бартоломея (сохранившийся и недавно выставившийся музеем), архиерейская митра без украшений, старые литературные журналы.

Отметим ещё, что на заседании 20 мая 1876 года три члена Археологической комиссии взяли составительские предмети, собранные в музее, и Лошаков, в частности, согласился подготовить описание церковных древностей музея.

Георгий Сергеевич брал на себя и другие общественные обязанности. «Памятные книжки Псковской губернии» отмечают, что в Распорядительном комитете благотворительного общества святой Марии он был секретарём; стал членом-соревнователем Общества псковских врачей и членом Торопецкого благотворительного общества; десять лет состоял в Губернском попечительном комитете о тюрьмах.

Ещё когда Лошаков работал в губернском правлении, его избрали в Дворянское депутатское собрание от Торопецкого уезда. Депутатом дворянства он оставался до 1882 года.

Некоторое представление о жизни Лошакова после увольнения за штат дают его письма за 1877—1901 годы столичному покровителю, одному из руководителей Российского общества Красного Креста Ивану Петровичу Балашову, обнаруженные в петербургском архиве (РГИА, фонд 892, опись 3, дело 446). Очевидно, по его заданию в начале Русско-турецкой войны Лошаков отправился в тыл действующей армии и занимался организацией перевозки раненых из госпиталя Кишинёва, Унген, Одессы...

В Псков он вернулся в конце 1877 года. Здесь через два года скончалась его мать, жившая у него почти двадцать лет. В письме 1882 года Лошаков упомянул, что по приглашению здешнего археологического общества займётся разборкой его музея и архива.

Не имея своей семьи, Георгий Сергеевич всячески старался помочь сёстрам. Средняя из них, Екатерина, рано осталась вдовой после смерти мужа, коллежского асессора Баскевича, а другая постоянно болела. Дом Баскевичей, в котором нередко и подолгу жил Георгий Сергеевич, находился на левой стороне Новгородской улицы рядом с Казанской церковью (на его месте сейчас стоит дом № 2 на улице К. Маркса). В «Памятной книжке Псковской губернии на 1905—1906 годы» имеется, вероятно, последнее упоминание о Г.С. Лошакове как о гласном Торопецкого уездного земского собрания, жившем в сельце Тахново Всхоновской волости, а в списке имений этого уезда указано, что свои 404 десятины земли села Корсунского той же волости он сдавал в аренду. Дата и место его смерти неизвестны.

Таковы некоторые страницы биографии псковского краеведа и местного автора первых статей о жизни Пушкина на Псковской земле

«Здесь временно проживал...»?

На заседании Псковской городской думы 21 апреля 1898 года её гласный, председатель училищной комиссии думы, преподаватель реального училища Иван Алексеевич Соколовский предложил отметить предстоящий столетний юбилей со дня рождения Пушкина и, в частности, устроить просветительное учреждение его имени. Так в городе началась подготовка к празднованию этой знаменательной даты.

Через 13 месяцев, за пять дней до юбилейных торжеств, 21 мая 1899 года (все даты приведены по старому стилю), городская дума рассмотрела ещё одно предложение. В протоколе заседания об этом записано так: «...б. Доложено заявление домовладельца И.И. Тульчиева о том, что, по местному преданию, в принадлежащем ему доме по Сергиевской улице жила сестра А.С. Пушкина, по мужу Павлищева, у которой проживал её брат во время пребывания его в Пскове. Достоверно известно, что остов дома, расположение окон остались те же, только крыша вместо черепичной сделана железная, пристроено крыльцо и в подвальном помещении сделаны окна, которых прежде не было. Поэтому г. Тульчиев просит городскую думу прибить приличную событию доску на его доме, дабы и этим почтить память великого поэта.

Городская дума, выслушав заявление по сему предмету гласного Н.В. Курпичникова, подтвердившего, на основании известных ему сведений, заявление Тульчиева и соглашаясь с ним, постановила: заявление это принять и на доме Тульчиева повесить мраморную доску с надписью: «Здесь временно проживал Александр Сергеевич Пушкин»; впредь же до изготовления мраморной доски повесить временную из железа и дерева».

Мемориальная доска была установлена тихо и скромно, без красивых речей и оркестра. Так просто и быстро, без обсуждения в комиссиях и тщательной исторической проверки, в Пскове появилась первая и, пожалуй, единственная дореволюционная мемориальная доска. До этого, чтобы почтить выдающуюся личность или важное событие, здесь поставили памятники императору Александру II и в честь победы над войсками Стефана Батория, дали название Кахановскому бульвару, Ольгинской и Княже-Владимирской улицам, Александровской, Муравьёвской и Ольгинской набережным, возводили храмы и часовни, устанавливали памятные кресты, в учреждениях вывешивали портреты, «с Высочайшего позволения» присваивали звание Почётного гражданина Пскова...

Дом И.И. Тульчиева на Сергиевской улице (1910-е годы)

Чтобы понять, насколько осведомлёнными были люди, предложившие отметить памятное пушкинское место, придётся хотя бы вкратце рассказать о них.

Иосиф Иванович Тульчиев родился 4 апреля 1860 года вдали от Пскова, на берегах Южного Буга. Отец не одобрял его интереса к музыке, и 15-летний Иосиф тайком ушёл из дома и пешком отправился в столицу, собирая по дороге подаяние пением на церковной паперти. В Пскове у Троицкого собора талантливого паренька заметил любитель духовного пения, домовладелец, не раз избиравшийся гласным городской думы Михаил Никитич Литвинов. Он приютил юного певца в своей бездетной семье, устроил в соборный хор. В 1884—1891 годах на средства Литвинова Тульчиев вольнослушателем учился в столичной консерватории, благодаря чему с 1892 года ему предоставили место преподавателя музыки и пения в Псковском кадетском корпусе. Литвинову с начала 1870-х годов принадлежал большой земельный участок рядом с церковью Сергия с Залужья, тянувшийся на 33 сажени (70 метров) вдоль Сергиевской улицы к крепостной стене и на 58 метров от угла Сергиевской по улице, застроенной только с одной стороны. Улицу эту называли то Стенной, то Застенной, а то и Подвальной (под валом), а последние 85 послереволюционных лет — улицей Свердлова. Кроме жилого дома и хозяйственных построек там был прекрасный сад, а в оранжереях разводили цветы и комнатные растения. Плоды Литвинов использовал на собственном заводе искусственных и минеральных вод.

располагавшемся здесь же, а цветы продавали из магазина, устроенного во флигеле.

В 1892 году, после смерти Литвинова, домовладение унаследовала его вдова Анна Сидоровна, а в ноябре 1897 года по купчей крепости оно перешло к Тульчиеву. Сад он сдавал в аренду, а заводом руководил сам. Иосиф Иванович играл заметную роль в культурной жизни Пскова. Под его председательством Псковское хоровое общество летом 1911 года провело первый русский Певческий народный праздник.

Не менее известным в Пскове был и судья Николай Васильевич Кирпичников, поддержавший предложение Тульчиева о мемориальной доске. Он происходил из семьи потомственных псковских купцов, окончил столичный университет, избирался в городскую думу, участвовал в работе общественных организаций, издал вместе с Василёвым древнюю Псковскую судную грамоту, обладал выдающимся ораторским талантом...

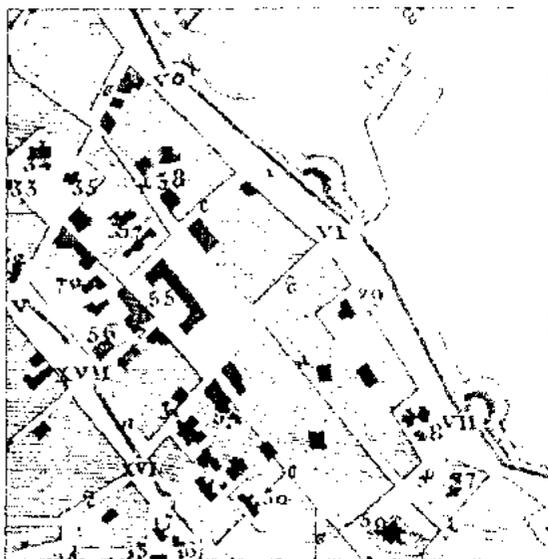
К сожалению, эти уважаемые и образованные псковичи не удосужились тогда проверить, действительно ли старшая сестра поэта Ольга Сергеевна Пушкина (1797—1868) жила в Пскове. Между тем в годы ссылки Пушкина в Михайловское она была с родителями в столице, затем ушла из родительского дома и 26 января 1828 года тайно обвенчалась с Николаем Павлицевым, который был моложе её. Выйдя замуж, Ольга Сергеевна взяла к себе Арину Родионовну, которая в конце 1828 года скончалась у неё на руках. Когда супруги жили в Петербурге, Александр Сергеевич часто бывал у сестры. Затем в связи со служебным переводом мужа Павлицевы переехали в Варшаву, где и узнали о гибели поэта.

Более того, в майские дни 1899 года, когда дума принимала решение об установке мемориальной доски на доме Тульчиева, в Пскове уже продавали книгу известного краеведа Ивана Ивановича Василёва «Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии». Её издал «Высочайше утвержденный Комитет по сбору денег на устройство в Пскове учебно-образовательных заведений в память поэта...». По поводу пушкинских мест города почтенный автор высказался скептически: *«Где останавливался Пушкин во Пскове — неизвестно. Сохранился один небольшой рассказ. Лет двадцать пять назад одна из обывательниц Петровского посада, некто Демидова, передавала, что она часто видела Пушкина во Пскове: ученицы одного пансиона, в том числе и она, гонялись за ним. Останавливался он, по её рассказам, на Сергиевской улице, в доме Литвинова, где был впоследствии Ольгинский приют. Отсюда он ходил гулять на площадку соборной горы и долго там останавливался. Мне кажется, однако, что рассказ об остановке Пушкина в доме Литвинова не вполне справедлив. Сергиевская улица в 1826 г., к которому относится рассказ Демидовой, не имела настоящего вида. В начале*

её от Сергиевских ворот тогда были расположены дома по левой стороне, если смотреть за город, так: против стены, составлявшей улицу, был Сергиевский переулочек, названный так от находившейся на ней церкви Сергия Радонежского, а за нею был дом, принадлежавший в пятидесятых годах чиновнику Тихомирову. Церковь стояла на лугу, который отделялся от улицы деревянным забором. Для дома Литвинова тогда и места не было».

Приходится отметить, что не совсем чётко изложенное сообщение Василёва о другом виде Сергиевской улицы в пушкинские времена пока не удавалось подтвердить соответствующими картами Пскова. И даже наоборот. Киевский митрополит Евгений Болховитинов, до этого возглавлявший Псковскую епархию, приложил к «Истории Княжества Псковского» план города 1821 года, гравированный при Военно-топографическом депо. На нём Сергиевская улица, обозначенная литерой «д», уже идёт от Сергиевских ворот (отмеченных латинской цифрой VI) в привычном для нас направлении, как и современный Октябрьский проспект. Нет на плане и Сергиевского переулочка.

Впрочем, псковичи не придали особого значения научному труду краеведа, и никаких предложений о снятии сомнительной мемориальной доски в городскую думу не поступало. К тому же Василёв тем самым ещё раз подтвердил, что и он слышал разговоры о посещении Пушкиным именно этого дома. Кроме того, Василёв упомянул об Ольгинском приюте, который находился в доме Литвинова. Правда, не отметил, когда именно. Между тем Детский приют Святой Ольги последовательно размещался в трёх различных зданиях. Его открыли на собранные благотворителями деньги 11 июля 1844 года в наёмном доме. Фасад этого здания тогда же был зарисован и литографирован губернским землемером И.С. Ивановым и воспроизведён в брошюре «О Псковском Детском приюте святой Ольги», изданной в том же 1844 году для привлечения

Фрагмент плана Пскова (1821 год)

денег на его содержание. Так что не трудно убедиться, что речь идёт не о доме Литвинова-Тульчиева. В том наёмном помещении приют находился только четыре года.

«Псковские губернские ведомости» в № 4 за 1849 год сообщили об утверждении купчей крепости от 29 октября 1848 года, по которой восемь взрослых детей статского советника Василия Чачкова продали Псковскому детскому приюту деревянный дом со всеми постройками, садом и местом в 17-м отделении 1-й полицейской части города Пскова. В этом, уже собственном, доме приют находился четверть века, пока тот не обветшал и не стал тесным. Попечительство о детских приютах приобрело в 1873 году другой, двухэтажный деревянный, дом на каменном фундаменте, а в следующем году продало старый дом великолуцкому мещанину Литвинову. Тому пришлось значительно отремонтировать дом и произвести те изменения, о которых сообщал Тульчиев думе в своём ходатайстве 1899 года.

Но вернёмся к мемориальной доске на доме Тульчиева. После её установки в нём ничего не изменилось ни внутри, ни снаружи. Небольшая памятная доска терялась среди более крупных вывесок, предлагавших приобретать изделия завода искусственных и минеральных вод и цветы из садоводства, воспользоваться услугами дантиста и случайного пункта государственного коннозаводства, находившегося во дворе. Не случайно 3 сентября 1908 года газета «Псковская жизнь» поместила маленький фельетон: его автор, назвавшийся «Вояжером», завидя дом, украшенный надписью, что в нём останавливался поэт Пушкин, решил — там его музей. А оказалось — зубодёрное заведение. (Кстати, дантистом здесь был Марк Белинский, женившийся позднее на дочери Иосифа Тульчиева с лиричным именем Муза. Она окончила Петроградский женский медицинский институт и работала после революции в Пскове.)

Выходившие в первое десятилетие нынешнего века путеводители «Прошлое Пскова в его исторических памятниках» В. Гедимины (1903), «Древний и настоящий Псков» Б. Кремлёва (1906) рассказывали лишь о памятниках древней архитектуры и не касались пушкинских мест города. И только Николай Фомич Окулич-Казарин в обширном «Спутнике по древнему Пскову» (1911) не обошёл вниманием дом Тульчиева. Он осмотрел подвалы и убедился в их почтенном возрасте. А ещё он получил от Льва Николаевича Павлицева письмо, в котором тот категорически заявлял, что его мать Ольга Сергеевна «никогда, нигде и никаким домом не владела». И вот родилась новая версия. Не приводя никаких доказательств, Окулич-Казарин уверяет читателей, что «*есть полное основание считать этот дом принадлежавшим в начале XIX ст. псковскому дворянину Гавриилу Петровичу Назимову, владельцу села Преображенского. Пушкин находился с Назимовым в приятельских отношениях, бывал у него в Преображенском и игрывал там в карты. о чём свидетельствует его полу-*

стихотворное письмо к Великопольскому, писанное 3 июня 1826 года из Преображенского».

Приведя это широко известное письмо, Николай Фомич делает вполне естественный вывод: *«Поэтому нет ничего невероятного в том, что Пушкин во время своих приездов во Псков мог останавливаться именно в доме Г. П. Назимова».* И действительно, вполне возможно, что Александр Сергеевич не только бывал у Гаврилы Петровича, но и останавливался у него. Но весь вопрос в том, как доказать, что это было именно в том доме на Сергиевской улице, который удостоился в 1899 году мемориальной доски.

Между тем ещё за десять лет до выпуска Окуличем-Казариным путеводителя были опубликованы документы, заставляющие сильно усомниться в этом. «Памятная книжка Псковской губернии на 1901 год» завершалась важной краеведческой статьей «Гор. Псков сто лет тому назад» с приложением «Списка домам, состоящим в Пскове и его предместьях». Список был составлен городским магистратом в 1805 году для определения размера сбора с каждого домовладельца. При этом центральная часть Пскова в треугольнике между Великой, Псковой и стеной Окольного города была разделена на три квартала. Первый квартал располагался вдоль левого берега реки Псковы, третий примыкал к правому берегу Великой, а второй находился посередине: между улицами Великолуцкой (сейчас Советская) и Новгородской (Карла Маркса). Таким образом, Сергиевская улица проходила по центру второго квартала. И в 1805 году на ней не было дома Назимовых.

Деревянный дом помещика Петра Назимова (отца Гаврилы Петровича) числился в списке за № 137, а под № 138, то есть по соседству, указан дом помещика Александра Окунева с примечанием, что на его месте затем выстроено здание классической гимназии (ныне школа № 1). В третьем квартале под № 236 указан каменный дом с флигелем помещицы Екатерины Назимовой. Да ещё у помещицы Анны Шишковой — бабушки Михаила Александровича Назимова, на средства которой через пять лет построили церковь Успения на Полощице. — поблизости от храма были два деревянных дома №№ 125 и 135, тоже перешедшие к Назимовым.

Так, в частности, Евгений Петрович Назимов — герой Отечественной войны 1812 года, брат Гаврилы Петровича, стал хозяином построек на углу Великолуцкой и Георгиевской улиц. К их двоюродной сестре Анне Александровне Назимовой, по мужу Набоковой, перешел в приданое или по наследству дом рядом с церковью Георгия со Возова (на месте музыкального училища). Из архивных дел о постройке Дома дворянского собрания на Великолуцкой улице (ныне д. 52 на Советской) видно, что отставной штаб-ротмистр Г. П. Назимов в 1834 году продал под его постройку часть своего участка с двумя двухэтажными каменными флигелями. Справа от Дома дворянского собрания, в соседнем

деревянном домике более четверти века прожил вернувшийся в Псков после ссылки и войны на Кавказе декабрист М.А. Назимов — двоюродный брат Гаврилы Петровича.

Однако этих сведений недостаточно для ответа на вопрос, где именно летом 1826 года жил сам Гаврила Петрович. Смущают и новые факты из его биографии, выявленные по просьбе автора этих строк петербургским исследователем А.А. Шумковым в архивных делах бывшего Департамента герольдии. Оказывается, жена Гаврилы Петровича Вильгельмина Петровна, в девичестве Шефер, 14 января 1824 года родила в Гамбурге сына Владимира и крестила в христианскую веру по лютеранским канонам. 30 марта 1826 года у них родился второй сын. Его крестили 7 мая в Псковоградской Космодемьянской церкви и назвали Никандром. Одновременно там же был присоединен к православной вере через миропомазание и старший сын Назимовых Владимир.

В эти майские дни 1826 года Пушкин был в Пскове. Очевидно, он присутствовал и на торжествах по случаю крещения малолетних братьев Назимовых. Более того, председатель Псковской уездной земской управы Владимир Владимирович Назимов говорил, что его отца Владимира Гавриловича в семье считали крестником великого поэта. Это явное преувеличение: в обнаруженных выписках из метрических книг восприемниками при крещении Никандра и Владимира названы другие псковичи. А эта семейная легенда могла появиться потому, что Пушкин был на крестинах и за праздничным столом играл с двухлетним Владимиром.

Но из факта крещения детей в церкви Косьмы и Демьяна с Примостья приходится сделать важный вывод: значит, в то время Гаврила Петрович был прихожанином этого храма и жил где-то там, близ моста через Пскову, называвшегося тогда Высоким. И это ещё одна загадка: в 1805 году, то есть двадцатью годами раньше, у Назимовых собственного дома на Запсковье не было.

Необходимо назвать ещё одну жившую в Пскове семью, в которой Пушкин не только бывал, но и мог останавливаться. С февраля 1822 года 3-й пехотной дивизией, размещавшейся в Пскове, командовал генерал Иван Александрович Набоков. Он жил здесь десять лет с женою Екатериной Ивановной, урождённой Пушиной, и детьми. Брат Екатерины Ивановны — лицейский друг поэта Иван Иванович Пушин — приезжал к Набоковым в Псков, а ночью 11 января 1825 года тайком отправился от них к Пушкину в Михайловское. Естественно, что поэт, выбираясь в Псков после восстания декабристов, непременно навещал Набоковых, чтобы узнать о судьбе арестованных друзей. Именно Набоковым Пушкин вручил для пересылки в Сибирь своё знаменитое послание к Пушину — «Мой первый друг, мой друг бесценный...»

В качестве рабочей гипотезы можно даже высказать предположение, что за 70 лет, прошедших после этих событий, псковичи стали неточно произносить

схожие фамилии, так что к 1899 году говорили не о сестре Луцина, которую действительно посещал поэт, а о сестре Пушкина, то есть об Ольге Сергеевне Павлицевой. Однако пока не удаётся документально доказать, что Набоковы жили на Сергиевской улице в доме, доставшемся Тульчиеву, и тем самым подтвердить правомерность первой псковской мемориальной доски. И наоборот, нашлось противоположное свидетельство.

Другой брат Екатерины Ивановны Набоковой — Михаил Иванович Пуцин, тоже привлекавшийся к уголовному делу декабристов, в 1830 году получил разрешение поселиться в Пскове. Вскоре он женился на псковичке. Его подробные воспоминания опубликовал «Русский архив» в ноябре — декабре 1908 года. В них есть два важных для нашей темы эпизода. В 1833 году император Николай Павлович приехал в Псков. К тому времени Набоков уже командовал корпусом и переехал в Новгород. Вскоре к нему перебралась и супруга с детьми. «Остановился Государь в доме Назимова, который только что оставлен был въехавшей в Новгород моей сестрой; свита его поместилась в том же доме наверху». М. Пуцин не раз в те дни поднимался на второй этаж к знакомым из царской свиты.

Самое грустное псковское воспоминание Михаила Ивановича касалось болезни и смерти молодой жены. Доктор «... советовал мне перевести больную в город, где предлагает мне помещение Назимов Гав. Пет., в доме мне знакомом и не стесненном строениями. Конечно, я послушал последовать его совету и поместился на квартире, которую занимала во Пскове сестра».

Итак, Набоковы действительно жили в доме Гаврилы Петровича Назимова, но тот дом был двухэтажным. А Тульчиеву принадлежал одноэтажный дом. Очень слабую надежду оставляет лишь то, что рассказ М.И. Пуцина относится не к 1826-му, а к 1830-м годам.

Излагая эти воспоминания, Антонин Александрович Попов в книге «Декабристы-псковичи» (1980) добавил: «Предположительно этот дом находился на Запсковье, недалеко от церкви Богоявления». Если это предположение обоснованное, то оно хорошо сочетается с крещением детей в церкви Косьмы и Демьяна, расположенной совсем близко от храма Богоявления с Запсковья.

Большой интерес представляет заметка без подписи в «Псковском городском листке» за 5 июня 1883 года о других пушкинских местах Пскова, которая не воспроизводилась более века: «Июль и август 1826 года Пушкин провёл в Пскове; время для него грустное и неудачное, разоблачающее много надежд. Он пытался испросить разрешение отправиться за границу для лечения; он должен был подвергнуться медицинскому освидетельствованию во врачебном отделении. Жизнь в не особенно комфортабельной гостинице (сгоревшей в 50-х годах, стоявшей между нынешними гостиницами «Псков» и «Лондон»); продолжительное ожидание разрешения из столицы; неудача в картежной игре, не

соответствующее его поэтическому духу общество, смотревшее несколько искоса на изгнанника, — всё это не могло не отозваться на настроении духа его во время псковского пребывания. Нам передавали современники этого периода, что особенно в один день не посчастливилось Пушкину. Мало-помалу устранившись от другого общества, Александр Сергеевич посещал часто, почти ежедневно, дом помещика Фон-дер-Беллена (ныне дом Шатилова). Здесь велась большая игра. Пушкин проиграл в один вечер 3000 рублей, притом был просто измучен одной дамой, надоедавшей ему просьбами, чтобы он написал ей что-нибудь в альбом или вообще написал бы что-нибудь про Псков».

Как видим, о доме Назимовых в этой заметке вообще ничего не говорится. А упоминание о гостинице заставляет думать, что Пушкин предпочитал не стеснять своих псковских знакомых и если навещал их, то не останавливался на жительство. Упомянутая сгоревшая гостиница находилась на Сергиевской улице, напротив единственного сохранившегося до нашего времени одноэтажного деревянного с каменным подвалом дома № 10а на Октябрьском проспекте. Все разрушенные здания этого квартала с бывшими гостиницами и меблированными комнатами «Лондон», «Палермо», «Псков», «Париж» были разобраны после войны, и на их месте вокруг церкви Василия на Горке разместился Сквер псковских партизан и часть Октябрьской площади.

Не сохранился и такой несчастливый для Пушкина дом, перешедший в дореволюционные годы к дочери земского начальника Бориса Михайловича Шатилова — Александре Борисовне Порохиной. Обширное домовладение, впоследствии принадлежавшее Фон-дер-Белленам, Шатиловым и Порохиным, выходило на две улицы — Ивановскую (ныне Гоголя) и Стенную (Свердлова) и находилось в середине этого квартала, ограниченного также Октябрьским проспектом и Комсомольским переулком.

К великому сожалению, дореволюционные псковские краеведы слишком поздно и не очень основательно стали изучать пушкинские места Пскова. Возможно, многое осталось упущенным безвозвратно. А вопрос о судьбе мемориальной доски на доме Тульчиева имеет теперь только исторический интерес. Ведь и сам дом, со всеми его постройками, и доска исчезли после Великой Отечественной войны, так как остатки дома восстанавливать не стали и всё пространство по правой стороне Октябрьского проспекта между улицами Гоголя и Свердлова занял современный дом № 15.

Первый рисунок сельца Михайловского

Братья Матвей и Михаил Виельгорские были известными музыкальными деятелями. В своём столичном доме с 1826 года они постоянно проводили симфонические и камерные вечера, на которых бывал и Пушкин. Граф Матвей Юрьевич стал одним из организаторов и первых директоров Императорского русского музыкального общества, отделение которого в 1867 году было создано и в Пскове. А Михаил Юрьевич сочинял музыку к «Цыганам», посещал смертельно раненого поэта, и Пушкин, прощаясь с друзьями, сказал, что искренне любит его.

Графа Михаила Виельгорского по просьбе Натальи Николаевны включили в состав опеки, учреждённой над имуществом и малолетними детьми скончавшегося поэта. Обращаясь от имени опекунов к псковскому губернатору Алексею Никитичу Пещурову по поводу составления описи имущества в имении Пушкиных, Михаил Юрьевич в письме от 31 марта 1837 года добавляет: *«Не найдётся ли порядочного живописца в Псковской губернии, который бы взялся за условленную плату снять два вида: один — могилы Пушкина, находящейся в Святогорском монастыре, а другой — вид домика, находящегося в селе Михайловском, где жил покойный Александр Сергеевич»*

13 апреля губернатор ответил Виельгорскому: *«...Что касается до живописца для снятия вида с могилы Пушкина и с домика, где жил он в сельце Михайловском, то я постараюсь найти такового и не премину уведомить, но сие надобно будет исполнить не прежде, как летом, ибо вид будет несравненно приятнее».*

Через год новый запрос прислал граф Григорий Александрович Строганов, и А.Н. Пещуров отвечал ему 19 апреля 1838 года: *«Что касается до снятия видов могилы Пушкина и домика в сельце Михайловском, то виды сии готовы были ещё прошлым летом, и я посыпал занимавшегося оным псковского губернского землемера Иванова к графу Виельгорскому, который, как сказывал мне Иванова, одобрил их. Один экземпляр сих видов при сем имею честь представить...»*

Вскоре, 12 мая, Виельгорский подтвердил: *«Доставленные Вами виды могилы Пушкина и домика села Михайловского представлены ныне в опекунство, которое, вновь поручив мне благодарить Ваше Превосходительство за оказанное тем внимание просьбы оного, покорнейше просит довершить труд сей, уведомить опекунство, что следует заплатить снявшему те виды зем-*

Рисунок сельца Михайловского

лемеру Иванову». Губернатор сообщил художнику о согласии опекунства оплатить его труд и, получив от него отзыв, переслал подлинник в столицу.

Итак, эта долгая переписка, приведённая частично в брошюре И.И. Василёва «Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии» (СПб., 1899) и сохранившаяся более полно в Институте русской литературы (Пушкинский Дом), позволяет установить не только точное время, но и обстоятельства появления первого рисунка сельца Михайловского. Этот рисунок воспроизводится почти во всех изданиях, посвящённых жизни поэта в Псковском крае, так как более ранние виды пушкинской усадьбы неизвестны, да и вряд ли существовали. К тому же весной 1860 года домик поэта был сломан за ветхостью. Поэтому рисунок Иванова стал бесценным раритетом и его так тщательно изучают все, кто занимается реставрацией в Заповеднике.

Михайловское зарисовал землемер, привыкший по профессии снимать точные планы участков. Но его рисунок оказался не сухой фиксацией увиденного, а достойным произведением искусства. Он пирично и тонко передаёт не только вид зданий и окружающую усадьбу природу. Художник постарался оживить картину воспоминаниями о Пушкине и его соседях, бытовыми деталями. У него на рисунке от барского дома на белом коне отъезжает всадник в сюртуке и широкополой шляпе с тростью в руке, за ним бежит собачка, а по тригорской дороге навстречу едет коляска, запряжённая парой лошадей, с кучером и двумя барышнями. Не трудно догадаться, что так художник изобразил Пушкина и обитателей Тригорского. Женщина на крыльце напоминает об Арине Родионовне. В пейзаж естествен-

но вписываются фигурки крестьян, стадо у Сороти, бредущий старик... К сожалению, эти детали обычно плохо видны на репродукциях. А подлинник рисунка был намного больше и в литографском исполнении составлял 40 x 30 см.

Совсем другое настроение создаёт рисунок Святогорского монастыря, посвящённый памяти рано погибшего поэта. Он лишён подобных деталей, отвлекающих внимание от свежей могилы Пушкина. Могилка обозначена высоким деревянным крестом; рядом у апсид Успенского собора — плиты на захоронениях матери поэта и Ганнибалов.

Оба рисунка доказывают, что их создал опытный рисовальщик. Губернатор, конечно, не случайно поручил работу именно Иванову. Очевидно, псковичам были известны другие его живописные работы. И действительно, такие картины не только были, но и сохранились до наших дней благодаря его энергии, трудолюбию и предприимчивости. 11 июня 1837 года петербургская ежедневная газета «Северная пчела» поместила «Письмо псковича к петербургскому другу» с таким сообщением: «...под руководством здешнего губернского землемера г. Иванова вновь заводится литография. Первые опыты её произведены с необыкновенным искусством, которым не отреклись бы похвалиться и стольные наши художники». И «Псковские губернские ведомости» в новогоднем обзоре от 2 января 1841 года отметили в городе такие важные перемены последних лет, как появление кондитерских, книжного магазина, литографии, справочного места.

Самой известной из литографий стала «Галерея видов города Пскова и его окрестностей, снятых с натуры, издаваемая Псковским губернским землемером Ивановым». В её первую тетрадь вошли четыре литографированных рисунка с такими же длинными, в духе времени, названиями:

1. Псков с юго-западной стороны с изображением крестного хода, возвращающегося в Печерский монастырь;
2. Изборск, основанный в VII веке, столица Князей Российских, с могилою Князя Трувора;
3. Пролом Короля Стефана Батория, сделанный в Псковской городской стене. 1581 года;
4. Святогорский монастырь, основанный в 1561 году, с изображением могилы А.С. Пушкина.

На каждом листке под рисунком мелким курсивом помечено: «Литографировано в Пскове 1837». И к каждой литографии приложен отдельный лист с подробным описанием изображённого вида

Предстоящий выход второй части «Галереи» Иванов проанонсировал 4 мая 1838 года через «Псковские губернские ведомости», обещая напечатать в ней список лиц, подписавшихся на издание. Во вторую тетрадь также вошли четыре литографии:

-
1. Мирожский монастырь и церковь Преображения, существующая с основания своего архиепископом Нифонтом в 1156 году, и Губернская гимназия;
 2. Печерский монастырь, ограждённый каменною стеною в 1565 году, с церковью Успения П.Б., выкопанной в горе в 1523 году;
 3. Снеогогорский монастырь, основанный в 1312 году, с церковью Рождества Богородицы;
 4. Сельцо Михайловское, А.С. Пушкина, состоящее в Опочецком уезде, от Святогорского монастыря в 3-х верстах.

Кроме того, на нижней обложке этой тетради Иванов счёл необходимым дать такую информацию: *«Все виды галереи Пскова и его окрестностей сняты с натуры; на камне рисованы г. Александровым, литографированы в Пскове; продаются в С. Петербурге в магазинах гг. Смирдина и Снегирёва, в Москве в книжном магазине А.Ф. Смирдина и у самого издателя в Пскове. Цена за обе части с текстами 15 рублей ассигнациями, а за каждый эстамп порознь с текстом по одному рублю серебром».*

Рисунки Иванова перенес на литографические камни известный столичный художник-литограф Пётр Александрович Александров, а не его однофамилец Павел Алексеевич, как считали некоторые исследователи. А список подписчиков на «Галерею» содержал 38 фамилий, из них 14 псковичей, ещё 14 жителей губернии (Порхова, Холма и Великих Лук), восемь — из Петербурга и два — из Луги.

Немалый интерес представляют описательные тексты, приложенные к каждой литографии, особенно о сельце Михайловском:

«Здесь представлен господский дом помещиков Пушкиных, стоящий одиноко почти в двух верстах от деревни, которая собственно называется Михайловское. Этот дом должен быть столь же драгоценным для русских, как для англичан дом Шекспира: в нём несколько времени постоянно жил Пушкин и после из Петербурга почти каждую осень приезжал сюда. Много произведений его здесь обдумано, а ещё больше писано...»

Деревянный и уже обветшалый одноэтажный дом Пушкина занимает середину между службами, идущими с обеих его сторон. Пушкин выбрал для себя комнату с правой стороны последнюю, в три окна. Перед домом с этой стороны есть небольшой сквер (теперь говорят «сквер». — Н.Л.). Дорога к нему хорошо обделана, так что за версту начинается чистый парк, украшенный по местам цветниками. Противоположная сторона дома обращена к реке Сороти, извивающейся по приятному луку. Пушкин любил купаться. Можно вообразить, сколько удовольствия доставляла ему близость реки...»

Это лишь два фрагмента обширного текста, перемежающегося цитатами из пушкинских стихов. И весь текст дышит искренней любовью к Пушкину, которого Иванов в описании Святогорского монастыря назвал «славнейшим из наших поэтов».

Литография с видом Печерского монастыря

Остальные шесть видов Пскова и его окрестностей имеют не меньшее историческое, краеведческое значение. Их художник рисовал столь же своеобразно, с множеством житейских сцен, с лодками, всадниками, фигурками людей, коров... Удивительный подарок исследователям своего творчества он преподнёс на рисунке Псково-Печерского монастыря в левом нижнем краю изображён за работой живописец с мольбертом на коленях. Конечно, это автопортрет Иванова в профиль довольно чёткий. Автору нельзя отказать в чувстве юмора: на рисунке его в упор рассматривают два парня-полуверца, впервые видящие художника: один из них в задумчивости даже засунул палец в рот.

«Галерея» сразу получила высокую оценку 23 марта 1839 года был разрешен к выпуску 14-й том основанного Пушкиным журнала «Современник». В обзоре новых сочинений «Галерею» посвящены полторы страницы:

«На прекрасное и у нас совершенно ещё новое предприятие г. Иванова мы смотрим как на учёный труд, который он исполняет со всею заманчивостью художника. Псков и его окрестности — классические места в древней истории нашей. Не только прелестью видов, они высоким своим значением в Летописях наших достойны внимания соотечественников. Художник сочетал эти две идеи и осуществляет их достойным образом. При каждом виде вы находите его историю, сжатую, но полную жизни и занимательности. Мы уверены, что узнать названия изображённых им предметов любопытно будет для каждого из наших читателей. (Далее приводятся все восемь длинных подписей под картинами. — Н.Л.). После исчисления сих видов мы ничего не смеем прибавить, что бы ещё могло сильнее возбудить и участие и внимание. В описании сельца Михайловского, где получили жизнь лучшие создания из произведений нашей литературы, мы встретили несколько подробностей о жизни поэта, истинно бесценных и умилительных».

Более того, по Высочайшему повелению императора от 21 апреля 1838 года «за полезное предприятие по распространению сведений в Отечественной истории» Иванова наградили бриллиантовым перстнем.

Теперь, заинтриговав читателей описанием интереснейшего издания Иванова, пора поделиться сведениями о его жизни, которые удалось собрать по псковским источникам. В Государственном архиве Псковской области среди бумаг дворянских семей Ивановых, несколько не связанных между собой, есть и «Дело о внесении в третью часть родословной книги коллежского ассессора Ильи Степановича Иванова с сыном Павлом и дочерьми Александрю, Глафирую и Екатериною с выдачей на имя каждого по документу» (фонд 110, ед. хр. 342).

Из него мы узнаём, что Илья Иванов происходил из обер-офицерской семьи и был на два года старше Пушкина. 21 апреля 1813 года мальчика приняли на обучение в чертёжную межевого департамента Правительствующего Сената. Через 5 лет, 10 сентября 1818 года, он получил звание младшего землемера, а 31 декабря 1820 года — назначение в Гдов уездным землемером. Там он женился на гдовской помещице Марии Михайловне Быковой, владевшей в родовом имении — сельце Узьмино Быстреевского погоста за речкой Еглиной — 18-ю ревизскими душами крестьян. Затем на имя Марии Михайловны Ивановы приобрели ещё 46 душ в деревнях Колечко и Смердино Вельского погоста Гдовского уезда. Своих детей: Александру, родившуюся в 1824 году, Павла — в 1827 году и Глафиру — в 1829 году — они крестили в Михайловской церкви погоста Быстреево.

16 сентября 1830 года Сенат перевёл Илью Степановича на должность псковского губернского землемера. Указом от 28 апреля 1833 года его наградили первым орденом — Святого Станислава 4-й степени, — дававшим право на

дворянское достоинство, и уже через три месяца он обратился с соответствующим прошением. В Пскове у Ивановых родилась младшая дочь Екатерина, которую крестили 3 декабря 1833 года в Покровской от Торга церкви.

Незаурядность личности Иванова проявилась с первых дней службы в Псковской губернии. Об этом свидетельствует другой архивный документ — «Дело о приглашении гг. дворян к подписке на издание губернским землемером Ивановым карт Псковской губернии, каждого уезда порознь» (ГАПО, фонд 366, дело 437). Оно началось 4 июня 1834 года письмом губернского предводителя дворянства Николая Александровича Яхонтова (знакомого Пушкина) всем восьми уездным предводителям, в том числе и другому пушкинскому приятелю — Гавриилу Петровичу Назимову:

«Псковский губернский землемер г. Иванов, жертвовавший в продолжение трёх лет всем своим временем для собрания подробнейших сведений о губернии, ныне составляет карты каждого уезда порознь. Приближаясь к концу своих занятий и желая услужить благородному дворянству Псковской губернии сочинёнными им картами, на которых показаны:

а) не только все селения ныне существующие, но видно будет ведомство, к которому принадлежат, и число дворов

в) контуры песов, болот и прочей ситуации

с) дороги почтовые и главные просёлочные, с показанием станций и числа вёрст

д) реки судоходные, большие и средние, с показанием бродов и порогов, препятствующих коммуникации в отношении промышленности.

Карты сии могут быть полезны для всяких статистических соображений, будут искусно литографированы и напечатаны на лучшей бумаге и по последней методе Высочайше утверждённых условных знаков шлюминованы.

Губернский землемер просит меня уведомить о сём гг. предводителей дворянства для извещения гг. дворян... желающих иметь вышеуказанные карты, просит доставить в непродолжительном времени сведения. — как собственные его издержки при литографировании и напечатании простираться будут до 2000 рублей, следовательно, цена экземпляров каждого уезда зависеть будет от количества требованя.

Дабы познакомиться гг. дворянам с чистотою работы упомянутых уездных карт, — то желающие могут ныне же адресоваться к г. губернскому землемеру Илье Степановичу Иванову для получения генеральной карты губернии: с платою по 5 рублей серебром за экземпляр».

Следующее письмо датировано 19-м февраля 1836 года и подписано новым губернским предводителем Николаем Ивановичем Крекшиным:

«Господин Псковский губернский землемер Илья Степанович Иванов.

предполагая выпустить в свет сочинённый им Атлас Псковской губернии, по распоряжению Министров внутренних дел и военного, должен был представить карты свои на ревизию в главный штаб Его Императорского Величества. Получив ныне из Делю карт одобрительное свидетельство на печатание упомянутого Атласа, сделал уже все распоряжения о гравировании и надеется в непродолжительном времени удовлетворить им всех изъявивших желание на получение, но как из числа гг. подписавшихся многие ещё не доставили денег, почему, представляя ко мне ведомость, просит отнестись к гг. уездным предводителям дворянства, дабы благоволили, собрав деньги по подпискам, доставить к нему для отсылки занимающимся художникам. При сем г. Иванов присовокупляет: как издержки при напечатании Атласа много превышают сумму по подпискам, следовательно, удовлетворив гг. подписавшихся, он не будет в состоянии доставлять своего Атласа по той же цене тем лицам, кои изъявят желание на получение после подписок».

Из дальнейшей переписки видно, что цена атласа для подписавшихся составила 100 рублей. Он был выпущен псковской литографией Иванова в 1838 году и состоял из 9 карт: общегубернской и каждого уезда. А 14 июня следующего года «Псковские губернские ведомости» сообщили, что псковский губернский землемер коллежский ассессор Иванов представил составленный им Атлас Псковской губернии управляющему МВД графу А.Г. Строганову, а тот представил на Высочайшее воззрение Императору. За это сын господина Иванова Павел принят в 1-ю Санкт-Петербургскую гимназию на казённый счёт, а землемеру Иванову из Кабинета вручён подарок в награду за превосходно исполненный труд его. Судя по формулярному списку о службе Иванова, на этот раз ему подарили золотую табакерку.

Кроме того, 17 декабря 1838 года Статистическое отделение МВД избрало Иванова своим членом-корреспондентом. Он оправдал это назначение, составив в 1839 году записку «О средствах улучшения льнопроизводства», а в 1843 году — проект «Восстановления водяного сообщения между Псковом и Ригой или Перновым». Идеи, заложенные в этих экономических заметках, созрели у Ильи Степановича значительно раньше. Ещё в 1837 году в описании к первой литографии с видом Псковского кремля он отмечал:

«Ныне город Псков имеет жителей до 10.000; в том числе более 1.500 человек торгового сословия; господствующий их промысел состоит в льняной торговле. При нынешних её обстоятельствах нет надежды Пскову прийти в цветущее положение, если бы открыть прежнюю коммуникацию к Пернову, завести в Пскове льняное складочное место, учредить заводы и фабрики ткацкую и ситевязную. Тогда могли бы поправить торговые обстоятельства Пскова и улучшилось бы положение крестьян льнопроизводителей».

Эти высказывания Иванова свидетельствуют о его разносторонних интересах и стремлении своими советами содействовать развитию экономики губернии. Заботился он и о подготовке кадров для землемерного, межевого дела. В «Псковских губернских ведомостях» от 12 февраля 1838 года он известил о намерении открыть в Пскове Межевую школу с трёхгодичным курсом для грамотных мальчиков старше 16 лет, в которой собирался преподавать рисование. Это намерение осуществилось не скоро. Только 18 августа 1843 года «Губернские ведомости» уведомили, что в связи с недостатком работников для межевания учреждается бесплатный курс землемерия при Псковском уездном училище, запись на который ведёт губернский землемер И.С. Иванов. Этот дополнительный класс открылся ровно через два месяца.

После выпуска «Галереи видов...» и «Атласа...» литография Иванова выполняла лишь отдельные небольшие работы. Так, сообщая дважды — 24 апреля и 8 мая 1840 года — о выходе первой тетради «Географии для детей», составленной бывшим учителем здешней гимназии Фёдором Дмитриевичем Студитским, та же газета отметила, что к учебнику приложен листок чертежей, оттиснутых очень чисто в псковской литографии Иванова. А в 1844 году появилась брошюра «О Псковском детском приюте святой Ольги», изданная к открытию этого приюта для агитации за сбор средств на его содержание. К ней приложены чертежи плана и фасада дома приюта, безденежно литографированные псковским губернским землемером надворным советником И.С. Ивановым.

Причины такого сокращения работ литографии раскрывает ещё одна хранящаяся в архиве переписка (ГАПО, фонд 20, дело 1223). 9 октября 1837 года министр внутренних дел Дмитрий Николаевич Блудов разослал во все губернии предписание о доставке к нему точных и полных сведений о существующих древних зданиях: «...монастырях, церквях, замках, домах, водопроводах, мостах, развалинах стен, остатках древних дорог и других памятниках древности, замечательных по своим историческим событиям, с обозначением настоящего их положения и, если возможно, то доставить рисунки таковых древностей и изложить вкратце историю существования оных или предания, кои на их счёт сохранились». Губернатор переадресовал запрос Губернскому статистическому комитету, а тот — губернскому землемеру Иванову, очевидно полагая, что он может выполнить такую грандиозную работу.

Через два года из министерства пришло напоминание. Вице-губернатор потребовал объяснений у Иванова. В ответном рапорте от 2 января 1840 года Илья Степанович сослался на изданные им «Галерею видов...» и «Атлас...» как бы счтя этим свою задачу выполненной. После новых запросов министерства губернское начальство более строго потребовало у него нужные сведения. В январе 1844 года И.С. Иванов представил более подробный рапорт

«Хотя исполнение этого требования не составляет прямой моей служебной обязанности, но из уважения к начальнику губернии я имел честь представить Его Превосходительству собранную мною коллекцию достопримечательностей Псковской губернии с историческими описаниями, отлитографированными в собственной моей литографии и такую же коллекцию по званию члена-корреспондента Статистического отделения МВД представил управляющему оным отделением действительному статскому советнику Арсеньеву. К исполнению этого, довольно ценного предприятия я имел тогда средства — отделял остатки из положенного мне содержания за исправление дел Псковской губернской дорожной комиссии по журналу его, состоявшемуся 28 февраля 1837 г., по 1500 рублей ассигнациями в год. Но Его Превосходительству Фёдору Фёдоровичу угодно было к исправлению дел Губернской дорожной комиссии назначить состоящего при нём чиновника Пинабеля, с предоставлением назначенных сумм для содержания дорожной комиссии. Лишась средств, я не в состоянии был далее продолжать моих живописно-исторических описаний губернии. И, к сожалению, теперь ничего не имею, кроме прежде доставленных рисунков. Когда же найду средства, с удовольствием буду продолжать снятие с природы и описание предметов, заслуживающих место в нашей Отечественной истории...»

Обиду Иванова на нового губернатора Ф.Ф. Бартоломея понять нетрудно. В Пскове не один Иванов удивлялся стремительной карьере Константина Ивановича Пинабеля. Он ушёл из 1-го класса Митавской гимназии и до Пскова проработал менее четырёх лет мелким канцелярским чиновником в Рижской таможне. Военный губернатор Пскова и псковский гражданский губернатор генерал-майор Бартоломей вступил в должность 18 января 1840 года, а уже в марте принял 21-летнего Пинабеля в штат своей канцелярии и через 20 дней назначил на должность чиновника по особым поручениям. В сентябре Пинабель получил ещё и должность правителя канцелярии Статистического комитета, а в ноябре — и секретаря мужского и дамского попечительных комитетов о тюрьмах. В октябре 1841 года Пинабелю поручили заведовать также делами Губернского комитета о земских повинностях. Наконец, 2 марта 1842 года его назначили правителем канцелярии губернатора...

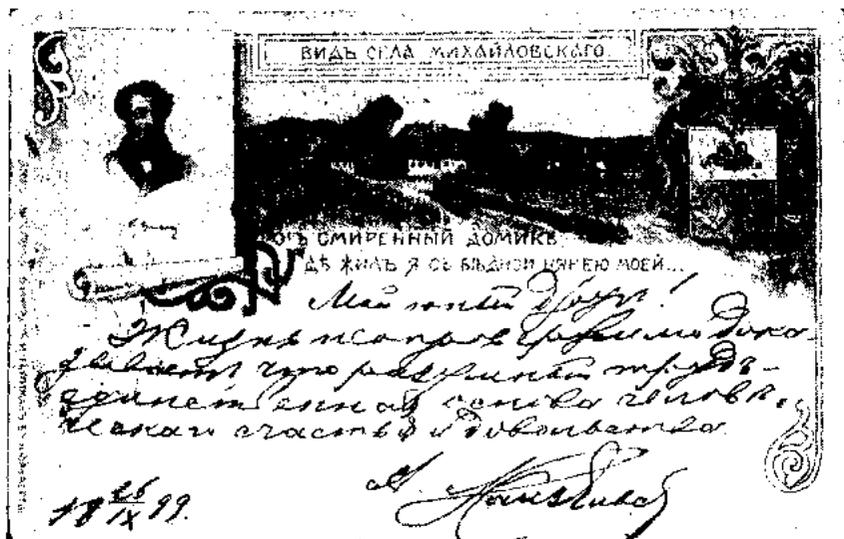
Трудно сказать, насколько эти «обиды» повлияли на Иванова, но в 1845 году (по другим источникам — в 1846-м) Илья Степанович скончался. Вскоре Псковское губернское правление выкупило литографию у его вдовы. Позднее некоторые виды из «Галереи...» вышли дополнительным тиражом с сохранившихся литографических камней, изготовленных П. Александровым.

В 1848 году проникновенную статью о «Галереях видов Пскова» и судьбе её создателя опубликовал в журнале «Иллюстрация» (№№ 9 и 11) Фёдор Студитский. Он возмущался равнодушием россиян, не желающих приобретать

такие замечательные во всех отношениях литографии, в то время как «...во Франции, в Англии, в Германии этих галерей всякого города, городка, городишка, фабрики, дачи...» выпускается и продаётся во множестве. В этой статье Студитский перепечатал пояснительные тексты к литографиям из «Галереи...», а также поместил в качестве иллюстраций гравюры, воспроизводящие пять видов. Для этого известный гравёр Лаврентий Серяков перенёс рисунки на деревянные доски в уменьшенном размере, пригодном для журнала, поскольку литографии Александра были крупноформатными. Другой псковский художник, Александр Михайлович Кислинский, тоже изготовил уменьшенные литографские камни с рисунков Иванова, убрав с них многие фигурки людей и животных. Печатание велось всё в той же литографии, устроенной Ивановым. Работы Кислинского украсили, в частности, «Памятную книжку Псковской губернии на 1861 год».

В 1899 году выпускали немало открыток к столетию со дня рождения Пушкина. На одной из них воспроизведена центральная часть рисунка И.С. Иванова с видом села Михайловского. Она представляет для нас особую ценность, так как стала первой открыткой специально посвящённой пушкинским местам Псковского края. К тому же создатели открытки не ограничились только этим рисунком. Во-первых, под рисунком помещены две стихотворные строчки:

Вот смиренный домик,
Где жил я с бедной нянею моею.

Лицевая сторона открытки

Они взяты из знакомого со школьных лет стихотворения «Вновь я посетил...». Пушкин начал работать над ним в Михайловском 26 сентября 1835 года, не раз возвращался к тексту, исправляя и переписывая его набело, но так и не успел опубликовать при жизни. Стихи точно передают настроение, владевшее тогда поэтом. Днём раньше, 25 сентября, в письме к жене он говорил прозой то же самое: *«В Михайловском нашёл я всё по-старому, кроме того, что нет уж в нём няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых я уже не пляшу. Но делать нечего: всё кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встретилась знакомая баба, которой я не мог не сказать, что она переменялась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарился да и подурнел»*.

Стихотворение впервые было напечатано сразу после смерти поэта — в пятом томе «Современника» за 1837 год. Внимательный читатель должен заметить, что на открытке написано: «Вот смиренный домик», хотя мы привыкли декламировать: «Вот опальный домик», — как и указано в пушкинском автографе. А тогда слово пришлось заменить, чтобы не конфликтовать с цензурой, не напоминать о ссылке Пушкина в Михайловское.

Первая публикация стихотворения произвела на современников глубокое впечатление. Белинский назвал его лучшим предсмертным произведением Пушкина, а Гоголь отметил: *«Удивительная простота и такая тихая и вместе глубокая грусть, что я не в силах был переписать; мне так сделалось грустно»*.

Сейчас, публикуя эти белые стихи, для заглавия используют их первые слова: «Вновь я посетил...», так как в пушкинской рукописи они не озаглавлены. Но в конце 1836 года, готовя к печати сборник своих произведений, поэт составил их список и включил в него эти стихи под названием «Сосны», одним словом передав их главную мысль о неизбежной смене поколений.

Кроме того, на первой открытке с видом Михайловского слева воспроизведён портрет Пушкина работы Райта. Художник украсил этот портрет факсимильной подписью поэта. А на подлинной гравюре можно рассмотреть и надпись автора: «Рис. и грав. Райт», а в скобках — его фамилию по-английски.

Пушкин основательно готовился к изданию собрания сочинений. Тогда же, не позднее декабря 1836 года, он пригласил художника, чтобы нарисовать портрет для этого сборника. Выбор поэта остановился на известном гравёре Томасе Райте. Уже через месяц после смерти Пушкина Райт выпустил гравюру по своему рисунку.

К сожалению, имя этого художника сейчас не очень известно. Говоря о прижизненных портретах Пушкина, обычно вспоминают двух художников — Ореста Кипренского и Василия Тропинина, а энциклопедические статьи о них

непрерывно иллюстрируют нарисованными ими в 1827 году портретами поэта. А Томас Райт даже не удостоился не только отдельной статьи, но и упоминания в 30-томной Большой Советской Энциклопедии. Между тем портрет Пушкина, созданный Райтом, является классическим и очень популярным, его постоянно публикуют — уже 170 лет. Его работу высоко оценил Репин, десятилетиями работавший над образом поэта и создавший знаменитую картинку «Пушкин на лицейском акте». Репин говорил: *«Обратите внимание... что в наружности Пушкина отметил англичанин. Голова общественного человека, лоб мыслителя. Виден государственный ум»*.

Биографию Райта вполне заслуженно приводили дореволюционные энциклопедии и Русский биографический словарь. Вкратце познакомим с нею и наших читателей. Томас Райт (1792—1849) родился в Лондоне и стал опытным художником-акварелистом и гравёром, работавшим в технике пунктира. Для создания Военной галереи Зимнего Дворца в честь героев Отечественной войны император Александр I пригласил другого прославленного английского портретиста, Джорджа Дау. Тот убедился в грандиозности порученной работы и в 1822 году попросил 30-летнего Томаса Райта принять в ней участие. В первый приезд Райт провёл в России четыре года. Он не только рисовал портреты русских военачальников. Часть портретов, нарисованных Дау и им самим, Райт гравировал, и желающие могли приобрести их.

Во второй приезд он работал в России 15 лет, с 1830 по 1845 год. создал портреты и гравюры членов императорской фамилии, государственных деятелей, генералов, писателей, сановников, танцовщиц... В дореволюционных Словарях русских гравированных портретов перечислены 86 гравюр, созданных Райтом. Среди них портреты Пушкина, Вяземского, Жуковского, Греча, Кантемира, Оленина... К этому надо добавить множество акварелей, в том числе портрет Натальи Николаевны Пушкиной. Стокгольмская и Флорентийская академии избрали Райта своим членом. Не отстала от них и Императорская Петербургская Академия художеств: в 1824 году причислила его к назначенным академиком, в 1833 году за 54 выставленные гравюры избрала почётным вольным общником, а уже в 1836 году за 14 представленных акварельных портретов Райт получил звание академика. По экземпляру почти всех гравюр, в том числе и выполненных за границей, Райт подарил Эрмитажу.

Справа, симметрично портрету, на первой открытке с видом Михайловского помещён дворянский герб старинного рода Пушкиных. Он был официально опубликован в пятой части (книге) Общего гербовника дворянских родов Всероссийской Империи, которую Павел I разрешил напечатать 22 октября 1800 года — почти через полтора года после рождения поэта и менее чем за пять месяцев до убийства императора. В книге под рисунком герба дано его описание и перечислены заслуги рода Пушкиных. *«Щит разделён горизонтально на две части. из коих в верхней в горностеевом поле на пурпуровой подушке с золо-*

тymi кистями положена княжеская шапка. В нижней части в левом голубом поле изображена в серебряных латах правая рука с мечом вверх поднятым; в правом золотом поле голубой орёл с распростёртыми крыльями, имеющий в когтях меч и державу голубого же цвета. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нём короною и тремя страусовыми перьями. Намёт на щите голубой, подложенный золотом.

Во дни княжения святого и благоверного великого князя Александра Невского из Седмиградской земли выехал знатной славянской фамилии муж честен Радша. Происшедший от сего Радши Григорий Александрович имел прозвание Пушка, и от него пошли Пушкины. От сего же Радши произошли Мусинь-Пушкины, Бутурлины, Кологривовы, Неклюдовы, Полуектовы и иные знатные фамилии. Потомки сего рода Пушкины, многие Российскому Престолу служили боярами, наместниками, посланниками, стольниками, воеводами, окольными и в иных знатных чинах и жалованы были от Государей в 1533 и других годах поместьями и разными почестями и знаками Монарших милостей. Всё сие доказывается сверх истории Российской, справкою Коллегии иностранных дел и родословной Пушкиных».

В 1899 году, когда выпускали первую открытку с видом Михайловского, Россия ещё не имела большого опыта издания подобных миниатюр. Для изготовления такой сложной цветной открытки пришлось воспользоваться услугами хромолитографии «Вольфрум и Гауптман» в Нюрнберге.

Как видим, эта старинная открытка, вышедшая к столетию поэта, оказалась многоплановой и весьма содержательной. Изучение её открыло некоторые малоизвестные страницы российской и псковской истории.

Р. С. Конечно, многие филлокартисты (коллекционеры открыток) мечтают приобрести эту давно ставшую раритетной почтовую карточку, что через сто лет после её издания почти невозможно. Захотелось в какой-то мере порадовать их и заодно отметить столетний юбилей со дня выхода такой своеобразной первой открытки с видом сельца Михайловского, портретом поэта и гербом рода Пушкиных. Так появилась идея её переиздания.

Подобный опыт у псковичей уже был. Годом раньше, в апреле 1998 года, к столетию со дня появления была переиздана первая видовая многоцветная открытка Пскова, на которой были воспроизведены пять достопримечательностей города. По такому же образцу к 200-летию со дня рождения Пушкина, в мае 1999 года, та же псковская фирма «Аванти» (руководитель — Игорь Петрович Бобровников), которая переиздала первую почтовую карточку Пскова, перепечатала и первую открытку, посвящённую псковскому Пушкиногорью. Заметим, кстати, что сто лет назад, в 1899 году, ту серию цветных пушкинских открыток пришлось печатать за границей, в Нюрнберге.

Новую открытку в 1999 году сделали двойной, складной. На правой её половине напечатан такой текст:

Сто лет первой открытке Пушкиногорья

Левая половина настоящей юбилейной складной открытки воспроизводит обе стороны выпущенного в 1899 г. «Открытого письма» с видом села Михайловского.

Псковский губернский землемер И.С. Иванов зарисовал барский дом в Михайловском летом 1837 г. Подписью под рисунком в открытке стали две строчки из стихотворения А.С. Пушкина «...Вновь я посетил».

Портрет Пушкина гравировал в марте 1837 г. английский художник Томас Райт. «Открытое письмо» украшает герб рода Пушкиных.

Переиздается к 200-летию со дня рождения Пушкина

Автор текста – краевед Н.Ф. Асташ

Подробную информацию о переиздании первой открытки Пушкиногорья «Псковская правда» опубликовала в последнюю декаду мая 1999 года, накануне празднования 200-летнего юбилея поэта. Значительная часть тиража была направлена для реализации в Пушкинские Горы. Сейчас, почти через десять лет, и эта дважды юбилейная открытка тоже стала раритетом.

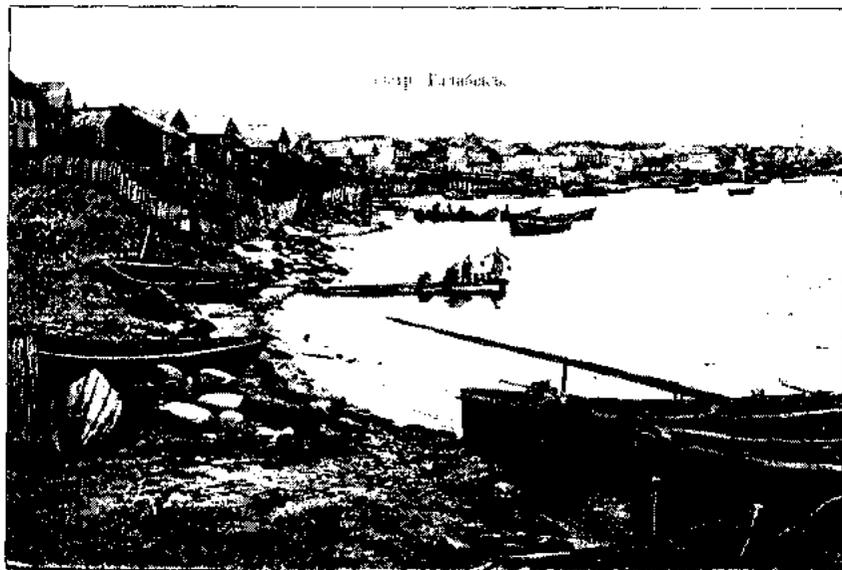
Инициатор первого Пушкинского праздника

Иван Алексеевич Соколовский родился 11 (23) ноября 1850 года на известных Талабских островах Псковского озера. Его дед был дьячком. Его отец Алексей Николаевич был исключён из низшего отделения Псковской духовной семинарии, но в 1840 году за хороший голос архиепископ Псковский и Лифляндский Нафанаил 1-й (Павловский) взял его в свой хор, а 2 декабря 1845 года рукоположил в дьяконы к Николаевской церкви Александровского посада, располагавшегося на острове Талабск. В этом храме через пять лет, 13 ноября 1850 года, крестили и нарекли Иваном единственного сына Алексея Николаевича и Гликерии Николаевны Соколовских.

Родители полагали, что и их сын пойдёт по пути предков, для чего на свой счёт содержали его сначала в Псковском духовном училище, а затем в духовной семинарии. Однако у самого семинариста сложились другие взгляды. В библиографическом словаре «Деятели революционного движения в России» (М., 1932, т. 2, вып. 4, ст. 1564) отмечено, что летом 1871 года Иван Соколовский посещал в Пскове собрания молодежи, проходившие на квартире А. Лидовой (урожденной Лоховой). По агентурным сведениям, на этих собраниях читали «тенденциозные книги», и по распоряжению псковского губернатора за всеми их участниками был учреждён негласный надзор полиции.

В том же 1871 году, не приступая к учёбе в последнем богословском классе семинарии, Соколовский успешно сдал вступительные экзамены и 2 сентября был принят в Петербургский университет. В дипломе, выданном 27 мая 1876 года и хранящемся в Государственном архиве Псковской области (фонд 67, опись 1, дело 29), указано, что он прослушал полный курс наук по естественному разряду физико-математического факультета и *«оказал на испытаниях следующие познания: в анатомии человека, физиологии животных, ботанике, минералогии, геологии, зоологии, химии и физической географии — отличные, в богословии и физике — хорошие, в немецком языке — достаточные, за которые физико-математическим факультетом, по представлении диссертации, признан достойным учёной степени кандидата...»*. Каких наук, в дипломе не указано, но, судя по тому, что декан факультета, известный учёный Андрей Николаевич Бекетов, подписавший диплом вместе с ректором, был доктор естественных наук, то, вернее всего, и Соколовский стал кандидатом тех же наук. Любопытно также, что сын дьякона и ученик духовной семинарии *«оказал в богословии»* только хорошие познания.

Город Таганрог

Заканчивая учёбу, Иван Соколовский решил посвятить себя не научной, а педагогической работе. Поэтому он одновременно провёл «особые практические занятия» и выдержал испытания на звание учителя гимназий и прогимназий с правом преподавать естественную историю и химию. Это позволило ему в сентябре 1876 года получить место преподавателя приготовительного класса при Псковской учительской семинарии. Уже к началу следующего учебного года освободилось место третьего штатного наставника в семинарии, и директор семинарии Фёдор Васильевич Кестнер с разрешения попечителя Петербургского учебного округа перевёл на это место Соколовского, поручив ему преподавание естествознания и географии. С начала 1878 года коллеги также доверили ему исполнять обязанности секретаря Педагогического совета. За девять лет работы в семинарии он был произведён за выслугу лет в чин коллежского асессора, затем — надворного советника и награждён орденом святого Станислава 3-й степени.

В июле 1885 года Соколовский договорился о переходе в Псковское реальное училище на должность штатного преподавателя естественной истории, физики и химии. Иногда он преподавал и географию. Там он дослужился до чина статского советника, стал единственным педагогом, получившим звание заслуженного преподавателя, и, наконец, был назначен инспектором училища (второе лицо после директора).

Однако, как справедливо отмечала позднее (в некрологе) газета «Псковская жизнь», «...Иван Алексеевич не принадлежал к числу «людей в футляре».

которые замыкались в узкую сферу педагогической деятельности... Это был не только педагог с широкими взглядами, но и человек с прогрессивными убеждениями». Об этом можно судить хотя бы по его публичной лекции «О народной школе», полностью опубликованной в «Вестнике Псковского губернского земства» за 1882 год (№№ 14—18). Свою главную мысль Соколовский сформулировал так: *«Мрак невежества глубок, плоды его горьки. Но откройте в России столько же школ, сколько их в Америке, и она превзойдёт своим могуществом все государства мира. Пока что всё это мечта, но рано или поздно она должна осуществиться».*

Псковичи не раз могли убедиться в педагогических талантах И.А. Соколовского. На вечерах для детей он показывал «туманные картинки» (диапозитивы), и «Псковский городской листок» неизменно отмечал ясность и занимательность его объяснений. Не ограничиваясь делами своего учебного заведения, И.А. Соколовский по просьбе уездного училищного совета присутствовал на ежегодных экзаменах в земских школах и особенно охотно — на родных островах, во 2-м Талабском училище.

По выражению современников, Ивана Алексеевича буквально одолевала «жажда общественной жизни». При этом в различных обществах он не просто присутствовал на заседаниях и платил членские взносы, но активно включался в работу и нередко становился их руководителем.

Ещё 22 ноября 1878 года И.А. Соколовский вступил в Псковское общество сельского хозяйства, созданное двумя годами раньше. Вскоре он привёл в порядок библиотеку общества. На экстренном собрании 14 января 1881 года Иван Алексеевич обращал внимание на тесное помещение сельскохозяйственного музея. В 1902 году общество образовало особую музейную комиссию и избрало И.А. Соколовского её председателем. И ему удалось добиться пособия из городского бюджета на поддержку музея, а также помещения для музея в отреставрированных Поганкиных палатах.

На устроенных обществом в 1881 году беседах Соколовский рассказывал об искусственных удобрениях. Раз в пять лет общество проводило губернские сельскохозяйственные выставки, и уже в 1883 году Соколовский входил в экспертную комиссию второй такой выставки. В 1890-х годах его избирали в ревизионную комиссию, проверявшую финансовые дела общества. Выдвигали Ивана Алексеевича и в различные комиссии, разрабатывающие отдельные трудные вопросы (о пересмотре устава общества, об устройстве постоянного помещения для выставок скота и так далее). Как уроженец Талабских островов он оказался и в комиссии по отбору экспонатов для Всероссийской рыбопромышленной выставки 1902 года, а годом раньше председательствовал при рассмотрении проекта Устава о рыбоводстве и рыболовстве.

17 марта 1883 года Ивана Алексеевича впервые избрали гласным Псковской городской думы на предстоящее четырёхлетие и в дальнейшем непрерывно

переизбирали в думу ещё шесть раз. Здесь он также был деятельным и принципиальным защитником интересов горожан. Как педагог И.А. Соколовский всегда активно включался в решение проблем народного образования и культуры.

Уже 12 августа 1883 года гласные избрали его в думскую комиссию по преобразованию Александровского городского и земского ремесленного училища, оказавшегося бесперспективным. Вскоре, 16 ноября, при обсуждении проекта устава сиротского отделения при городской богадельне Соколовский предложил иметь для предполагаемой школы этого отделения общественно-попечителя. Естественно, что, открывая школу, 9 февраля 1884 года дума избрала этим попечителем именно Ивана Алексеевича. Он много сделал для сиротской школы: добился должности второго учителя, хлопотал об увеличении учительского жалованья, о включении обучения ремеслу в школьную программу...

В 1884 году город открыл на свои средства Рисовально-технические классы, и 2 октября дума избрала Комитет по управлению ими, в состав которого включила и Соколовского. При каждых новых выборах его вновь избирали в состав комитета, несколько лет он был в нём секретарём.

На заседании городской думы 21 июня 1895 года Соколовский напомнил, что до сих пор остаётся невыполненным давнее решение об открытии воскресной школы и народных чтений в память 900-летия крещения Руси. Дума создала постоянную городскую училищную комиссию под его председательством и поручила ей подготовить предложения. Предложения эти были доложены 12 сентября, и дума уполномочила комиссию создать воскресную школу, выделив на неё 575 рублей. И.А. Соколовский подобрал педагогов, согласившихся безвозмездно вести занятия. Из-за трудностей с поиском бесплатного помещения открыли школу не сразу, а только 28 января следующего года. Иван Алексеевич, назначенный распорядителем школы, произнёс большую яркую речь. Он говорил: *«Потребность в просвещении всех и каждого имеет такое же право на удовлетворение, как и потребность удовлетворения физиологического чувства голода и жажды. Но сотни детей и масса взрослых остаются неграмотными»*.

Почти 14 лет, до самой смерти, И.А. Соколовский бесценно руководил мужской бесплатной воскресной школой. Она заметно развивалась, наплыв учеников заставлял открывать филиалы. Через два года городская училищная комиссия смогла открыть и женскую воскресную школу.

Начальное образование детей лежало на обязанности города, а у города всегда не хватало доходов. И всё же 16 марта 1895 года, когда зашла речь о плохом наёмном помещении для одной из городских школ, Соколовский предложил построить большой дом для всех начальных школ. Его мечта оказалась несуществующей. Ранее, 3 ноября 1888 года, Соколовского включили в комис-

сию по обсуждению вопроса о постройке постоянного концертного здания. Но и такое здание не было построено.

Новую инициативу Иван Алексеевич проявил 21 апреля 1898 года. Его убедительная речь была так записана в журнале заседания Псковской городской думы: «26 мая 1899 года исполняется 100-летие со дня рождения русского народного поэта А. С. Пушкина. По выражению Гоголя, Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное в своём роде. Он явился первым великим народным писателем и первый в своих произведениях провёл ряд положительно прекрасных русских типов, находя их в русском народе. Поэсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, и никогда ещё ни один русский ни прежде, ни после его не соединялся так задуще и радостно с народом своим, как Пушкин. Корицеи русской литературы — Тургенев, Гоголь, Достоевский, Гончаров, Л. Толстой — являются продолжателями того направления, гениальным творцом коего был Александр Сергеевич. С него начинается самобытная школа русской национальной литературы.

В Псковской губернии, в родовом селе Пушкиных — Михайловском, Александр Сергеевич провёл лучшие годы своей литературной деятельности. Время, проведённое в Михайловском, было поворотным временем в жизни Пушкина. Он приехал сюда со страстною жадностью ко всему, в чём проявила себя душа и фантазия русского народа. Это влечение к народной поэзии теперь он мог удовлетворить: он слушал сказки своей няни Родионовны, собирал и записывал песни, присматривался к быту и нравам русской деревни, стал серьёзно изучать русскую историю. Всё это глубокими чертами легло на его чувства и ум и сделало его народным русским поэтом. Наконец, на долю Псковской губернии выпало счастье приютить у себя прах великого русского писателя.

Городу Пскову, до некоторой степени родственному великому поэту, надлежит с особенным и должным вниманием отнестись к почтению памяти национального писателя. Лучшим памятником А. С. Пушкину было бы устройство в г. Пскове просветительного учреждения имени поэта.

О возможности осуществления высказанного предположения он, г. Соколовский, и предлагает на благоусмотрение городской думы».

Так впервые было высказано предложение не просто отпраздновать пушкинский юбилей, но и создать новое просветительное учреждение в память о поэте. Городская дума, «сочувственно приняв это заявление», образовала комиссию для его осуществления, включив в неё и Соколовского. Через месяц комиссия доложила широкую программу, включающую не только постройку в Пскове Народного дома имени Пушкина, но и выкуп имения Пушкиных в Опочецком уезде с устройством там благотворительного учреждения, приведение

в надлежащий вид могилы поэта и украшение её достойным памятником. Для сбора средств на всё это предлагалось ходатайствовать об открытии всероссийской подписки.

26 мая 1898 года, одобрив в принципе эти предложения, дума образовала Комитет для их исполнения. В него избрали и Соколовского. Затем по приглашению предводителя дворянства он вошёл и в Губернский комитет по празднованию юбилея поэта. А 30 апреля 1899 года дума включила его в состав делегации для возложения венка на могилу Пушкина.

Тогда же, 30 апреля, Соколовский напомнил о своём прежнем предложении: построить дом для городских начальных училищ и разместить в нём также воскресные школы и рисовально-технические классы, назвав это здание «Пушкинским домом для городских училищ». В дальнейшем Иван Алексеевич участвовал и в работе комиссий, обсуждавших конкретные проекты Народного дома. Однако собранных денег оказалось не так много, и пришлось ограничиться более скромным зданием, которое и сейчас служит нашему академическому театру имени Пушкина.

О том, как в Пскове и в Святых Горах прошло празднование столетнего пушкинского юбилея, можно прочесть в прилагаемых извлечениях из псковских газет и журналов того времени. Заметим, кстати, что единственным представителем губернской и городской администрации, выступившим на торжествах в Летнем театре в Пскове, был И.А. Соколовский. После речей петербургских светил Константина Константиновича Случевского и Константина Ивановича Арабажина он «прочёл массу поступивших приветственных телеграмм», и затем началась художественная часть.

Через два года после пушкинского юбилея, 14 февраля 1902 года, городская дума по докладу председателя училищной комиссии И.А. Соколовского выделила к 50-летию со дня смерти Гоголя 200 рублей на раздачу учащимся младших классов недорогих брошюр с его произведениями, а выпускникам — полного собрания сочинений, а также переименовала Ивановскую улицу, которая с тех пор и носит имя Гоголя.

Благодаря усилиям училищной комиссии в Пскове с 1900 года каждую весну стали проводить «праздники древонасаждений». Некоторые посаженные тогда деревья — к примеру, возле памятника у Баториева пролома — сохранились до наших дней. Иван Алексеевич заботился и о городском питомнике, устройством для выращивания саженцев, а также подготовил проект обязательного постановления против порчи насаждений, принятый думой.

Соколовский убедил сомневавшихся гласных в необходимости выделить 300 десятин земли в Крестах для размещения открывавшегося среднего сельскохозяйственного училища. В 1902 году дума избрала его в созданную Департаментом земледелия комиссию по обсуждению кандидатур на пост директора

училища. Он даже предполагал предложить свою кандидатуру, но узнал об интригах земцев, выдвигавших своего представителя, и отказался работать в комиссии.

Гласный И.А. Соколовский занимался не только вопросами образования и культуры. На заседании 5 июня 1884 года он отстаивал широкие полномочия санитарных попечителей, избираемых думой. 15 марта 1885 года дума включила его в комиссию по выработке санитарных правил. Когда 14 мая 1893 года гласные домовладельцы предложили вообще упразднить санитарных попечителей, то Соколовский был среди тех, кто отстаивал существование городской санитарной комиссии с этими общественными санитарными попечителями. 14 апреля 1894 года во время эпидемии сыпного тифа он выступал на заседании думы в качестве председателя санитарной комиссии и сам более десяти лет был санитарным попечителем одного из городских участков.

Когда возникал сложный вопрос, дума избирала особую комиссию для его подробного изучения. Часто в такие комиссии включали и Соколовского. Например, он работал в комиссиях, готовивших предложения о постройке постоянного моста через Великую (1888), по пересмотру Положения о городском самоуправлении (1890), по установлению сбора на ремонт подъездных путей к железнодорожной станции (1898), по устройству эмеритальной кассы¹ для го-

Детский театр в Серовском саду

¹От «эмеритура» — по Ушакову: «Капитал, образуемый из добровольных ежемесячных отчислений служащих и расходующийся для выдачи им пособий, дополнительно к пенсии, по истечении определенного срока» — *Прим. ред.*

родских служащих (1899), по улучшению уличных мостовых (1900), по подготовке ходатайства о канале на реке Нарове для выхода в Балтийское море (1901), об уменьшении казенных и земских сборов с города Пскова (1902)... К тому же с середины 1890-х годов гласные постоянно избирали Соколовского в состав ревизионной комиссии, проверявшей исполнение городского бюджета.

Дума много лет обсуждала, как создать Городское общество взаимного страхования от огня, чтобы доходы от страхования оставались в Пскове, а не шли иногородним частным компаниям. В 1894 году Соколовского включили в комиссию по разработке устава общества. Комиссия разработала проект этого устава, но его долго не утверждали в Министерстве внутренних дел. С утверждением Типового устава таких обществ дума 18 июня 1899 года создала новую комиссию с участием Соколовского для уточнения местного проекта. Наконец в 1903 году устав псковичей был утверждён, и 10 сентября в помощь городской управе дума избрала трёх гласных, в том числе Соколовского, для организации общества. Первое общее собрание страхователей 14 марта 1904 года выразило благодарность Ивану Алексеевичу за деятельное участие во многих комиссиях. А 2 мая при открытии действий местного страхового общества Соколовский подробно рассказал историю его возникновения. Затем три года он был председателем Наблюдательного комитета общества.

Такая большая работа в городской думе не помешала Соколовскому принимать деятельное участие во многих культурно-просветительных обществах. 12 декабря 1881 года по рекомендации Евлентьева и Хорошавина его избрали действительным членом Псковского археологического общества, созданного годом раньше. По предложению Соколовского 29 сентября 1900 года городская дума отметила 40-летие службы выдающегося краеведа Ивана Ивановича Василёва, избрав его почётным гражданином Пскова. В составе делегации, преподнесившей ему приветственный адрес, был, конечно, и Иван Алексеевич Соколовский.

На первом заседании учредителей Псковского общества любителей музыкально-драматического искусства 11 марта 1884 года его избрали в совет общества. К 10-летию юбилею Иван Алексеевич составил исторический очерк создания и деятельности этого общества. Среди любителей, часто и тапантиливо выступавших тогда на псковской сцене, называли и его супругу Альвину Густавовну, игравшую под псевдонимом Мельникова.

По поручению совета общества 19 февраля 1898 года И.А. Соколовский подал в городскую думу прошение об отводе места и содействии в постройке здания для Летнего театра. Место подобрали в Сергиевском городском саду, и 15 июня Соколовский от имени общества заключил контракт с городской управой на пользование садом. Средства на строительство по просьбе думы выделил Губернский комитет попечительства о народной трезвости. За полтора

Здание городской думы и уѣзда

месяца деревянное здание Летнего театра было построено, с того времени и до сих пор сад тоже стали называть Летним. И. А. Соколовскому не раз предлагали возглавить драматическое общество, но только 18 декабря 1908 года он согласился стать председателем совета.

В 1893 году псковичи учредили новый клуб под названием «Семейный кружок». Его руководители договорились с музыкально-драматическим обществом о совместной работе и о найме общего помещения. И. А. Соколовский стал одним из старшин (распорядителей) клуба, а через десять лет — председателем совета старшин.

Купечество города устроило подписку на сбор денег в честь коронации императора Николая II. Училищная комиссия, руководимая Соколовским, просила передать часть собранных средств на устройство городской общественной библиотеки с читальней. Её открыли 1 февраля 1898 года. И. А. Соколовский был одним из учредителей библиотеки, подписавшим проект устава, и вошёл в её правление как представитель городской думы. 16 ноября 1901 года на общем собрании подписчиков его избрали в почётные члены библиотеки. На заседаниях думы он старался добиться льгот для неё (в частности, уменьшения платы за электроэнергию).

Иван Алексеевич вступил и в члены Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных народных училищах Псковской губернии, появившегося в январе 1896 года. Он несколько лет работал в ревизионной комиссии общества, помогал разработать программу исследования положения учителей этих школ. А жена Соколовского устраивала в 1907—1909 годах вечера и спектакли для сбора средств на общежитие, устроенное обществом для детей сельских педагогов, приехавших учиться в Псков.

Городской комитет попечительства о народной трезвости был учреждён на четыре года позднее губернского и уездного — лишь в середине 1902 года. В

него пригласили и Соколовского. Александро-Невское братство, существовавшее при храме мужской гимназии и занимавшееся сбором средств для нуждающихся учеников города, 2 мая 1904 года избрало его в совет братства. При возрождении губернатором графом Адлербергом Псковского отдела Императорского Российского общества спасения на водах Соколовского 21 июня 1905 года выбрали в его окружное правление. Записался он и в Псковское общество хорового пения; в мае 1894 года был среди учредителей городского общества потребителей; 19 апреля 1909 года, как опытный лектор, был избран в совет общества народных университетов...

Иван Алексеевич женился ещё во время службы в Псковской учительской семинарии. В архивном деле сохранился оригинальный документ того времени — его прошение от 24 марта 1882 года на имя директора семинарии «выдать надлежащее разрешение... вступить в брак с купеческой дочерью, девицею Альвиной Густавовной Бломерцус, 19 лет, лютеранского вероисповедания». По наследству от весьма богатых родителей Альвине Густавовне достался двухэтажный каменный дом с мезонином на правой стороне Петропавловской улицы, находившийся за угловым домом известного купца и коллекционера Ф.М. Плюшкина (сейчас на месте этих зданий находится главный корпус педагогического университета с фасадом, выходящим на площадь Ленина). Участие в Обществе взаимного кредита Псковского уездного земства («Земском банке») позволяло пользоваться там ссудами под залог этой недвижимости. В феврале 1892 года И.А. Соколовского избрали кандидатом в члены правления банка, а через два года — в ревизионную комиссию. В неё он ежегодно переизбирался ещё 11 лет, пока 12 марта 1906 года не был избран в совет банка.

В революционные дни 1905—1907 годов Соколовский не удержался от искушения заняться и политикой. 4 января 1906 года, через два с половиной месяца после известного царского манифеста, граф Гейден провёл первое общее собрание Псковского губернского отдела «Союза 17 октября». Среди избранных для руководства отделом оказался и Иван Алексеевич. На очередном собрании «Союза» 6 марта он не только выступал, но и был назначен для выдвижения кандидатом в выборщики (так многоступенчато проходили выборы в Государственную думу). Его кандидатуру поддержали гласные городской думы, вспомогательное общество приказчиков... И всё-таки он получил мало голосов, так как псковичи предпочли тогда более радикальные партии, особенно конституционных демократов («кадетов»).

9 марта 1884 года у Соколовских родился старший сын Алексей, а 20 февраля 1885 года — Николай. Младший, будучи студентом Петербургского университета, придерживался социалистических взглядов и в 1904 году состоял под особым надзором полиции. Его проживание в Пскове у родителей с марта

по сентябрь этого года и даже выезд с ними на дачу в деревню Векшино Сидоровской волости Псковского уезда (нынешняя Векшинская улица возле завода «Псковирлич») фиксировались в полицейских рапортах начальству. А в августе 1907 года Николай Соколовский передал свой неиспользованный заграничный паспорт владельцу псковской типографии «Труд и Знание» Александру Заборовскому, привлечённому к уголовной ответственности за печатание большевистской газеты «Пчела», и тот благополучно бежал из России.

Увлечение Ивана Алексеевича работой в городской думе было настолько велико, что он согласился баллотироваться на освободившееся место третьего члена управы. Гласные избрали его 21 февраля 1907 года, но губернатор утвердил Соколовского на эту должность только после увольнения его с 1 августа из реального училища. Новая должность повлекла за собой и ряд дополнительных обязанностей: дума направила его своим представителем в училищный совет, в общем присутствии Казённой палаты по государственному промысловому налогу; Псковское вольное пожарное общество 16 июня 1907 года избрало его в свой совет. Ревизионная комиссия думы в акте по итогам 1907 года положительно отозвалась о его работе в управе.

Возможно, Иван Алексеевич переоценил свои силы и авторитет. Он был всегда требователен и принципиален, за что и нажил немало недоброжелателей. На него стал яростно нападать кадетский «Псковский голос». И в феврале 1909 года, после 26-летнего непрерывного пребывания гласным городской думы, Соколовского впервые забаллотировали на очередных городских выборах: 68 избирателей проголосовали за него, а 131 — против.

Но и в такой обстановке он продолжал работать в городской управе, так как в 1907 году был избран в неё на полный четырёхлетний срок. Эта работа его и погубила. На заседании городской думы 12 мая 1909 года Иван Алексеевич сделал доклад о необходимости нового плана города, который должен был определить перспективы застройки Пскова, причём очень волновался и поминутно вытирал платком вспотевший лоб. Несколько гласных возражали против больших расходов на составление плана, и во время одной из таких речей Иван Алексеевич внезапно скончался от разрыва сердца. На Дмитриевское кладбище в похоронной процессии шли многие псковичи и среди них вице-губернатор барон Николай Николаевич Медем, представители учреждений и обществ, в работе которых он активно участвовал.

Именно на таких отдельных энтузиастах держалась общественная жизнь дореволюционного Пскова.

Пушкинские торжества 1899 года в Пскове и в Святых Горах

Псков, 25—27 мая

Пушкинское торжество прошло при такой холодной и изменчивой погоде, которая обыкновенно бывает не в мае, а в апреле месяце. Народным нельзя назвать празднество, устроенное в Пскове: народ сам отнёсся равнодушно к предмету торжества. Итак, оно собственно явилось праздником лишь для интеллигенции и детей школьного возраста. Началось оно 25 мая торжественной всенощной в Благовещенском кафедральном соборе, который был почти исключительно наполнен питомцами всех местных учебных заведений, по 25 и 5 человек от заведения. На другой день, 26-го, в присутствии тех же воспитанников и воспитанниц, их наставников и наставниц, представителей администрации и многих интеллигентных лиц, была совершена заупокойная литургия в память А.С. Пушкина, причём ректор семинарии, протоиерей Лебедев, произнёс соответствующее случаю пастырское слово. После литургии присутствовавшие лица отправились крестным ходом на городскую площадь, где у памятника Царя Александра II устроена была большая эстрада, покрытая чёрным сукном. Здесь была отслужена панихида, по окончании которой крестный ход направился обратно в собор. Присутствовало не более 300—400 человек, небольшая масса которых не соответствовала значительному пространству площади. В это время на базарной площади и в прилегающих улицах, куда направлены были крестьянские телеги, шёл торг своим чередом; прибывшие для продажи своих сельских продуктов крестьяне стояли у своих возов и переругивались между собою и с покупателями; шли, как и всегда, оживлённая купля и перекуп. Тем же обычным порядком шёл торг в лавках и магазинах: торговцам не было дела до великого поэта, ежедневная выручка их больше интересовала, чем чествование памяти Пушкина. Ввиду отбытия архиерейского певческого хора в Святые Горы, 25 и 26-го в соборе и во время панихиды пел хор учительской семинарии под управлением своего учителя пения И.С. Никитина с участием некоторых любителей. Нужно сказать, что пение было прекрасно, отличалось хорошей дикцией, спокойной ровностью и чередованием приятного пианиссимо с эффектным фортиссимо. Хор этот вполне делает честь умению и стараниям своего регента.

В 2 часа пополудни того же 26 мая учащаяся молодёжь веселилась в народном театре Сергиевского сада, где драматическое общество дало бесплатный спектакль исключительно для воспитанников и воспитанниц учебных заведений. Сыграна была драматическая переделка рассказа Пушкина «Станционный смотритель», — выбор не особенно удачный. Затем

следовал первый акт из «Русалки». Две живые картины: «Подводное царство» и «Апофеоз», прелестно поставленные, вызвали вполне справедливый восторг. Если мы и не особенно довольны выбором пьесы, то с другой стороны признаём, что исполнители играли превосходно и мастерски изображали свои роли.

27 мая от 2 до 6 часов было в народном театре устроено литературно-вокально-музыкальное утро, посвящённое памяти поэта А.С. Пушкина. Исполнителями явились воспитанники и воспитанницы пяти местных учебных заведений. Сперва выступил хор учеников городского училища, который весьма хорошо исполнил арию из оперы «Руслан и Людмила», затем воспитанник Сергиевского реального училища прочёл стихотворение «Опять на родине». После этого чередовались хоры воспитанниц Мариинской женской гимназии, учеников городского училища, воспитанников учительской семинарии и Сергиевского реального училища, исполнившие разные арии и романсы. Ученики разных заведений и ученицы женской гимназии прочитали стихотворения и отрывки из прозаических произведений Пушкина, а воспитанники губернской гимназии разыграли некоторые сцены из драмы «Борис Годунов». «Гимн Пушкину», сочинение Случевского, был исполнен хором учеников реального и городского училищ с аккомпанементом оркестра реального училища. Празднество окончилось народным гимном. Программа была прекрасно и разнообразно составлена; в устройстве «утра» заслужили себе особенную признательность общества г-жа М.В. Красовская, И.Я. Скляров и А.И. Константиновский. По той же программе теми же исполнителями 28-го было дано платное литературно-музыкальное представление в пользу Александро-Невского братства.

С 4 часов пополудни 27-го мая состоялось бесплатное народное гулянье в Кутузовском саду, устроенное на счёт города. Сад был битком набит, так как по случаю праздника Вознесения в городе прибыло много крестьян, которые теперь даром могли восхищаться музыкою, пением, туманными картинами и, наконец, блестящим фейерверком. Дума на всё это ассигновала около 700 рублей, из каковой суммы некоторая часть истрачена была на покупку сочинений Пушкина для учеников воскресных школ. Городская управа просила домовладельцев и квартирантов вечером этого дня иллюминировать дома, но большая часть жителей не знала об этой просьбе, так как разносчики афиш во Пскове весьма недобросовестно разнесли афиши – только по 2—3 улицам. Пора, чтобы полиция вмешалась в это дело. Мы знаем, что в продолжение 34 лет по Архангельской улице никогда не разносили афиш. Некоторые домовладельцы, должно быть, полагали, что так как Пушкин сам большое светило на литературном небе, то не нуждается в освещении свечами и плашками; другие боялись расхода на свечи; иллюминация так и вышла довольно неважною. Зато хорошо освещён был Кутузовский сад, в котором народ весело гулял до поздней ночи, любуясь редким зрелищем хорошего фейерверка.

(Извлечено из «Псковского городского листка» от 30 мая 1899 года)

Въ Св. Горахъ.

Въ воскресенье, 23 мая, председатель Пупкинскаго комитета, псковской губернской предводитель дворянства Н. П. Новосильцевъ и председатель губернской земской управы В. П. Горбуновъ выехали изъ г. Пскова съ утреннимъ поѣздомъ въ г. Острова для дальнѣйшаго слѣдованія въ Св. Горы.

Начиная съ г. Острова на всѣхъ станціяхъ были остановки; председатель губернской управы осматривать сдѣланныя приготовленія, отдавать послѣднія распоряженія, снабжать распорядителей списками лицъ, ожидаемыхъ въ Св. Горы.

При проѣздѣ черезъ Селихновскій мостъ, который возбуждалъ нѣкоторые опасенія, такъ какъ среди устьи изъ-подъ него были вынуты для пропуску бревень, сплавляемыхъ по рѣкѣ Великой, председатель губернской управы произвелъ подробный осмотръ моста и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы пропускъ черезъ мостъ, особенно въ тяжелыхъ экипажахъ, допускался лишь шагомъ.

Выѣхавшіе съ утреннимъ поѣздомъ изъ Пскова въ три часа пополудни уже были въ Св. Горахъ. Въ нихъ все свидѣтельствовало объ усиленноюлхорадочной дѣятельности, съ которой шли приготовленія къ празднованію столѣтней годовщины рожденія величайшаго русскаго поэта.

Возле Святогорской обители раскинулся небольшой посадь Таболенецъ. При въѣздѣ въ него прѣзжіе прежде всего видѣли арку, устройство которой уже оканчивалось: эта арка сооружалась мѣстнымъ населеніемъ въ виду ожидаемаго прѣзда товарища министра внутреннихъ дѣлъ барона А. А. Исккуль-фонъ-Сильденбанцта, бывшаго псковскаго губернатора.

Немного далѣе, надѣво отъ дороги, на высокой площадкѣ, предъ зданіемъ волостнаго правленія видѣлись воздвигаемая открытая сцена и бесѣдка для оркестра. Прямо за Таболенцомъ и монастыремъ, на горѣ, высилось красивое, обширное зданіе — помѣщеніе для торжественнаго засѣданія и закрытой сцены.

Несмотря на воскресный день, на праздничный видъ нарядно одѣтаго и вышивавшаго на улицу мѣстнаго населенія, вездѣ кипѣла работа. Мастера, художники, рабочіе возились и суетились и около арки, и около открытой, и около закрытой сцены.

Мы подъѣхали къ конторѣ, помѣщавшейся противъ входа въ монастырь.

Въ конторѣ уже нѣсколько дней находился членъ губернской управы Е. П. Векшинскій, подъ присмотромъ котораго были доставлены изъ Пскова бѣлье, отвалы и прочія вещи для помѣщеній, отведенныхъ подъ квартиры депутаций и представителей различныхъ учреждений.

Всѣ жилыя помѣщенія въ монастырѣ и Таболенцѣ и нежилыя строенія, но годныя для временнаго жилья, были заняты и занумерованы. Въ нихъ уже расставлялись кровати, устранивались постели и дѣлались разныя приспособленія, которыя должны были доставить возможное удобство для лицъ, ожидаемыхъ въ такое глухое мѣсто, какъ Св. Горы. Надо было размѣстить

не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыя хоры пѣвчихъ, труппы артистовъ и группы воспитанниковъ и воспитанницъ учебныхъ заведеній.

Въ контору постоянно являлись различныя лица за разными справками, указаниями и распоряженіями. Сильное оживленіе продолжалось до поздняго вечера.

Но оставивъ суетлоку, которая господствовала въ конторѣ, скажемъ нѣсколько словъ о мѣстности, окружающей Святогорскій монастырь.

Отъ Острова до Новгородки пришлось ѣхать по шоссе. Дорога—удобная, но пролегаетъ сравнительно по ровной, однообразной, наводящей уныніе мѣстности. Съ Новгородки, чтобъ попасть на Св. Горы, приходится взять съ шоссе въ сторону и ѣхать по грунтовой, приведенной въ порядокъ, довольно широкой дорогѣ, пролегающей по волнистой мѣстности. Чѣмъ ближе къ Святогорской обители, тѣмъ путь дѣлается гористѣе и несчащѣе. Кромѣ горъ дорога скрашивается озерами, лиственничнымъ и хвойнымъ лѣсомъ. Встрѣчаются очень красивыя виды.

Святогорская обитель виднѣется изъ далека. Она расположена на одной изъ самыхъ высокихъ мѣстныхъ горъ. Посадъ Таболенецъ, противнѣйшая у обители, красиво разбросана по сохншимъ холмамъ, окружающимъ небольшое озеро. Съ холмовъ открываются виды на окрестности, которыми нельзя не любоваться.

Тѣмъ не менѣе во времена Пушкина въ этомъ предѣльномъ уголкѣ,

Среди пустынныхъ вѣтъ и горъ,
Другъ человечества печально замкнулъ,
Велѣкъ невѣжества губительный по горѣ.

Населеніе въ крепостной Руен далеко не благодествовало:

Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ.

Вѣроятно, въ теченіе многихъ лѣтъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, какъ у поэта вырвались эти стихи, положеніе дѣлъ измѣнилось къ лучшему. Отошло въ область преданія «рабство, павшее по манію царя».

Въ настоящее время въ Таболенцѣ имѣется почтово - телеграфное отдѣленіе, народное вачальное училище, земская лечебница, богадѣльня и народная читальня въ память А. С. Пушкина и при монастырѣ церковно-приходская школа.

По приѣздѣ въ Св. Горы прежде всего хотѣлось взглянуть на могилу поэта, посмотрѣть на мѣсто его вѣчнаго упокоенія, облюбованное имъ самимъ:

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать.

Найти могилу нетрудно. Войдя на монастырскій дворъ, мы у церкви поднялись по лѣстницѣ наверхъ и очутились около скромнаго памятника, всѣмъ теперь извѣстнаго по тѣмъ изображеніямъ, которыми переполнены иллюстрированные журналы и газеты. Дѣйствительно, мѣсто выбрано очень красивое. Здѣсь будетъ постоянно «равнодушная природа красею вѣчною сиять».

Уединенность могилы соотвѣтствуетъ величію поэта. Особенно пріятно отсутствіе

...праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносихъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ...

Отсутствіе всего, что напоминало бы столичныя кладбища, и что наводило на поэта лишь злое уныніе. Наоборотъ здѣсь осуществились его желанія:

Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ.

Къ воскресенью 23 мая около могилы поэта былъ сооруженъ большой деревянный помостъ, обнесенный перилами. Такъ какъ гора около могилы обсыпается и при большомъ стеченіи публики во время торжественной панихиды могъ бы произойти обвалъ, то въ видахъ его предупрежденія и вѣтровою была эстрада, могущая вмѣстить, по опредѣленію техникувъ, до 400 человекъ.

Предъ могилой поэта, напротивъ монастыря, на горѣ, въ лѣсу, выстроено большое красивое зданіе; оно предназначалось для торжественнаго публичнаго застѣванія, посвященнаго памяти А. С. Пушкина. Постройка зданія уже заканчивалась и шла отдѣлка его. Украшеніемъ заведывалъ художникъ Изенбергъ, совместно съ мѣстнымъ землевладельцемъ М. Л. Назимовымъ. Съ внешней стороны зданія, въ простѣнкахъ между окнами были помѣщены большія, саженьныя картины на сюжеты, заимствованныя изъ произведеній Пушкина. Всѣхъ картинъ было 8. На первой, съ надписью «Полтава», побѣдоносный Петръ поднимаетъ кубокъ за учителей своихъ — пѣвчихъ шведовъ, имѣвшихъ весьма жалкій видъ. На второй — «Скупой рыцарь» — старый баронъ съ фонаремъ входитъ въ подземелье. Третья — «Евгеній Онегинъ» — Евгений и Татьяна въ саду. Четвертая — «Русланъ и Людмила» — изображала долину смерти, когда Русланъ

Объхватъ голову кругомъ
И, ставъ предъ восемь молчаливо,
Шекогитъ позыри пошесть...

На пятой — «Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ» — ветхая землянка и «старикъ со своей старухой у самаго сиваго моря». Далѣе шли: Сцена у фонтана, «Капитанская дочь» и «Русалка». Масса простаго народа постоянно толпилась около этихъ картинъ и знакомилась по нимъ съ Пушкиниемъ.

Во дворѣ монастыря было отведено мѣсто для трехъ палатокъ, въ которыхъ устроены буфетъ, казавшійся даже роскошнымъ въ такой глухой деревнѣ. Но это было не только роскошь, и прямая необходимость, такъ какъ при отсутствіи буфета вся прибывшая въ Св. Горы публика была бы обречена на голодавіе. Теперь же красиво сервированные столы и карточки съ большимъ выборомъ различныхъ кушаній, по утѣренной сравнительно цѣнѣ, заманчиво дѣйствовали и проголодавшій посетитель съ удовольствіемъ пользовался предусмотрительностію комитета, который озаботился о такомъ удобномъ продовольствіи пріѣзжихъ.

Нѣкоторые представители прессы постарались понасть въ Св. Горы заблаговременно и въ воскресенье 23 мая ихъ уже въ Таболеницѣ было нѣсколько человекъ. Помѣщеніе для представителей печати было отведено въ Воронежскомъ волостномъ правленіи, построенномъ на самомъ высокомъ мѣстѣ въ Таболеницѣ. Предъ волостнымъ правленіемъ находится довольно значительныхъ размѣровъ площадка, съ которой открывается великолѣпный видъ на окрестности. На этой площадкѣ сооружались: открытая сцена для народнаго театра и эстрада для оркестра.

Съ понедѣльника 24 мая пріѣзжіе стали замѣтно прибывать. Нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь хорошей погодой, поѣхали посмотреть Тригорское и Михайловское. Было бы грѣшно быть въ Святыхъ Горахъ и не посетить имѣнія поэта и воспѣтаго имъ Тригорскаго. Домъ въ послѣднемъ полонъ воспоминаніями о Пушкинѣ и является какъ бы музеемъ его времени, такъ какъ тамъ сохраняется обстановка двадцатыхъ годовъ, мебель, фортепіано, посуда и даже чаши, описанныя Пушкинымъ. Въ Тригорскомъ же указывается и старая липа, на громадномъ суку которой шути не разъ сиживалъ поэтъ и декламировалъ стихи, скамейка, съ которой поэтъ любовался видомъ на дальніе дуга.

Тригорское расположено на мѣстѣ древняго посада Воронича, о которомъ свидѣтельствуютъ двѣ уцѣлѣвшіе церкви, расположенныя на двухъ соедѣвнхъ холмахъ. Съ вершины самаго высокаго изъ нихъ холма открывается чудный видъ на волнистыя окрестности, сильно скрашенныя и оживленныя извилистой рѣкою Соротью.

По дорогѣ изъ Тригорскаго въ Михайловское ямщикъ указалъ мѣсто трехъ сосенъ «на границѣ владѣній дѣдовскихъ»; вмѣсто погибшихъ уже сосенъ посажено три маленькихъ сосны, казавшихся совершенно высохшими. Далѣе уже пошла Михайловская роща.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья.

Вотъ и самое Михайловское, гдѣ поэтъ мѣнялъ свѣтскую жизнь

На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Михайловское содержится въ большомъ порядкѣ. Длинная аллея громадныхъ, красивыхъ елей, по преданію посаженныхъ самимъ Пушкинымъ, ведетъ изъ лѣса прямо къ усадьбѣ. Барскій домъ, перестроенный послѣ смерти поэта, не представляетъ для посѣтителей особеннаго интереса. Зато видъ изъ сада на рѣку Соротъ и озера—представляется самымъ красивымъ, самымъ поэтичнымъ изъ видовъ всей этой красивой мѣстности, состоящей изъ Михайловскаго, Тригорскаго и Св. Горь.

Вотъ

...двухъ озеръ уснувшія равнины,
Гдѣ иарусь рыбаеръ бѣлѣтъ иногда;
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымящія и мельницы крылаты.

Здѣсь поэтъ

...сживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, вспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...

Эти мѣста такъ красивы, такъ привлекательны, что съ ними не хотѣлось разставаться. Дѣйствительно, въ этомъ прелестномъ уголкѣ

...другъ невинныхъ наслажденій
Благословлять бы небо мось.

Въ Михайловскомъ въ саду мы долго стояли и любовались видомъ на рѣку. Онъ казался намъ знакомымъ, такъ онъ соответствовалъ описанію, сдѣланному въ «Евгевіи Онегинѣ»:

Господскій домъ уединенный,
Горой отъ вѣтровъ отраженный,
Стоять надъ рѣкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и пѣвѣли
Лука и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ...

Красивое мѣстоположеніе Михайловскаго и соединенныя съ нимъ воспоминанія, дѣлають труднымъ выборъ болѣе удачнаго мѣста для устройства пріюта престарѣлымъ литераторамъ.

По возвращеніи обратно въ Св. Горы мы узнали, что прибывшимъ представителямъ прессы нужно было отправить письма, но въ этотъ день почты не полагалось по росписанію идти на Островъ. Корреспонденты были въ отчаяніи. Изъ бѣды ихъ выручилъ предсѣдатель губернской управы, отправившій нарочнаго до станціи Новгородки. Письма корреспондентовъ дошли своевременно въ мѣсто своего назначенія.

Во вторникъ, 25 мая, Св. Горы уже переполнились прибывшею публикою. Изъ Опочки на помощь

мѣстному вольно-пожарному обществу прибыло Опочецкое. Для охраненія порядка въ Св. Горахъ было рѣшено не прибѣгать къ помощи мѣстной полиціи, которой не хватило бы для этого; охрана была поручена вольнымъ пожарнымъ; послѣдніе охотно согласились на это и какъ мѣстные жители, и какъ представители лучшей части населенія, вполне соответствовали возложенной на нихъ задачѣ.

По распоряженію губернской земской управы въ Св. Горы привезено было нѣсколько пожарныхъ трубъ и во всѣхъ дворахъ Таболенца была заготовлена въ бочкахъ вода. Такимъ образомъ на случай пожара, который при переполненіи посада прѣзжими, могъ легко возникнуть и принять огромные, опасные размѣры, были приняты наиболѣе дѣйствительныя мѣры и населеніе было обезпечено въ возможности получить быструю помощь.

Предѣлатель губернской управы осматрѣлъ трубы, доставленныя въ Св. Горы и оба пожарныя общества, членамъ которыхъ роздалъ знаки, положившіяся получить имъ, какъ лицамъ, на которыхъ возложена охрана порядка. И надо отдать справедливость членамъ пожарныхъ обществъ Святогорскаго и Опочецкаго—охрана порядка была выполнена ими прекрасно.

Дождь, мелкій съ утра, усиливаясь къ вечеру, превращалъ песчаныя улицы посада въ грязныя непроходимыя дороги и наводилъ уныніе, обѣщая на завтра испортить празднество.

Въ конторѣ, куда постоянно обращалась публика за всевозможными справками, а также за билетами на торжественное засѣданіе, продавалась по 15 коп. за экземпляръ карта, издаваемая губернекимъ земствомъ къ столѣтню дню рожденія А. С. Пушкина. Она *) состоя-

*) При настоящемъ № „Вѣстника“ предлагается эта карта.

да изъ плана пути отъ станиці Островъ СѢ.-Варшавской желѣзной дороги до Св. Горъ и плана окрестностей Святогорскаго монастыря и села Михайловскаго. Планъ этотъ снабженъ двумя очень удачными отрывками изъ извѣстныхъ стихотвореній Пушкина:

...Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.

Это вполне относится и къ Св. Горамъ, и къ Тригорскому, и къ Михайловскому. Каждый, прїѣзжій сюда навѣрно припомнитъ эти, еще съ дѣтства заученные стихи. Второй отрывокъ относится уже специально къ Михайловскому:

...Въ разныя годы
Пользуюсь снѣмъ, Михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей...

Теперь же онъ для насъ величайшій поэтъ на Руси; къ его памятнику не зарастетъ народная тропа.

Кромѣ карты въ конторѣ продавались «Слѣды пребыванія Александра Сергѣевича Пушкина въ Псковской губерніи». Эта книжка составлена по неизданнымъ документамъ И. И. Василевымъ. Изданіе Высочайше утвержденнаго комитета по сбору денегъ на устройство въ Псковѣ учебно-образовательныхъ заведеній въ память поэта Александра Сергѣевича Пушкина. Эпиграфомъ къ книжкѣ взяты слѣдующія слова поэта:

Съ покинутой главой стоитъ печально Псковъ.
Лишенный честныхъ благъ народного правленья,
Сей градъ являетъ намъ вѣдь страшный разрушенья.

Такимъ Псковъ дѣйствительно былъ во времена поэта. Великія реформы Александра II благотворно

отразились и на нашем древнемъ городѣ. Призваніе къ жизни всеословныхъ мѣстныхъ учреждений вновь оживило Псковъ, и онъ уже въ настоящее время не «являетъ видъ страшный разрушенья».

Несмотря на дождь и охватившее уныніе относительно удачности предстоящаго празднества, Св. Горы, переполненные народомъ имѣли къ вечеру 25-го мая очень оживленный видъ. Всѣ работы по устройству закрытой и открытой сценъ были уже кончены, памятникъ на могилѣ поэта старавіемъ члена комитета—земскаго начальника Л. Л. Неклошова украшенъ зеленью и цвѣтами, квартиры приготовлены, большинство изъ нихъ уже заняты. Вновь прибывшіе сновали по всемъ направленіямъ, стараясь ознакомиться со всемъ тѣмъ, что уже приготовлено для завтрашняго торжества. Артисты и артистки, которымъ приходилось выступать завтра на открытой сценѣ, были въ отчаяніи отъ дождя, грозившаго сдѣлать напраснымъ ихъ прибытіе въ Св. Горы. При всей любви къ сценической дѣятельности они все же не находили возможнымъ играть подъ проливнымъ дождемъ.

Къ 12 часамъ ночи бенгальскій огонь и привѣтственные крики извѣстили о прибытіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ барона Искуля-фонъ-Гильденбандта и исковекаго губернатора К. И. Пащенко.

У арки отъ мѣстныхъ крестьянъ барону А. А. Искулю былъ поднесенъ хлѣбъ-соль, а у квартиры его встрѣтилъ почетный караулъ изъ вольныхъ пожарныхъ.

Въ среду, 26 мая, рано проснувшіеся посѣтители Св. Горъ увидѣли, что дождь со вчерашняго вечера не прекращался. Небо заволокло низкими темными тучами. На гористыхъ улицахъ посада образовалась непролазная грязь.

Дѣлать нечего, все-же надо позавтракать въ монастырѣ.

Въ церковь допускались лишь по билетамъ, такъ какъ небольшая церковь не могла вмѣстить многочисленной публики, къ тому же и на эстраду во время панихиды нельзя было пустить болѣе 400 человекъ. Мѣстные жители должны были уступить мѣсто прїѣзжимъ. Членъ комитета — мѣстный предводитель дворянства графъ П. А. Гейденъ лично наблюдалъ, чтобы въ церковь попали лишь лица, имѣвшіе билеты.

Въ церковь прибыли оба сына поэта Александръ Александровичъ и Григорій Александровичъ Пушкины, а также и племянникъ поэта Павлищевъ. Представители администраціи собрались, имѣя во главѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ барона Икскули и начальника губерніи К. И. Пащенко. Много съѣхалось дворянъ; во главѣ ихъ находился губернской предводитель Н. И. Новосилцевъ съ уѣздными предводителями. Представители литературы имѣли во главѣ извѣстнаго поэта К. К. Случевского. Во время обѣдни пѣло два хора: архіерейскій хоръ и извѣстный хоръ Архангельскаго, прибывшій изъ Петербурга въ Св. Горы на пушкинскія торжества.

Послѣ обѣдни была торжественная панихида на могилѣ поэта. Ова прошла подъ проливнымъ дождемъ. Молящіеся должны были стоять подъ зонтиками. Для народа, непопавшаго въ церковь и на первую панихиду было рѣшено отслужить вторую панихиду, на которой присутствовало до трехсотъ учениковъ народныхъ школъ, прибывшихъ на пушкинскій праздникъ въ Св. Горы. Инспекторъ народныхъ училищъ П. Т. Виноградовъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой рекомендовалъ научиться у Пушкина любить родину и посвятить на служеніе ей все свои силы.

Къ двумъ часамъ пополудни все направилось къ особому помѣщенію, выстроенному противъ монастыря. Въ этомъ красивомъ и обширномъ помѣщеніи уже все

было готово для торжественнаго засѣданія. Огромное зданіе быстро переполнилось нарядной, приличной публичкой, такъ какъ пускали въ него только по билетамъ, розданнымъ по числу мѣстъ, имѣвшихся въ этомъ зданіи.

Первыя мѣста заняли сыновья Пушкина, супруга одного изъ нихъ и племянникъ поэта Павлиничевъ. Далѣе сидѣлъ начальникъ губерніи К. И. Пашенко и товарищъ министра внутреннѣхъ дѣлъ баронъ А. А. Икскуль-фонъ-Гильдебандтъ, редакторъ «Прав. Вѣстн.» К. К. Случевскій. За ними видѣлся цѣлый рядъ блестящихъ мундировъ и нарядныхъ женскихъ костюмовъ. Для почтвыхъ дамъ полагались особыя ложи. Представителямъ прессы предоставлена была ложа около самой сцены. Многія изданія прислали корреспондентовъ. Такъ ихъ имѣли: «Прав. Вѣст.», «Нов. Вр.», «Истор. Вѣст.», «Нива», «Пет. Газ.», «Петер. Лист.», «Россія», «С.-Пет. Вѣд.», «Вирж. Вѣд.», «Рус. Вѣд.», «Рус. Трудъ», «Моск. Вѣд.», «Приднѣпр. Край», «Курьеръ», «Лек. Гор. Лист.», «Вѣст. Псков. Губ. Зем.» и т. д.

Засѣданіе открылось предѣвателемъ Пушкинскаго комитета псковскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Н. И. Новосильцевымъ; онъ привѣтствовалъ собраніе въ краткихъ сочувственныхъ словахъ. Хоръ Архангельскаго исполнилъ кантату, слова Половскаго, музыка Александра. Затѣмъ выступилъ К. К. Случевскій, произнесшій прекрасную рѣчь, въ которой сравнивая Пушкина съ Петромъ Великимъ, указалъ на разносторонность его генія и на то какъ много имъ сдѣлано въ тѣ немногія тридцать семь лѣтъ, которыя онъ прожилъ. Секретарь петербургскаго Пушкинскаго комитета Арабажинъ въ пространной рѣчи представилъ отзывъ русскихъ писателей о поэтѣ.

По порученію министра народнаго просвѣщенія, Ковалевскій вручалъ, какъ старшему представителю ро-

да Пушкиныхъ—Александрѣ Александровичу Пушкину дипломъ почетнаго члена Румянцевскаго музея. Это вызвало шумную овацію по адресу первенца поэта. Взыволнованная публика долго не могла успокоиться. Хоръ Архангельскаго исполнилъ контату—слова К. К. Случевского, музыка Иванова.

Къ бюсту поэта, поставленному среди зелени на эстрадѣ начали подходить депутаціи и возлагать вѣнки. Первый вѣнокъ былъ возложенъ отъ псковскаго дворянства; скромень, но очень красивъ, былъ вѣнокъ отъ псковскаго земства. Очень мило возложили двѣ гимназистки къ подножію бюста вѣнокъ отъ псковской женской гимназіи. При подношеніи вѣнковъ нѣкоторыми депутатами говорились рѣчи, иногда очень пространныя. Прочитано масса привѣтственныхъ телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи. Прибывшіе на торжество поэты прочли стихотворенія, посвященныя Пушкину. Такъ выступили: Б. Мазуркевичъ, Порфирьевъ, князь В. В. Барятинскій, К. И. Льдовъ, Т. Л. Щепкина-Куперникъ. Очень шумныя аплодисменты вызвала Л. В. Яворская, прочитавшая стихотвореніе Лермонтова «На смерть Пушкина». Въ виду могилы поэта это чтеніе произвело потрясающее впечатлѣніе.

Въ заключеніе хоръ Архангельскаго исполнилъ гимнъ Пушкину—слова К. К. Случевского, музыка Главача и затѣмъ народный гимнъ, которымъ и закончилось торжественное засѣданіе.

На открытой сценѣ для народа ничего нельзя было устроить, такъ какъ дождь все время не переставалъ идти. Только на слѣдующій день въ Вознесенье, 27 мая, можно было выполнить и ту часть программы, которая назначалась для народныхъ развлеченій.

Празднество въ Св. Горахъ закончилось благодар-

ностью губернского предводителя дворянства, съ которой онъ обратился къ петербургской комисси, веѣмъ артистамъ, художникамъ и литераторамъ, принявшимъ участіе въ празднествахъ. Отъ имени комисси отвѣчать К. К. Случевскій, который благодарилъ комитетъ за все сдѣланное имъ для пріѣзжихъ гостей въ Св. Горы.

Несмотря на громадный съѣздъ въ Св. Горы, веѣ оказались распредѣленными, у веѣхъ были квартиры и веѣ своевременно проѣхали обратно до г. Острова.

Благодарность, выраженная комитету К. К. Случевскимъ, надо полагать, была совершенно искренней и соответствовала мнѣнію большинства присутствовавшихъ на празднествѣ въ Св. Горахъ. Дѣйствительно, комитетъ сдѣлалъ, что могъ, и сдѣлалъ весьма хорошо. Но крайней мѣрѣ тѣ нечюгѣ, которые почему-либо остались недовольными и высказывали свое недовольство печатно, вызвали тотчасъ коллективные возраженія, совершенно оправдывавшія комитетъ отъ возводимыхъ на него обвиненій. Если сама публика, бывшая въ Св. Горахъ взяла комитетъ подъ свое покровительство, сама его защищаетъ, то это лучшее свидѣтельство того, насколько удачно комитетъ выполнилъ свою задачу. Веѣ лица, обратившіяся своевременно въ комитетъ съ заявленіемъ о желаніи ѣхать въ Св. Горы, получали книжку съ программю торжествъ въ Св. Горахъ, съ росписаніемъ времени прихода и отхода поѣздовъ на ст. Цеконь и Островъ и съ маршрутомъ отъ ст. Островъ до Св. Горъ, снабженнымъ свѣдѣніями, необходимыми для лицъ, ѣхавшихъ на пушкинскія торжества. Кроме того къ книжкѣ прикладывались билеты на взиманіе лошадей отъ Острова до Св. Горъ и обратно, объ уплатѣ шоссеинаго сбора и для входа на эстраду во время панхимды. Но этого оказалось недостаточно. Были претензіи на то, что не везуть даромъ. Впрочемъ, имѣлись и такія лица, которые въ газетахъ

помѣтили жалобы, что на станціяхъ съ нихъ вездѣ брали лишніе поборы, между тѣмъ въ комитетъ о нихъ именно были представлены счета о неплатѣ денегъ за взимаемыхъ лошадей и комитету пришлось оплатить ихъ проѣздъ, хотя на такую оплату они не имѣли рѣшительно никакого права.

Раздавались въ печати сожалѣнія, что простой народъ еще не читаетъ, не знаетъ Пушкина, что это былъ праздникъ только образованныхъ людей, а крестьянство находилось въ сторонѣ. Необходимо принять мѣры, чтобы весь народъ зналъ бы русскаго величайшаго поэта. Но вопросъ о знакомствѣ народа съ произведеніями его величайшаго поэта—вопросъ о широкомъ распространеніи грамотности, вопросъ о доступности нашей школы для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Въ настоящее время, когда на сто жителей приходится только трое учащихся, мы не можемъ удивляться незнакомству народа съ величайшими представителями его литературы. Должно возможно быстрѣе довести число учащихся до 22 на 100 жителей, какъ это мы встрѣчаемъ въ культурнѣйшихъ странахъ. Тогда и у насъ праздникъ образованныхъ людей страны будетъ праздникомъ, въ которомъ приметъ участіе все населеніе и чествованіе литературныхъ гениевъ сдѣлается чествованіемъ всенароднымъ.

*(Извлечено из «Вестника Псковскаго губернскаго земства»
№ 7 за 1899 год)*

Псков, 29 мая

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА

Псков. Пушкинские празднества. 29 мая был для псковичей замечательным днём, который надолго останется в памяти интеллигентных классов городского населения. В ранние утренние часы внешний вид города имел зимний колорит; тонкий слой снега, покрывавший мостовые и крыши, был, однако, вскоре разогнан первыми лучами солнца, но весь день стояла холодная погода. Затем пребывание в маленьком губернском городе министра или товарища его представляет само по себе событие. В 10 часов утра этого дня псковичи устроили проводы своему бывшему губернатору, ныне товарищу министра внутренних дел, сенатору барону Иксулю, возвращавшемуся в С.-Петербург. В час дня было большое движение по улицам. Дамы в светлых, изящных платьях, кавалеры в полных парадных мундирах, при орденах направлялись к народному театру, что за Сергиевскими воротами, на торжественный литературно-художественный акт, устроенный в честь и память А.С. Пушкина, одного из гениальнейших сынов России. Все были полны всяких надежд и ожиданий; ведь древний Псков во все времена своего существования ещё не видал столько литературно-художественных сил, сколько собралось во Пскове в этот день. Это были литераторы и артисты, приехавшие от Пушкинских торжеств в Святых Горах и любезно обещавшие обрадовать псковичей воспроизведением торжества, имевшего место в Святых Горах 26 мая. Нам удалось видеть и слышать давно известных по фамилии талантливых литераторов: К.К. Случевского, побывавшего уже во Пскове и описавшего поездку Великого Князя Владимира и Его Августейшей Супруги, даровитого оратора с красивой, звучной речью В.А. Шуфа (сотрудника «Петербургского Листка»), талантливого, остроумного, живого повествователя разных путешествий по далёким странам (Палестине и пр.), писателя К.И. Арабажина, секретаря петербургского пушкинского комитета, поэтессу Т.Л. Щепкину-Куперник, поэтов В.А. Мазуркевича, К.Н. Льдова, В.В. Барятинского и пр. Вход в театр был бесплатный, впуск по разосланным билетам. Публика, естественно, находилась всё время акта в торжественном настроении и не выходила из своего восторга, несмотря на то, что торжественный акт продолжался до 5-ти с половиной часа полудни. *Verve* (воодушевление. – *Н.Л.*), с которым артисты и поэты действовали, наэлектризовал публику настолько, что она позабыла не по времени низкую температуру, царившую в театре. Последний был битком

Место проведения пушкинских торжеств 29 мая 1899 года

набит любопытными. В первых рядах мы видели губернатора с семейством, предводителей дворянства с семействами, вице-губернатора и других лиц высших местных ведомств и учреждений. Из последовавших 16 номеров программы, разделённых на 2 отделения, первым была речь К.К. Случевского «о Пушкине», остроумно и красноречиво сопоставившего в параллель с деятельностью Петра Великого в области политико-социальной жизни и деятельность Пушкина в области нравственно-умственной жизни русского народа. Речь была принята с большим восторгом. Весьма интересен был обзор мнений и отзывов русских писателей о поэте Пушкине, талантливо изложенный К.И. Арабажиным, с большим удовольствием заслушанный публикою. После этого И.А. Соколовский прочёл массу поступивших приветственных телеграмм. Затем г-жою Л.Б. Яворской было мастерски продекламировано стихотворение Лермонтова «На смерть Пушкина». Прекрасная декламация вызвала сильный порыв восторга, который раньше не улёгся, пока даровитая артистка не откупилась чтением нового стихотворения сверх программы. С оживлённым вниманием и выраженным уже в чертах лица любопытства публика выслушала разные стихотворения, посвящённые бессмертному поэту и читанные самими авторами: К.К. Случевским, В.А. Мазуркевичем, г. Порфирьевым и В.А. Шуфом. Кроме того, знакомая псковичам артистка Н.П. Анненкова-Бернар продекламировала с чувством одно из стихотворений чествуемого поэта. Князь В.В. Барятинский вызвал гром рукоплесканий своим неподража-

емым превосходным переводом на французский язык монолога Татьяны из Онегина. Первое отделение окончилось исполнением «Торжественной кантаты», слова Н. Нидермиллера, музыка И. Тульчиева. Исполнена она недурно смешанным хором под управлением автора. Соло Ариозо спел вполне успешно г. Стодоля (баритон). Публика отнеслась довольно сочувственно к этой композиции. Но бурю энтузиазма вызвало и почти во всё время поддерживало второе отделение программы, которое началось представлением сцены из «Каменного гостя», сочинение А.С. Пушкина. Действующими лицами явились Л.Б. Яворская, К.М. Яковлев и Ю.М. Юрьев, красавец, сразу пленивший сердца многих молодых барышень. Игра была художественная, во Пскове ещё невиданная. Рукоплесканиям не было конца. Эта драматическая сцена, как и следующие номера программы, отличались художественностью не только в декорации, декламации и передаче характера роли, но и в отношении костюмировки и грима.

Когда несколько улёгся возбуждённый энтузиазм, О.А. Пушкина (псевдоним О.А. Петровой) прелестно воспроизвела арию Лизы из оперы «Пиковая дама». Пение и жестикуляция исполнительницы так понравились публике, что последняя энергичными аплодисментами вынудила у миловидной артистки прибавку двух пьес: «Я помню чудное мгновение» и «Ночь» Рубинштейна. Той же участи подверглась и Н.П. Анненкова-Бернар, которая после прелестно прочитанного монолога Татьяны, для успокоения очарованной публики должна была прибавить сверх программы одну пьесу, что она любезно и сделала, продекламировав стихотворение «Пророк» Пушкина.

Затем князь В.В. Барятинский весьма художественно произнёс стихотворение Пушкина «Не очень-то ценю». Сочувственно были приняты два романа, исполненные госпожою З.В. Главач, причём В.Н. Главач аккомпанировал ей. Третья сцена из «Скупого рыцаря» прошла с полным эффектом. Тонкая, выразительная игра Ю.М. Юрьева, исполнившего роль Герцога (главную), а также прекрасное исполнение ролей барона (К.М. Яковлевым) и Альберта (князем В. В. Барятинским), доставили публике истинное, к сожалению, редкое удовольствие. Очень мило был пропет романс «Не пой красавица при мне», исполненный А.С. Дорс. Приятный голос её (alto) вызвал у публики желание прослушать ещё какую-нибудь пьесу, желание, любезно удовлетворённое. Художественно было прочитано К.И. Арабажиным стихотворение «Памятник», за которым последовал прелестно спетый А.С. Дорс и О.А. Пушкиной дуэт из оперы «Пиковая дама». Очарованная публика и здесь выпросила прибавление сверх программы. Венцом всего акта была сцена у фонтана из «Бориса Годунова», Самозванец (Ю.М. Юрьев) и Марина (Л.Б. Яворская) были восхитительны во всех отношениях, никто скоро не забудет этой художественной, в высшей степени живой и красивой сцены. Видя её, публика дошла до апогея

своего восторга. Такого исполнения Псков ещё не видывал. Долго не смолкали аплодисменты. Наконец весь акт окончился стройным пением народного гимна. Несмотря на поздний час, публика в своём восторженном настроении долго не смогла оторваться от места, в котором ей только что было доставлено столь редкое эстетическое наслаждение. Публика горячо выражала свою признательность всем исполнителям и исполнительницам, кто-то, в порыве благодарности, громко вызвал председателя пушкинского комитета, губернского предводителя дворянства Николая Ивановича Новосильцева, инициативе и хлопотам которого Псков обязан за то великое удовольствие, которое доставил только что описанный торжественный акт, посвящённый памяти великого поэта. Прелестным чтением и исполнением драматических пьес талантливыми литераторами и артистами чествуемый поэт стал ещё ближе нашим сердцам. Многие теперь только поняли всю художественность сочинений Пушкина. С другой стороны, и участвовавшие в акте лица, современники поэта и артисты приблизились, так сказать, к нам, провинциалам: многие из нас их раньше едва по слуху знали, а теперь стали их любить. Это им вознаграждение за труд, любезно пожертвованный нам, мы этот труд, полагаем, больше оцениваем, чем избалованная столица.

По окончании акта участники его, корреспонденты и многие из местных жителей были приглашены к Н. И. Новосильцеву на обед, за которым отражалось ещё восторженное настроение, вызванное блестящим успехом и эстетическим впечатлением от акта. Самое приятное оживление продолжалось даже тогда, когда собравшееся общество, несмотря на весьма прохладную погоду, около 8 часов вечера, предприняло на пароходе поездку к устью реки Великой и Талабскому озеру. На пароходе иные весело и громко обменивались своими впечатлениями, другие сидели молча, предаваясь воспоминаниям только что пережитого. Узлечённые своими мечтами, они даже не слышали звуков железнодорожного оркестра, игравшего на пароходе. Когда последний, на возвратном пути, в черте города, приблизился к берегам, глаза пассажиров были привлечены прелестным фейерверком, сожжённым на берегу. Это был блестящий финал блестяще прошедшего Пушкинского торжества. Всем действовавшим лицам, вернувшимся в столицу в эту ночь и на следующий день, мы от души приносим наше громкое «спасибо». Полную, искреннюю благодарность высказываем и Пушкинскому комитету, устроившему торжество 29 мая.

*(Извлечено из «Псковского городского листка»
от 2 июня 1899 года)*

Поэт «К.Р.» и Пушкинский праздник

Свои художественные произведения он издавал только под инициалами «К.Р.». Впрочем, вся читающая Россия знала, как их расшифровать: Константин Романов. А в официальных документах внука Николая I непременно титуловали «Его Императорское Высочество великий князь Константин Константинович».

Лишь в 1882 году 24-летний флигель-адъютант, завершивший морскую службу, впервые решился напечатать в журналах «Вестник Европы» и «Русский вестник» свои стихи, хотя некоторые из них датированы 1877 годом. Через четыре года сборник из 78 стихотворений тысячным тиражом вышел в подарочном оформлении: он рассылался родственникам, друзьям и деятелям искусства, мнение которых интересовало автора. И только в 1889 году те же «Стихотворения К.Р.», созданные до 1885 года, появились вторым, обычным изданием для продажи публике и одновременно были изданы отдельной книгой «Новые стихотворения К.Р. 1886—1888» (54 произведения, в том числе и поэма «Севастьян-мученик»).

Затем последовали «Третий сборник стихотворений К.Р. 1889—1899» и «Стихотворения 1900—1910». Эти сборники неоднократно переиздавали, а отдельные стихотворения из них печатали во многих журналах, включали в хрестоматии и антологии. Наконец, в 1915 году завершилось печатание трёхтомника, включившего ранее изданное.

Лирические стихи К.Р. пользовались успехом. Около 70-ти из них в разные годы переложили на музыку известные композиторы: Чайковский, Глазунов, Рахманинов, Кюи, Гречанинов, Глиэр... Впрочем, и сам Константин Константинович был одарённым пианистом и сочинял музыку на произведения Аполлона Майкова, А.К. Толстого, Виктора Гюго.

Лирика К.Р. продолжала традиции «чистого искусства». Он воспевал природу, светлые чувства, религиозные настроения. Приведём несколько наиболее характерных стихотворных строф:

Опять томит очарованьем
Благоуханная весна,
Опять черёмухи дыханьем
Её краса напоена.
Нежнозелёною, сквозистой
Оделись дымкою леса.

Струей повеяло душистой,
Лаская, греют небеса
Мне запах милый и знакомый
Былое в сердце воскресил:
Объятый тайною истомой,
Прилив учуя свежих сил,
Дышу черёмухи дыханьем,
Внимаю жадно соловью,
Весь отдаюсь весны лобзаньям
И — очарованный — пою.

Однако немало стихов К.Р. отражали его впечатления от службы в полку и полны прозой жизни. А стихотворение «Умер бедняга в больнице военной» стало народной песней и даже привело к изменениям в ритуале солдатских похорон. Понимая, что в нём прежде всего видят внука императора, К.Р. в программных стихах мечтал:

Но пусть не тем, что знатного я рода,
Что царская во мне струится кровь,
Родного православного народа
Я заслужу доверье и любовь.
Пускай прольются звуки
Моих стихов в сердца толпы людской.
Пусть скорбного они врачуют муки
И радуют счастливого душой!

К.Р. увлекался и переводами драматических произведений зарубежной классики. Отдельными изданиями и в сборниках выходили переводы «Ифигении в Тавриде» Гёте, «Мессинской невесты» Шиллера, а выполненный им перевод «Трагедии о Гамлете» Шекспира Константин Романов сопроводил подробнейшими историко-литературными комментариями, которые вместе с пьесой составили три тома, и в 1900 году «Трагедия о Гамлете» была поставлена на Александринской сцене.

К.Р. долго работал над сочинением трагедии на евангельский сюжет «Царь Иудейский». Однако, несмотря на высокое положение автора, духовная цензура Святейшего синода не разрешила театральный показ Страстей Господних для широкой публики. С особого дозволения императора пьесу удалось поставить только раз в театре Царского Села, причём сам К.Р. исполнил роль Иосифа Аримафейского. Зато текст трагедии был отпечатан в 1914 году сразу двумя изданиями: обычным и роскошным, богато иллюстрированным снимками сцен

той единственной постановки. Кстати, К.Р. нередко выступал на любительской сцене в придворных театрах, исполняя, как правило, заглавные роли. Играл и Гамлета...

Константин Константинович не раз бывал в Пскове. Впрочем, в царской семье это было почти традицией. Ещё будущий император Павел Петрович с супругой Марией Фёдоровной три дня в сентябре 1781 года изучали псковские святыни и древности. Его сын Александр трижды проезжал через Псков, а в 1802 и 1822 годах останавливался здесь и побывал на Тапабских островах, в память о чём посёлок на главном острове назвали Александровским посадом. Другой сын Павла Петровича, Николай I, приезжая, вникал в дела псковских канцелярий, гимназии, богоугодных заведений...

Старший сын Николая Павловича Александр II ещё цесаревичем осматривал город 6 марта 1840 года, затем 21 сентября 1858 года первым пассажиром в специальном поезде проехал по только что построенному участку железной дороги из Пскова в столицу, а 10 ноября следующего года весь день провёл в городе. Его младшие братья Николай и Михаил Николаевичи юношами посетили Псков 22 октября 1850 года.

Павел I имел четырёх сыновей: Александра, Константина, Николая и Михаила. У императора Николая Павловича тоже было четыре сына, и он по примеру отца дал им те же имена и даже в том же порядке. Второй сын Николая I — великий князь Константин Николаевич (отец поэта «К.Р.») — родился 9 сентября 1827 года. С детства готовя сына к флотской службе, император ещё в 1832 году назначил ему в воспитатели знаменитого мореплавателя Фёдора Петровича Литке. Вторым воспитателем вскоре был приглашён молодой учёный Август-Теодор Grimm, изучавший науки в Иене и Берлине. Они оба сопровождали Константина Николаевича, приехавшего в Псков 12 мая 1845 года, в начале двухлетнего путешествия по северной и восточной России, Крыму, Кавказу, Сирии, Греции и Алжиру.

В Пскове путешественники прямо из Крестов проехали в Троицкий собор и, приложившись к мощам трёх псковских угодников, осмотрели меч святого Всеволода-Гавриила и другие ценности ризницы. В Кремле великий князь зарисовал в дорожный альбом крепостные стены и башню, такой же рисунок сделал

*Великий князь
Константин Константинович*

*Великий князь
Константин Николаевич*

у Баториева пролома. Посетив детский приют святой Ольги, открытый годом ранее, он оставил на его содержание 300 рублей. Ещё 1.500 рублей пожертвовал в пользу бедняков, так что пришлось создать Временный комитет для их распределения. В Острове путешественники осмотрели древнюю крепость и церковь в ней.

Очевидно, впечатления от посещения Пскова и рассказы о прославленной псковитянке, святой Ольге Российской, остались в памяти надолго. Старшую дочь, родившуюся 22 августа 1851 года, Константин Николаевич назвал Ольгой. Более того, в память о её рождении они с супругой Александрой Иосифовной заказали золотую лампаду для Троицкого собора Пскова. По их замыслу лампаду с золотой цепью повесили там перед Ольгиным крестом и

торжественно зажгли 22 января 1856 года.

16-летняя Ольга Константиновна 15 октября 1867 года стала женой греческого короля Георга I. Молясь своей небесной покровительнице, она не забывала о Пскове. К примеру, 17 августа 1882 года, проезжая через Псков, королева эллинов приняла на вокзале вице-губернатора Теляковского и говорила с ним не только о Пскове, но и о Выбутах. Её мужа убили в Салониках 18 марта 1913 года. Вскоре Ольга Константиновна выдвинула идею о постройке в Выбутах церкви во имя святой Ольги, возглавила Комитет по сооружению этого храма, получила разрешение на Всероссийский сбор пожертвований, а в июле 1914 года присутствовала на закладке храма и на торжественном заседании Псковского археологического общества по этому поводу.

Но вернемся к её отцу. Великий князь Константин Николаевич носил почётное звание генерал-адмирала, с 1855 года управлял морским министерством, осуществил замену военных парусных кораблей на паровые, покровительствовал Русскому географическому обществу, созданному по инициативе его воспитателя адмирала Литке. В течение 16 лет (1865—1881) он возглавлял Государственный Совет. К тому же с 1852 года был председателем Русского археологического общества, а в 1873 году принял обязанности президента Императорского музыкального общества.

Продолжая традиции своего деда, Павла I, и отца, Николая I, второго сына, родившегося 10 (22) августа 1856 года, Константин Николаевич тоже называл Константином. Среди домашних учителей К.Р. были С.М. Соловьев, К.Н. Бестужев-Рюмин, Ф.М. Достоевский, уделявшие большое внимание изучению истории России. Для наглядного ознакомления с памятниками русской старины император Александр II и его брат Константин Николаевич отправили своих сыновей в Псков. Молодые великие князья Сергей и Павел Александровичи, а также Константин и Дмитрий Константиновичи приехали сюда 8 июля 1878 года. Великих князей сопровождала большая свита: известный археолог граф Алексей Сергеевич Уваров, профессор истории столичного университета Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (создавший в том же 1878 году Высшие женские курсы, прославившиеся под названием Бестужевских), адмиралы Арсеньев и Зеленой.

В городе они осмотрели Покровскую, Довмонтову башни, Троицкий собор. В Мирожском монастыре при знакомстве с частично расчищенными фресками Преображенского собора высказали пожелание о том, чтобы фрески были раскрыты полностью. На Завеличье посетили ещё монастырь Иоанна Предтечи, Ольгинскую часовню и Пароменскую церковь, в которой хранились подарки Ивана Грозного и Петра I. В складе льняной конторы Даниельса на Плоской (сейчас Профсоюзная) улице специально к их приезду была устроена выставка псковских льнов. Неподдалеку, в часовне Неугасимой свечи на Великолуцкой (Советская) улице, их поразила икона Николы Угодника, рисованная на стене. По дороге к Баториеву пролому великим князьям показали древние палаты на той же улице, здания Сергиевского реального училища, мужской гимназии и учительской семинарии. По подземному ходу у крепостной стены они прошли 30 саженьей, около часа осматривали залы Логанкиных палат, прогулялись по Ботаническому саду, открытому лишь месяцем раньше по инициативе директора реального училища Раевского.

10 июля все отправились в древний Изборск. Там при раскопках на Славянском поле был обнаружен скелет. А на другой стороне городища, приподняв огромную плиту у Труворова креста, великие князья убедились в отсутствии захоронения. Крестьяне рассказали, что лет 50—60 тому назад такая попытка дала тот же результат. Затем путешественники приехали в Псково-Печерский монастырь, и здесь их особенно удивили костюмы приглашённых туда же женщин-сету.

Утром 11 июля, в день святой Ольги, гости отправились в погост Выбуты, присутствовали на праздничном богослужении в Ильинском храме, вместе с крестным ходом прошли к Ольгину камню, затем в двух верстах выше по Великой переправились по плоскому неглубокому дну и близ деревни Ерусалимской Сидоровской (ныне Ядровская) волости присутствовали при раскопках кургана с сожжёнными останками.

В тот же день они познакомились с коллекцией монет и медалей, собранных Ф.М. Плюшкиным, посетили приют святой Ольги и только зарождавшийся в то время краеведческий музей. При этом граф Уваров заявил о возможности создания здесь отдельного археологического общества. Только на пятый день, 12 июля, в 4 часа дня великие князья со свитой покинули Псков, оставив различные подарки псковичам, содействовавшим им при осмотре местных достопримечательностей.

Совет графа Уварова вскоре был претворён в жизнь. На первом чрезвычайном общем собрании Псковского археологического общества 26 октября 1880 года великих князей, побывавших в Пскове, а также Уварова и Бестужева-Рюмина избрали почётными членами нового общества. С тех пор в каждой очередной «Памятной книжке Псковской губернии», печатавшей личный состав ПАО, первыми указывали великого князя Константина Константиновича с его родным и двумя двоюродными братьями.

В мае 1889 года Александр III назначил своего двоюродного брата, командира роты лейб-гвардии Измайловского полка капитана Константина Константиновича, ещё и президентом Императорской Академии наук. При его участии в 1898 году при Академии наук была создана комиссия из «представителей государственной, общественной, научной, литературной и художественной деятельности» для разработки программы всероссийского чествования памяти А.С. Пушкина. 20 января следующего года по докладу президента Академии эту программу утвердил его двоюродный племянник Николай II. Текст программы журнал «Вестник Псковского губернского земства» полностью перепечатал в ближайшем номере (№ 2 за 1899 год). Последний пункт программы был откликом на пожелания псковичей: «... 11) Положено ходатайствовать пред Его Императорским Величеством: а) о принятии Правительством на себя забот по охранению навсегда в приличном виде могилы А.С. Пушкина в Святогорском монастыре и б) о приобретении в казну усадьбы и, если возможно, всей земли имения Пушкина, села Михайловского. Опочецкого уезда, Псковской губернии, с предоставлением псковскому дворянству устроить в этой усадьбе помещения для нуждающихся престарелых писателей».

В соответствии с той же программой 26 мая 1899 года в большом зале столичной консерватории состоялось публичное заседание Академии наук в честь столетия со дня рождения Пушкина, на котором присутствовали многие высокопоставленные сановники. Во вступительной речи президент Академии, в частности, сообщил: «Правительство приняло на себя заботы по охранению дорогой для России могилы поэта в Святогорском монастыре. Имя Пушкиных, село Михайловское Опочецкого уезда Псковской губернии приобретено в казну, с предоставлением псковскому дворянству устроить в усадьбе покойного поэта какое-либо благотворительное заведение, связанное с именем А.С. Пушкина».

Свою речь Константин Константинович закончил словами: *«Если по лицу нашего обширного Отечества повсеместно празднуют сотую годовщину рождения этого певца из певцов, то где, как не в столице, которую воспел он в дивных стихах, и кому, как не Академии, коей он был лучшим украшением, восторженно воскликнуть: да живет вовеки в русских сердцах имя Пушкина — любовь, гордость и слава великой России!»*

После докладов академика А.Н. Веселовского «А.С. Пушкин — национальный поэт» и почётного члена Академии наук, известного юриста и общественно-го деятеля А.Ф. Кони «Нравственные и общественные взгляды А.С. Пушкина» была исполнена Кантата на юбилей Пушкина, созданная композитором Александром Константиновичем Глазуновым на слова К.Р. Она начиналась так:

Мы многолюдною толпою
Сошлись здесь на торжество
Единодушно семьёю
Сегодня чествовать того,
Кто в этот день весёлый мая,
Тому назад уже сто лет,
Невинной прелестью пленяя,
Узрел впервые Божий свет.

Было осуществлено и ещё одно пожелание, изложенное президентом Академии в докладе Николаю II. К пушкинскому юбилею в память о том, что поэт состоял членом Российской академии, ставшей позднее вторым отделением русского языка и словесности Академии наук, указом Императора от 29 апреля 1899 года при этом отделении учреждался разряд изящной словесности с шестью новыми должностями ординарных академиков, а также особый фонд имени Пушкина. Пушкинский фонд предназначался для издания произведений русских писателей, а также словаря русского языка и других трудов второго отделения Академии наук.

Уже в следующем году К.Р. получил звание почётного академика по разряду изящной словесности. Часто он сам рецензировал поэтические сборники, поступавшие в Академию для поощрения из Пушкинского фонда. Его рецензии печатались в трудах и отчётах Академии, выходили также отдельными оттисками, а в 1915 году были собраны в книгу «Критические отзывы. Литературно-критические статьи о русской поэзии за 1905—1913 гг.».

В годы подготовки и празднования пушкинского юбилея президент Академии наук одновременно продолжал армейскую службу: в чине генерал-майора командовал лейб-гвардии Преображенским полком. Оставаясь до конца жизни президентом Академии, Константин Константинович по военному ведомству в

1900 году получил назначение на должность начальника главного управления военно-учебными заведениями. Поэтому он стал регулярно посещать их, в том числе и Псковский кадетский корпус.

Местная печать особенно подробно рассказывала о его первом приезде в корпус 18 мая 1900 года и трёх днях, которые великий князь провёл в городе. «Псковские епархиальные ведомости» привели приветственную речь настоятеля домового церкви кадетского корпуса и учителя Закона Божия, протоиерея Александра Березского, который напомнил, что после давнего посещения Пскова великим князем и его братьями прошло уже 22 года. А «Псковский городской листок» в двух номерах рассказывал, что город по этому случаю украшен флагами и на улицах стоят многочисленные группы народа, желающего видеть великого князя. Такая возможность предоставилась, так как Константин Романов не только осматривал кадетский корпус, милостиво беседовал с кадетами, фотографировался во всех четырёх ротах, но и побывал в некоторых местах, особенно изменившихся с 1878 года. В Мирожском монастыре фрески были уже полностью раскрыты; решение о передаче Понганкиных палат из военно-провиантского ведомства музею ПАО состоялось двумя месяцами ранее; Ботанический сад неузнаваемо разросся... 20 мая Константин Константинович целый день провёл в корпусе, кадеты упросили разрешить провести его на вокзал, а газета живо воспроизвела мельчайшие подробности этих проводов.

Кстати, для фотографирования в корпус был приглашён лучший псковский фотограф Отто Парли, а в 1878 году великих князей, а также раскопки в Изборске снимал не менее известный местный мастер Иван Дмитриев. Возможно, эти любопытные снимки ещё хранятся в архивах или музеях Петербурга, Москвы и ждут, когда их обнаружат и опубликуют.

Как правило, в дальнейшем Константин Константинович старался приезжать в кадетский корпус неожиданно. «Псковский городской листок» отмечал это, рассказывая о его новых посещениях 7—8 мая 1901 и 17—18 ноября 1902 года. На обратном пути в столицу он вновь провёл в Псковском корпусе два дня 8—9 декабря. А весной того же 1902 года размещавшийся в Пскове 96-й пехотный Омский полк преподнёс великому князю экземпляр только что вышедшей книги по истории полка, напомнив, что во время Русско-турецкой войны, 18-летним мичманом, он сражался вместе с этим полком и получил за отличие в бою на Дунае орден Святого Георгия 4-й степени.

Каждый раз Константин Константинович детально вникал в жизнь кадетского корпуса, проводя в нём не один день: в 1903 году он был здесь 17—19 декабря, в 1904 году — 8—11 декабря. Хорошо зная способности каждого офицера-педагога корпуса, в 1905 году он рекомендовал двоюродному брату, великому князю Александру Михайловичу, и его жене Ксении Александровне (сестре

Николая II) воспитателем к их детям подполковника Филиппа Николаевича Мясина, прослужившего в Псковском кадетском корпусе 10 лет.

«Псковский городской листок» рассказывал и о том, как 21 февраля 1906 года Константин Константинович вручал каждой из четырёх рот кадетского корпуса новые знамёна. В том же году он посетил Псковский корпус ещё раз 1 сентября. А 8 декабря 1909 года «Псковский голос» отметил, что трёхдневное пребывание великого князя ознаменовалось музыкальным вечером, устроенным кадетами в его честь...

В состав Комитета по сооружению храма Святой Ольги в Выбутах, возглавляемого королевой эллинов Ольгой Константиновной, вошли многие великие князья, в том числе и её родной брат Константин Константинович. В июле 1914 года вместе с нею он участвовал в торжественной закладке этой церкви. То был их последний приезд в Псков.

Через несколько дней Константин Константинович вместе с супругой Елизаветой Маврикиевной отправились в Германию. Его жена была принцессой из герцогства Саксен-Альтенбургского, как и мать Александра Иосифовна. А 19 июля (по старому стилю) началась Первая мировая война, и немцы объявили супругов пленниками. Им с трудом удалось вернуться в Россию. 29 сентября от раны, полученной на фронте, умер их сын Олег. Всё это отозвалось на здоровье Константина Константиновича, и 2 июня 1915 года он скончался в Павловске. Траурное сообщение о его смерти опубликовали и «Псковские губернские ведомости». Великого князя похоронили в царской усыпальнице Петропавловского собора столицы.

Ещё одна трагедия в семье К.Р. произошла в ночь на 18 июля 1918 года: три его сына были убиты в Алапаевской шахте вместе с Елизаветой Фёдоровной — сестрой императрицы и вдовой великого князя Сергея Александровича, погибшего на Красной площади в Москве 5 апреля 1905 года от бомбы, брошенной эсером Каляевым.

Грустно и больно сознавать, насколько все эти бессмысленные жертвы человеческой ненависти противоречат светлой лирике поэзии К.Р. ...

Мечта о ежегодных пушкинских праздниках

Столичные артисты до революции часто и охотно гастролировали на псковской сцене. Псков был одним из ближайших от Петербурга губернских городов. Двухколейную железную дорогу открыли ещё в 1859 году, и поезда сюда ходили регулярно и быстро.

Можно подумать, что по этой причине приезжала в Псков и популярная актриса Нина Павловна Анненкова-Бернар. На праздновании столетия со дня рождения Пушкина 29 мая 1899 года в Летнем театре Сергиевского сада она выступала как в первом, так и во втором отделении. А чтение ею монолога Татьяны из «Евгения Онегина» так понравилось псковичам, что пришлось сверх программы декламировать и стихотворение «Пророк».

На гастрольях в Пскове Нина Павловна бывала и раньше. Не раз приезжала сюда и позднее, участвовала в благотворительных вечерах, печатала критические заметки в псковской газете. Однако биографические справки из энциклопедий не позволяют понять, чем был вызван её интерес к городу. Справочники не указывают даже место рождения Нины Павловны; появились и сомнения и по поводу даты её рождения.

Дореволюционная энциклопедия братьев Гранат, Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, послевоенная Театральная энциклопедия, приводя лишь краткие сведения о Н.П. Анненковой-Бернар, сообщают, что она родилась в 1864 году. В многотомном биографическом словаре «Русские писатели. 1800—1917» (в свет вышло четыре тома из предполагаемых семи, первый — в 1989 году, в настоящее время издание закрыто. — *Прим. ред.*) ей отведено почти два столбца в первом томе и годом её рождения назван 1859-й, хотя в скобках и добавлено: «*по др. сведениям — 1864*», а также «*урожд. Анна Пав. Бернард*» (таким образом, на сцене она сменила не только фамилию, но и имя). К тому же авторы словаря в случае с Анненковой не смогли указать место её рождения.

В своё время фамилия Бернард была широко известна в Пскове. А в Госархиве Псковской области сохранилось дело о дворянстве этой семьи, содержащее родословную Анны Бернард. Её дед лютеранин Герман Иванович Бернард изучал медицину в Дерптском университете, знал французский, немецкий, польский, латинский и русский языки. Ко времени вторжения Наполеона 22-летний врач имел частную практику в Минске. В ноябре 1812 года его прикомандировали к госпиталю. Военно-медицинская служба кончилась только

через 3 года. Затем он 13 лет работал слущким поветным врачом («повет» по словарю В. И. Даля — уезд, часть области или губернии, со своим управлением; поветовый — относящийся к повету. — *Прим. ред.*), отличился в борьбе с несколькими эпидемиями, женился на дворянке Матильде Георгиевне Римша, католичке по вероисповеданию. В ту же веру они крестили старшую дочь Александру.

В августе 1828 года семья переехала в Новоржев, где Герман Иванович получил должность уездного врача. 7 марта 1830 года в Николаевском соборе города двухлетнюю Александру присоединили к православной церкви. В том же храме крестили и сына Павла, родившегося 29 августа 1831 года (все даты по старому стилю). А через два месяца Бернарда перевели оператором Псковской врачебной управы, поручив заведовать городской больницей. Император Николай I посетил её 17 мая 1832 года и за порядок в больнице подарил заведующему золотую табакерку. И в дальнейшем Германа Ивановича не раз награждали «за отличное усердие в службе», а 14 октября 1837 года назначили инспектором врачебной управы, то есть руководителем медицины губернии.

В Пскове родились младшие сыновья Бернарда: Николай — в 1835 году и через 6 лет — Владимир. Их крестили в Ново-Успенской церкви на Полонище, а крёстной матерью обоих стала Ольга Михайловна Фигнер — вдова героя Отечественной войны полковника Александра Фигнера, сына псковского вице-губернатора.

Бернарды жили в приходе Ново-Успенского храма. За выслугу свыше 26 лет Герман Иванович с 1839 года получал сверх жалованья по 1.066 рублей ассигнациями в год, а с марта 1843 года за 30-летнюю выслугу — полную пенсию по 457 рублей серебром. Это позволило семье в 1857 году приобрести там же (на месте нынешнего музыкального училища) собственное домовладение. Ранее этот деревянный дом с другими постройками принадлежал статской советнице Анне Александровне Набоковой — сестре декабриста Михаила Назимова и прабабушке знаменитого писателя Владимира Набокова.

Чин статского советника, в те годы дававший право на потомственное дворянство, Герман Бернард получил 30 июля 1841 года. Ровно через 16 лет он вышел в отставку и вскоре — 24 февраля 1858 года — умер.

Его сын Павел к тому времени окончил псковскую гимназию (14-й выпуск, 1851 год). Он женился на соседке Анне Евгеньевне Окуневой — представительнице старинного русского дворянства. «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи» приводит герб Окуневых: в голубой верхней части золотой крест размещён над серебряной луной, обращённой рогами вверх, под луной — глаз, а в красной нижней части герба две руки в серебряных латах выходят из облаков и держат крестообразно саблю и стрелу. По гербовнику Окуневы были жалованы поместьями за верную службу в 1545-м и в другие

Анна Павловна Бернад

года. В древлеохранилище нашего музея хранится подлинная жалованная грамота, данная Леонтию Окуневу в 1581 году Иваном Грозным, а также более поздние грамоты этой семьи.

Отец Анны Евгений Александрович Окунев родился в Пскове 20 ноября 1802 года, окончил Царскосельский лицей, избирался псковским уездным предводителем дворянства, служил председателем Псковской палаты гражданского суда и в других должностях, был уездным и губерньским земским гласным...

2 мая 1837 года надворный советник Евгений Окунев обвенчался в церкви Нового Вознесения, что рядом с губернаторским домом, с 18-летней дочерью умершего генерал-майора Екатериной Петровной Софиано. Поручителями по невесте выступали псковский губернатор, тайный советник Алексей Никитич Пещуров, и его супруга. Старшая дочь Окуневых Анна Евгеньевна родилась через десять месяцев — 3 марта 1838

года. Её крещение в Ново-Успенской церкви было столь же торжественно, а крёстными стали будущий губерньский предводитель дворянства Николай Сергеевич Беклешов и жена губернатора Елисавета Христофоровна Пещурова.

Домовладение Окуневых находилось на Успенской улице, почти напротив приходской церкви. Евгений Александрович приобрёл эти деревянные постройки с большим парком за 8.010 рублей на торгах 3 февраля 1833 года. Прежде там был старый казённый дом губернатора, но А.Н. Пещуров отказался им пользоваться. Здесь у губернатора Адеркаса бывал ссыльный Пушкин, а чуть раньше — А.П. Керн. Сад Окуневых соприкасался с двором доктора Бернарда.

В Псковском уезде у Е.А. Окунева находилось наследственное имение Михайловское близ Мараморки с винокуренным заводом и мельницей. В Пскове ему принадлежали лучшие торговые бани на берегу Великой и пивоваренный завод, проданный в 1881 году Герману Даниельсу.

Дочь губерньского секретаря Павла Германовича Бернарда и Анны Евгеньевны (в девичестве Окуневой) родилась в Пскове 28 января 1859 года. Через

6 дней при крещении в Ново-Успенской церкви ей дали имя матери — Анна, а восприемниками были дед, статский советник Евгений Окунев, и овдовевшая годом раньше бабушка Матильда Бернад. Через 20 лет, 16 февраля 1879 года, вдова коллежского асессора Анна Евгеньевна Бернад обратилась в Псковское дворянское депутатское собрание с просьбой о внесении Анны Павловны в третью часть родословной книги. В тот же день соответствующее определение было составлено.

Итак, у Анны Павловны было немало причин часто приезжать в родной Псков. Она заезжала к тётушкам на Успенскую, посещала на Дмитриевском кладбище могилы Окуневых: её деда Евгения Александровича похоронили там в апреле 1882-го, мать Анну Евгеньевну — через полгода (она умерла 28 ноября), а бабушку Екатерину Петровну — в мае 1876 года. В 10-м квартале кладбища, в нескольких шагах от известного памятника Плюшкиным, хорошо сохранился надгробный камень на могиле Екатерины Петровны. Труднее было рассмотреть плиту на могиле Анны Евгеньевны, обнаруженную в 25-м квартале, в сотне метров юго-восточнее храма, при обследовании кладбища активистами Общества охраны памятников истории и культуры.

Анна Павловна Бернад окончила в Петербурге Мариинскую гимназию и Dramатические курсы В.В. Самойлова. С 1880 года она выступала в театрах Вильны, Казани, Оренбурга, Самары и других городов, в 1889 году — в московском театре Елизаветы Горево и в 1890—1893 годах — на сцене Императорской Александринки. Ей доверяли ведущие роли в спектаклях «Таланты и поклонники», «Маскарад», «Дон Карлос», «Уриэль Акоста»... Театральная энциклопедия (т. 1, 1961) назвала её актрисой пирико-драматического дарования, отличавшейся большим сценическим обаянием.

В Петербурге Анна Павловна увлеклась литературным трудом. По рекомендации известного артиста, театрального педагога и критика Модеста Ивановича Писарева (1844—1905), с которым она состояла в гражданском браке, её первый рассказ «Петля» напечатал в начале 1896 года ежесемесный литературный журнал «Книжки Недели». Через несколько месяцев там же появился другой рассказ, «Юбилей артистки», а в следующем году — «Незабвенная». Научный, литературный и политический журнал «Русская мысль», издававшийся в Москве, публиковал в 1896—1901 годах её рассказы, посвящённые в основном жизни бедных людей: «Кара», «Она (Из заброшенных тетрадей)», «Горемычная», «Не хотел (Случай)», «Злая немочь», очерк «Белое платье». Упомянутый рассказ «Не хотел» печатался в качестве образца для начинающих литераторов и с портретом автора в Сборнике русских писателей и писательниц «Рассвет», изданном в Петербурге вторично в 1901 году.

Столичный журнал «Русское богатство», возглавляемый В.Г. Короленко и Н.К. Михайловским, напечатал её очерки «Сны» (1898) и «Крёстная» (1900).

В 1901 году «Сны» вышли отдельной книжкой в петербургском издательстве товарищества «Общественная польза».

В том же году Общество вспомоществования учащимся женщинам, собирая средства на нужды своего общежития, выпустило в Москве «Сборник на помощь учащимся женщинам, составленный исключительно из произведений женщин-писательниц, снимков с картин и иллюстраций художниц». В него включили биографию, портрет и рассказ Нины Павловны Анненковой-Бернар (Дружининой) «Дорожная встреча (Из путевых набросков)». Здесь к её сценическому полупсевдониму в скобках добавлена фамилия по первому мужу, с которым она состояла в законном браке до 1905 года.

Редакция московского журнала «Русская мысль» издала всё в том же 1901 году первый большой сборник (на 463 страницах) произведений Н. Анненковой-Бернар «Рассказы и очерки». В Петербурге второе издание сборника (на 344 страницах) вышло в 1907 году под названием «Рассказы. Книга 1». Однако о выходе второй книги сведения отсутствуют. Свои рассказы автор с успехом читала с эстрады вместе с произведениями Некрасова, Гюго, Полонского, Огарёва...

Её большую повесть «Бабушкина внучка» с посвящением М.И. Писареву напечатал в 1902 году солидный ежемесячный журнал «Вестник Европы» (№№ 4—6), а затем она вышла отдельной книгой (262 страницы) в петербургском издательстве И.А. Софронова с портретом автора. Повесть затронула щепетильную тему развращённости аристократического общества и потому вызвала противоречивые отзывы, вплоть до полного неприятия за излишнюю откровенность.

Сценический опыт позволил писательнице заняться и драматургией. Наибольшую известность получила историческая пьеса в пяти действиях «Дочь народа» о Жанне д'Арк. Несколько лет её ставили на сцене столичного Малого театра, и главную роль с успехом исполняла сама Анна Павловна. С разрешения цензуры от 15 сентября 1903 года издательство Софронова выпустило пьесу изящной книгой с литографиями, воспроизводящими отдельные сцены. Увидела свет в Москве и пьеса «К высотам» (1911, издательство С.Ф. Рассохина), но в театрах она не прижилась, как и некоторые другие драматические произведения Анненковой-Бернар.

Даже в Пскове, где Анну Павловну знали, на афишах и в газетных сообщениях её всё же официально называли по литературному и сценическому псевдониму. Например, во вторник 6 января 1909 года «Псковский голос» на первой странице поместил объявление о предстоящем в тот же день в зале дворянского собрания благотворительном вечере в пользу недостаточных учениц частной женской гимназии М.И. Агаповой. Среди участников литературно-музыкального отделения первой названа Н.П. Анненкова-Бернар. 30 января гимназия через

газету выразила признательность ей и другим исполнителям, которые, как видно из денежного отчёта, вознаграждения не получали.

В ту зиму Анна Павловна долго гостила в Пскове. Её возмуцало, что Народный дом имени Пушкина не служит делу просвещения народа. И 4 марта 1909 года другая местная газета, «Псковская жизнь», на первой странице напечатала её яркую обличительную заметку, отрывки из которой иногда цитируют исследователи истории псковского театра. Предоставим возможность читателям познакомиться с полным текстом взволнованного обращения актрисы к псковичам.

Дом имени Пушкина

Меня интересует странно двусмысленное положение этого злополучного здания, так недостойно носящего имя великого русского поэта. Со мной согласятся, конечно, когда просмотрят ряд объявлений, украшавших в течение зимы фонарные столбы и заборы.

Что за нелепо постыдное сопоставление имени величайшего художника слова, родоначальника русской литературы, с опереткой или циничным грязным бездарным фарсом?!

Какая исторически ценная для правдивой летописи будущего, как курьёз, как анекдот, следующая, на удивление грамотная изящная афиша:

«Дом имени Пушкина. Бал Гран Кабаре.

Приз лучшему исполнителю кек-уока».

Как развращающе пошло должно воздействовать на душу среднего, и без того плохо просвещённого, серого человека это грубое безвкусие дурного тона.

— Кто же этот Пушкин? — неволью возникает вопрос.

Купец ли, подрядчик, предприниматель какой? Или просто так себе пустой болтающий человек? Аферист или пропившийся кутила? Почему в этом доме его имени такой кавардак? Такая странная смесь? Ералаш из мелочной лавочки?

...Весёлая вдова, бал Гран-Кабаре и только редко-редко в виде заезжего почётного, но случайного гостя — драматический спектакль.

Да и вообще, за что ему воздана такая честь, как постройка целого дома его имени в городе?

И с невольной грустью вспоминаются слова этого самого Пушкина, слова, которые следовало бы выбить каменными буквами над входом в дом его имени:

***И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал.***

Или другие — такие же вечные, незабвенные.

**Я памятник себе воздвиг нерукотворный.
К нему не зарастет народная тропа.**

Бедный Пушкин! За что же такое надругательство?

Положим, здесь памятник выстроен рукотворный, в виде каменного здания.

Но зачем же тропа к нему так старательно засеивается чертополохом и прочими негодными травами, что уже никаким народным сапогам с самыми толстыми подошвами по ней не пробраться? А уж плохо обутый человек — просто махни рукой и ступай прочь.

Положим, «мёртвые сраму не имут». Забрасывайте мусором его могилу — мёртвый не воспротивится. Но ведь живые? Их святой долг — беречь дорогие могилы.

Беречь и украшать цветами!

Ведь «не хлебом единым жив человек»!

А каким источником света, купелью духовной жизни города мог бы и должен стать дом, освящённый памятью о величайшем для всей громадной России имени.

Помнится, ровно 10 лет тому назад праздновался в Пскове и Святых Горах день столетия Пушкина. Праздновался торжественно. **Вся Россия** примкнула к этому торжеству, и в память этого знаменитого дня по **всей России** открылась подписка.

Страна, воодушевлённая прекрасным чувством благодарности к заслугам гения, собрала и доверила деньги Пскову для сооружения достойного имени народного поэта учреждения.

Город, строя здание, вошёл, говорят, в долг. Но всё же ведь он знал, для чего, для какой именно цели делается им этот долг. Если жертвуют на храм, должно выстроить храм.

Оно, может быть, и доходнее и проще построить гостиницу для приезжающих. Но что скажут жертвователи? Они давали деньги исключительно только на храм. И мне кажется, справедливость требует: или свято, неприкосновенно хранить заветы дорогого для всей России имени, и пусть его дом станет центром настоящего искусства, настоящего просвещения, храмом духовной жизни города; или же отделиться от всех тех русских, доверчиво положивших свои лепты на алтарь народной святыни, и построить отдельный Театр Развлечений, где, как в гостинице, без всякой системы, без смысла и гармонии будут чередоваться «Весёлая вдова» с лекциями о Толстом, с балом «Гран Кабаре» и «Вихрем вальса».

*На доверие отвечают уважением.
Перед народными святынями — снимают шапки.
А ведь это — дом имени А.С. Пушкина.*

Н. Анненкова-Бернар.

На справедливую критику никто в печати не откликнулся. И неудивительно. Город до революции не имел постоянной профессиональной труппы, которая могла бы определять репертуар сцены Народного дома. Городская дума передавала его помещение то в аренду предпринимателю-антрепренёру, то в распоряжение избранной ею театральной комиссии, которые приглашали разных гастролеров, чаще всего думая о доходах и возмещении немалых затрат на содержание и текущий ремонт здания.

Критическая заметка Анны Павловны о Народном доме отнюдь не означала бойкота ею этой сцены. Уже через несколько дней обе псковские частные газеты известили земляков, что в воскресенье 15 марта 1909 года в Народном доме состоится «*благотворительный вечер в пользу недостаточных учениц женской гимназии М.И. Агаповой, любезно устраиваемый Ниной Павловной Анненковой-Бернар при участии молодых артистов Императорских драматических курсов выпуска профессора Императорских театров Степана Ивановича Яковлева... Псковичи таким образом будут иметь случай в первый раз присутствовать при подобном интересном спектакле-экзамене и увидеть зарю зарождающейся карьеры молодой даровитой молодежи*».

Экзаменом это представление было названо потому, что «*г-жа Анненковой-Бернар... пришла удачная мысль пригласить труппу молодых артистов*» с выпускным спектаклем, тщательно отрепетированным и уже показанным с большим успехом на александринской сцене. И в Пскове они дружно и весело разыграли остроумную комедию немецкого драматурга Людвиг Фульды «Школьные товарищи» о четырёх друзьях, легкомысленно объявивших себя противниками брака.

Затем был показан пролог из драмы Моя «Псковитянка» с участием устроительницы вечера. По отзыву «Псковского голоса», «*г-жа Анненкова-Бернар, видимо опытная артистка, с драматическим подъёмом читала роль Веры. Сцена с сестрой и заключительная с боярином оставили надлежащее впечатление*». Вечер имел и материальный успех, принеся значительную чистую прибыль (575 рублей) Агаповской гимназии, выразившей «*глубокую благодарность устроительнице спектакля уважаемой Н.П. Анненковой-Бернар, приложившей массу труда к тому, чтобы доставить всем присутствовавшим истинно художественное наслаждение*».

А театральный рецензент газеты высказал пожелание: «*Было бы очень желательно, чтобы г-жа Анненкова-Бернар устроила ещё несколько спектаклей... с этой молодой, чуткой, дружной и искренней труппой. Думаю, что*

публика, которой так понравился первый спектакль, с удовольствием посетит способную молодёжь ещё несколько раз в разученных и репетированных ими пьесах».

Идея понравилась. Сразу два местных благотворительных общества пожелали воспользоваться ею. Анонсируя предстоящие постановки, «Псковская жизнь» напомнила о прекрасной игре молодых артистов в марте и добавила: *«Наконец, имя устроительницы 2-жи Анненковой-Бернар, известной артистки и писательницы, даёт уверенность в художественности исполнения и отличной постановке спектаклей».*

Благотворительный вечер в пользу Псковского Дома трудолюбия состоялся в понедельник 20 апреля 1909 года на сцене Народного дома имени Пушкина. Молодые артисты показывали известную немецкую комедию Германа Зудермана «Бой бабочек» в 4-х действиях и одноактный шарж польского драматурга Станислава Добржанского «Золотой телец». Возможно, псковичам не захотелось в рабочий день, да ещё в разгар весны смотреть уже ставившуюся здесь комедию, поэтому публики в зале собралось мало, и вечер дал крупный убыток. «Псковский голос» увидел причину в изменившемся отношении горожан к Дому трудолюбия, правление которого возглавлял вице-губернатор барон Н.Н. Медем, бывший и распорядителем вечера. Недоумевала и «Псковская жизнь»: *«Материальный неуспех устроенного вечера объяснить тем более трудно, что художественный успех его оказался вне всякого сомнения и сам спектакль может быть отнесён к самым интересным и наиболее удачным за истекший сезон».*

На 22 апреля был назначен второй благотворительный вечер — в пользу Псковского женского приюта святой Марии, но распорядительница его, баронесса Т.И. Медем, не стала рисковать и отменила постановку комедий Островского «Шутники» и Ростана «Романтики» с участием тех же артистов. Это тем более обидно, что среди них газеты отмечали, в частности, прекрасную игру Топоркова, Турцевича, ставших впоследствии очень известными.

Но даже эта неприятность не убавила инициативы у энергичной Анны Павловны. Через неделю, 29 апреля, на первой странице «Псковской жизни» появилась новая её статья.

Во славу бессмертного

Как прекрасны праздники, объединяющие сердца в области вечно прекрасного! Праздники мира и любви. Торжество бессмертия! Единение во имя самого священного дара, данного человеку. Во имя того, что ставит его над безмолвной природой, возвышает над зверем, делает владыкой мира.

Слово — вот величайший божественный дар! Вдохновенное слово. Праздник во имя слова!

Глубоко знаменателен подобный день, высоко культурен, говорит о жажде единения в области духа. Таким он был в Москве, когда спала пелена с памятника Гоголю, и при звуках торжественной музыки образ народного гения предстал перед тысячной благоговейной толпой.

Поэт — не единица, поэт — весь народ. Его устами говорит изболелая народная душа, а потому слова его так радостно приемлются ею, так долго хранит их благодарная память.

Я хочу напомнить Пскову, что десять лет назад, 26-го мая ему выпала на долю радость праздновать столетний день рождения величайшего народного гения — Пушкина, что с именем Пскова связано это святое для России имя. И вот был праздник в Пскове. Это не было и не могло даже быть в таких грандиозных размерах, как нынче в Москве при открытии памятника Гоголю или как ещё раньше в той же Москве, когда открывали памятник Пушкину.

Праздник Псковский при небольших средствах не мог претендовать на пышность, доступную лишь столице. Но он сыграл важную роль в истории города, заставил откликнуться всю Россию.

Он был — и это уже важно.

Важно, что имя Пушкина вспоминалось не только в стенах учебных заведений или в интеллигентном кругу. Произнесли его мужик и баба. Произнёс сермяжный серый мужик, пришедший из любопытства поглазеть на праздник в Святых Горах.

Произнёс с удивлением. Быть может даже с лёгким внутренним презрением к господскому чудачеству. А всё же призадумался: за что, мол, такой почёт этому человеку. Призадумался и попросил грамотного сынишку почистить мудрёных слов, за писание которых и по смерти почести воздаются.

Как бы ни был мал и беден человек — право свободной личности с её проявлениями — его неотъемлемое природное право.

Как бы ни был мал и беден город, — в независимой, лично ему принадлежащей инициативе — его жизнеспособность.

В этом году 26 мая истекает первое десятилетие после столетнего дня рождения Пушкина. Как было бы хорошо начать с этого года и установить, как объёмай, ежегодное празднование дня рождения поэта в Пскове! Основать фонд этого дня, образовав общество, имеющее задачей заботу об этом дне. Ежегодно устраивать в доме Пушкина художественный платный праздник — спектакль и попутно бесплатное народное гулянье в саду в день рождения поэта.

Но для подобного дела надо придумать что-нибудь имеющее в будущем постоянную жизненность обновления дорогой памяти. Составив понемногу маленький фонд, предполагаемое общество могло бы объявить конкурс драматических произведений для своего ежегодного спектакля. Давалась бы

самая скромная премия с тем, чтобы первый раз пьеса шла бы в Пскове в Пушкинский день.

Это нисколько не нарушало бы интересов даже известных авторов, так как для пьесы оставался бы свободен путь к дальнейшим постановкам в столицах. Пскову же было бы дорого в Пушкинский день видеть на подмостках Пушкинского дома нигде не игранную, Псковом же премированную пьесу.

Но это дело будущего. Теперь же важно только начать, дать первый сигнал, устроить первый праздник. Пусть он будет скромен, наш первый почин. Дорог первый камень заложенного фундамента, первый звон призывного благовеста. Отсюда, из этого города пошёл десять лет тому назад первый клич по всей земле Русской. И собрал этот клич десятки тысяч рублей во славу бессмертного Пушкина.

Настанет время, когда такие знаменательные дни, такие праздники будут всенародными. День рождения Пушкина будет праздновать не один Псков, а вся Россия. Тем более чести древнему городу положить первый камень фундамента вечной народной славы.

Н. Анненкова-Бернард.

Редакция, всецело разделяя симпатичную мысль г. Анненковой-Бернард, рассчитывает в недалёком будущем ознакомить читателей с проектом предполагаемого общества и просить лиц, интересующихся и дорожащих памятью Пушкина, неразрывно связанного с Псковом, поделиться своими мыслями и не отказать прийти на помощь.

Эта замечательная, эмоциональная, полная прекрасных идей и, можно сказать, пророческая статья совсем забыта и больше нигде не воспроизводилась. Между тем в ней впервые выдвинуто предложение о ежегодных Пушкинских праздниках. Оно осуществилось только через полвека и снова по инициативе псковичей. И постепенно праздник действительно стал всенародным, даже государственным. А идею о драматическом конкурсе совсем неплохо было бы осуществить и сейчас — в рамках современного Всероссийского Пушкинского театрального фестиваля в Пскове и Пушкинских Горах. Целесообразно претворить в жизнь и мысль об обществе содействия Пушкинскому празднику.

Статья Анны Павловны появилась в апреле 1909 года не случайно. Это видно из заметки, напечатанной в «Псковской жизни» через 10 дней, 9 мая.

Литературно-художественное утро

Пушкинским комитетом при любезном содействии г-жи Анненковой-Бернард 25 мая, в первое десятилетие со дня исполнившегося 100-летия рождения А. С. Пушкина устраивается в доме имени поэта Пушкина литературно-художественное утро.

В предполагаемом празднике примут участие крупные литературные силы и сценические деятели.

Праздник предполагается закончить гулянием в городском саду. Возможно, что в чествовании поэта примут участие оркестры местных учебных заведений. Такой праздник предполагается устраивать ежегодно».

Казалось бы, начинается осуществление мечты Анны Павловны. И вдруг 23 мая, за два дня до юбилея, — новая, неожиданная информация:

«Члены Пушкинского комитета отправляются к 26 мая в Святогорский монастырь, где будет на могиле панихида, а затем они осмотрят Пушкинский дом в Михайловском.

Предполагавшийся было спектакль в день юбилея Пушкина не состоится. Инициатива Н.П. Анненковой-Бернар встретила даже и в таком случае неизбежные бюрократические преграды и спектакль пришлось отложить».

Как говорится, комментарии излишни. Кстати, и в Святогорском монастыре гостей не очень-то ждали. В отличие от шумного празднования 1899 года, к 110-летию юбилею поэта там особо не готовились. Об этом свидетельствует другая заметка в том же номере «Псковской жизни» за 23 мая 1909 года.

На могиле Пушкина

Грустно у могилы Пушкина. Торжественно-приподнятое чувство, с которымходишь к могиле великогo писателя, при взгляде на неё исчезает. Стыдно и больно делается за то невежество и за ту небрежность, с которыми мы способны относиться ко всему для нас дорогому.

Смотришь на памятник и видишь всевозможные надписи карандашом. Подходишь к оградe, которая поставлена перед сотым юбилеем Пушкина и которая стоила немало денег, — то же самое. На ней вырезаны ножом всевозможные надписи и «изречения». Вероятно, вырезавшие думали запечатлеть своё невежество и глупость перед прахом писателя на долгое время...

Кому какое дело до могилы Пушкина? Монахи что-ли о ней будут заботиться? У них нет времени на такие пустяки. У них всё время уходит на молитву, да на откупоривание бутылок. Пушкин им интересен постольку, поскольку он служит источником презренного металла, который святые отцы со смирением кладут в свои глубокие и широкие карманы. Мне хотелось бы посоветовать этим смиренным отцам почитать басню Крылова «Свинья под дубом», но их святость, которая на всякую строчку светской

книги заставляет смотреть, как на исчадие дьявола, удерживает меня от подобных советов.

Но что надписи у нас на Руси? Вот если бы могила провалилась, ну это, пожалуй, было бы не совсем хорошо. Пожалуй, было бы и совсем скверно, так как от ней монахи лишились бы и своих доходов, отнюдь не маленьких. Между прочим, могилы Ганнибалов, которые находятся рядом с могилой Пушкина, уже начинают проваливаться. Плита над ними накренилась и под ней образовалась порядочная дыра.

Ганнибалы же, как мне сообщали, лежали в одном склепе с Пушкиным. Ужели и этого безобразия некому исправить?

Эхин.

В последние годы стала складываться мода смотреть на дореволюционную Россию сквозь «розовые очки». Но, как видим, тогда в демократической печати открыто высказывались совсем другие взгляды на деятельность и бюрократических чиновников, и духовенства...

А в Пскове к 110-й годовщине со дня рождения Пушкина так ничего и не состоялось. В Пушкиногорье же 26 мая 1909 года после панихиды на могиле поэта все члены Пушкинского комитета присутствовали на закладке дома в Михайловском — взамен сторевшего годом раньше.

Последнее упоминание об Анне Павловне в псковской периодике промелькнуло через четыре года: 11 марта 1913 года на очередном собрании псковского археологического общества артистку-писательницу Н.П. Анненкову-Бернар приняли в его действительные члены. Это — ещё одно свидетельство её интереса к культурной жизни родного города.

После революции она жила в Оренбурге, печаталась в местном журнале «Искусство и жизнь», руководила молодёжной театральной студией и сочиняла для неё различные пьесы. Одну из них — драму в трёх действиях и пяти картинах «Бекет» об учёном и поэте Ахмете Байтурсунове — Киргизское государственное издательство в Оренбурге опубликовало в 1923 году. В Оренбурге Анна Павловна и скончалась через десять лет.

Фонд имени Пушкина в Псковском уезде

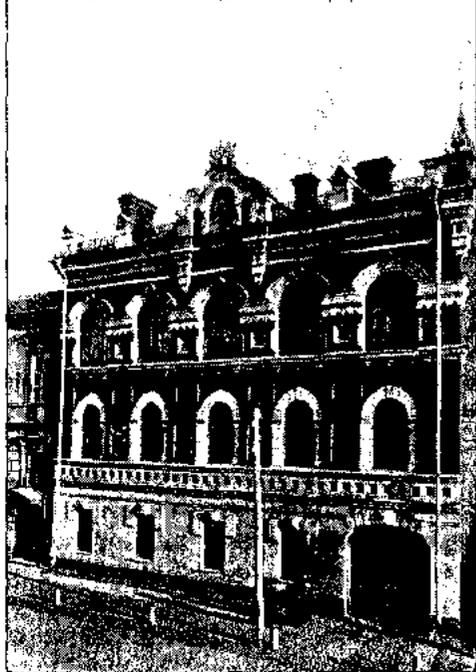
В дореволюционные годы наименее обеспеченными среди сельской интеллигенции были учителя земских школ. Они получали скромное месячное жалованье в 12—13 рублей, имели в лучшем случае комнатку при школе. Уроки им приходилось давать одновременно пяти десяткам учеников всех трёх отделений (классов) школы, занимавшихся в одной общей комнате. За время болезни земский учитель пособия не получал, а также, в отличие от преподавателя гимназии, не имел права на пенсию. О ничтожном заработке учителей говорилось немало, но, по мнению гласных из дворян, составлявших большинство в земских собраниях, собираемых с населения сборов на увеличение жалованья преподавателям не хватало.

В Псковском уезде с 1875 года существовала ссудо-сберегательная касса, похожая на наши бывшие профсоюзные кассы взаимопомощи. Но взятую отсюда ссуду учителю надо было возвращать, да ещё с процентами. А получить безвозвратную помощь на случай крайней нужды было нелегко.

Идею оказания помощи земским учителям впервые высказал Николай Алексеевич Строкин, работавший в 1880—1888 годах в местных губернских учреждениях. Помимо своих служебных обязанностей он живо интересовался экономикой и историей губернии, с сентября 1886 года был секретарём Псковского археологического общества. Сохранились его печатные труды о льноводстве в Псковском крае, о промыслах сельского населения в уезде, в том числе о ломке известняка и алебастра, о ловле рыбы в Псковском озере. Он переселенцах из Прибалтики... Псковский уездный предводитель дворянства Александр Николаевич Яхонтов, более известный псковичам как поэт, пригласил Строкина в состав Училищного совета, наблюдавшего за земскими школами.

Посещая школы, присутствуя на переводных и выпускных экзаменах, он убедился, что земский учитель часто нуждается в материальной помощи и что в школах слишком мало книг. Строкин предложил создать за счёт добровольных пожертвований благотворительный фонд для помощи остро нуждающимся учителям уезда, а также для пополнения сельских библиотек. Его инициативу поддержал Яхонтов и председатель Псковской уездной земской управы Дмитрий Иванович Иванов. Как раз в это время приближалось 50-летие со дня смерти Пушкина, и фонд решили назвать именем поэта. А сбор пожертвований начался в Пскове при уездной управе.

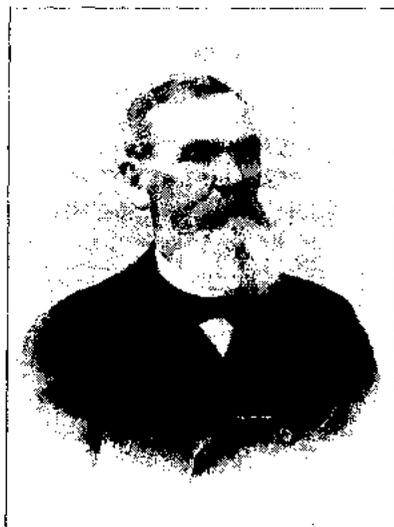
Псковск. — Усадьба Мещеряков у дворца

За пропаганду фонда взялся частный «Псковский городской листок», выходявший два раза в неделю. В воскресенье 25 января 1887 года газета на первой странице поместила такое редакционное объявление: «29-го января исполняется 50-летие со дня кончины Александра Сергеевича Пушкина. Редакция, желая почтить память великого представителя русского слова, предполагает в этот день издать номер «Листка», исключительно посвящённый воспоминанию о нашем поэте, дорогой прах которого покоится у нас в Псковской губернии». Юбилейный номер вышел в среду 28 января и открылся сообщением, что «доход от продажи этого номера поступает в фонд имени Пушкина, в пособие народной школе. Цена

этого номера 20 коп.» (обычный номер «Листка» в розницу стоил 6 копеек). И действительно, никаких посторонних материалов на всех четырёх страницах газеты не было. Обычная торговая реклама тоже отсутствовала, а объявления извещали всех желающих почтить память Пушкина о панихиде в Троицком кафедральном соборе в день кончины поэта 29 января, о добровольной подписке на приобретение серебряного венка, который предполагается возложить «на могилу его при Святогорском монастыре», о продаже в книжном магазине Ю. Вольфрама Полного собрания сочинений Пушкина в 10 томах за 1 руб. 50 коп.

Передовицу в газете заменили воспоминания «старого лицеиста», в котором нетрудно узнать А.Н. Яхонтова. Другой лицеист рассказал о возникновении Фонда имени Пушкина. Основное место заняла перепечатка из «Исторического вестника» за май 1886 года записка графа В.А. Сологуба о дуэли Пушкина, а также из «Нового времени» — об издании сочинений поэта. Две статьи были краеведческими: небольшая заметка о Святогорском монастыре и селе Михайловском, другая — о двоеженстве Осипа Ганнибалы. Здесь же был размещён и список первых 19 жертвователей в Пушкинский фонд. Этот номер старой псковской газеты мож-

Дмитрий Иванович Иванов

но считать предшественником ежегодно выходившего в доперестроечное время специального выпуска к дню рождения поэта — «Пушкинского праздника».

На призывы «Псковского городского листка» откликнулась только часть чиновников и немногочисленная местная интеллигенция. В розницу удалось продать 260 номеров юбилейного номера газеты, что дало 52 рубля. Общая сумма частных пожертвований в фонд к апрелю 1887 года составила 425 рублей. Из них сто рублей прислал известный благотворитель и земский деятель, владелец села Быстрецова Псковского уезда Николай Фёдорович Фан-дер-Флит. На серебряный венок собрали также явно недостаточную сумму в 123 рубля, так что дарители решили и эти деньги передать

в Фонд имени Пушкина. Бывший декабрист, престарелый Михаил Александрович Назимов, прислал ценную бумагу — процентный билет внутреннего займа. Осенью по инициативе Строкина читались публичные лекции, доход с которых тоже предназначался фонду.

И всё же общего сбора в 800 рублей явно не хватало, чтобы с процентов на этот капитал помогать и учителям, и школьным библиотекам. Инициаторы фонда решили ограничиться только поддержкой нуждающихся учителей. Уездная управа к очередной сессии земского собрания подготовила особый доклад «О фонде имени А.С. Пушкина». 24 октября 1887 года председатель управы Дмитрий Иванович Иванов доложил его земским гласным, которые согласились с его предложением ежегодно включать в смету расходов по 300 рублей для пополнения фонда.

На собрании учителей 4 января 1888 года Д.И. Иванов сообщил о положении дел с Пушкинским фондом. Педагоги решили отчислять в фонд один процент своего заработка. В дополнение к представителям от земских гласных они избрали в комиссию по распределению пособия из фонда таких авторитетных коллег, как Модест Васильевич Брадис (его сын позднее составил известные таблицы логарифмов), Иван Дмитриевич Верещагин (создатель первого пришкольного садового участка) и Алексей Михайлович Тепляков (будущий руководитель губернского профсоюза работников народного просвещения). Кроме того, учителя поручили особой депутации благодарить главных учредителей фонда Яхонтова и Строкина, а также М.А. Назимова за крупное пожертвование.

Александр Николаевич Яхонтов

Позднее уездное земство увеличило субсидию Пушкинскому фонду до 500 рублей в год. Он просуществовал все последующие 30 дореволюционных лет. Его долговечность, устойчивость и постепенное увеличение размера выдаваемых учителям пособий были обеспечены тем, что собранные пожертвования и ежегодная субсидия земства составляли неприкосновенный капитал. А на безвозвратную материальную помощь учителям шли проценты с этого капитала, помещённого в ценные процентные бумаги, а также добровольные отчисления с заработка педагогов.

Отчёты по Фонду имени Пушкина сохранились в ежегодных докладах уездной управы земскому собранию.

Через десять лет после его создания, к началу 1897 года, неприкосновенный капитал фонда составил уже 5 тысяч рублей, а безвозвратные пособия в 1896 году были выданы на 350 рублей. К началу 1911 года капитал возрос до 11.380 рублей, а пособия выдали 12 учителям в размере от 30 до 115 рублей на общую сумму 745 рублей. К концу 1913 года неприкосновенный капитал достиг почти 15 тысяч, а сумма пособий за год превысила 1.300 рублей. К 1917 года капитал составил 16 тысяч, а сумма пособий по смете на 1916 год предусматривалась в 1.440 рублей. В комиссии по делам Пушкинского фонда представителем от земства был тогда и сын А.Н. Яхонтова — Николай Александрович, владелец известного имения Камно Псковского уезда.

В дореволюционные годы жители губернии ещё не раз называли именем Пушкина школы, богадельни, улицы, библиотеки-читальни, Народный дом... Но следует помнить, что в этом славном ряду Фонд помощи земским учителям Псковского уезда был первым.

«Пушкинский уголок» Евгения Шведера

Евгений Шведер родился 26 декабря 1879 года в уездном городе Острове Псковской губернии. В то время его отец Иосиф Генрихович служил товарным кассиром на местной железнодорожной станции.

В 1890 году Евгений «весьма удовлетворительно» сдал вступительные экзамены в 1-й класс Псковской мужской гимназии. Однако в августе того же года отца назначили помощником начальника станции Динабург-пассажирская, а Евгений выбыл из гимназии «по прошению отца для определения в Динабургское (Двинское) реальное училище». Впрочем, уже в ноябре 1892 года отца перевели в Псков на должность контролёра движения, а Евгения в январе 1893 года — во 2-й класс Псковского реального училища. Там, несмотря на хорошие способности, в 3-м классе он заленился, не успел перед экзаменами наверстать упущенное и остался на второй год. Позднее, через два десятилетия, переживания провалившегося на экзаменах реалиста стали для Шведера сюжетом для рассказа «Из воспоминаний», открывавшего одноимённый сборник (1914)

Ещё в училище он стал сочинять рассказы, участвовал в рукописном журнале «Реалист», не меньше увлекался и живописью. Общий интерес к литературе сблизил его с одноклассником Германом Бартевым. Бывая у приятеля, Евгений познакомился с его матерью Анной Григорьевной — известной общественной деятельницей, высланной в Псков за участие в революционном движении.

Больше срывов в учёбе у него не было. В 1898 году он благополучно окончил реальное училище, отправился в столицу, поступил на вечерние рисовальные курсы, а для заработка стал служить конторщиком в Управлении Северо-Западных железных дорог. Однако уже через два года ему пришлось покинуть Петербург. Утомительная работа, неустроенный быт, вечерние занятия рисованием, увлечённое чтение настолько подорвали его здоровье, что врачи настояли на переезде в провинцию. Его перевели в Вильну, затем в родной Остров и снова в Вильну, причём каждый раз с повышением по службе.

Впрочем, это не мешало серьёзным литературным занятиям молодого Шведера. Провинциальные газеты стали печатать его стихи и прозу. Первый авторский сборник вышел под названием «Наброски и силуэты» (Вильна, 1904). Он состоял из 24 рассказов и 10 стихотворений в прозе. Из названия одного из них — «Левкои» — был образован основной псевдоним Шведера: «Сергей Левкоев». Часто автор использовал его с разными сокращениями.

Евгений Шведер с сестрой Ириной

Ещё один псевдоним Шведера — «Е. Псковский» — впервые появился под публицистической заметкой «Листики», напечатанной 5 января 1906 года в четвёртом (и последнем) номере ежедневной газеты «Псковский телеграф», придерживавшейся взглядов «Союза 17 Октября». Ежедневное издание трудно выпускать в небольшом городе. 11 января «Псковский телеграф» сменила «Псковская газета», выходявшая два раза в неделю. И с первого номера она продолжала печатать «Листики» под тем же псевдонимом. Они касались то задач провинциальной прессы или неумения уважать чужие убеждения, то обывательских разговоров о трудном

времени или переживаний деревенских стариков, не получавших денег от сыновей с фабрики...

Затем некоторые «Листики» Е. Псковского стали выходить с подзаголовком «Маленькие сказки». Первая из 13-ти разнообразных сказочек, появившихся за три месяца, разоблачала отмену цензуры, провозглашённую на словах. Но чаще это были насмешливые басни в прозе о растениях, насекомых и животных, в которых остроумно высмеивались людские недостатки. Позднее в переработанном виде эти и подобные басенки Евгения Шведера вошли в сборники для детей: «Из сказок природы», «Ёлка старого филина», «Мои сказочки»...

Постепенно «Листики» превратились в зарисовки о поездках в деревню и на охоту. В них уже было больше художественной литературы, чем политики и публицистики. Некоторые из них занимали всю нижнюю часть газетной страницы, а то и так называемый «подвал» — низ газетного разворота. 15 мая в подвале «Псковской газеты» был размещён рассказ «У костра» с подзаголовком «Из скитаний по Псковской губернии», взятым из книги «Наброски и силуэты», и за подписью «Евг. Шведер». А через неделю фельетон с таким же подзаголовком

и с тем же героем — крестьянином Егором, рассказывающим очередную байку, был дан за подписью «Е. Псковский», и это является совсем не лишней, убедительной расшифровкой псевдонима.

В конце июня 1906 года «Псковская газета» перестала выходить. Через полгода, с девятого номера «Псковитянина», сменившего «Псковскую газету», стали печататься «Заграничные этюды» Е. Псковского. В них автор сравнивал увиденное в Германии с привычками россиян. Ещё через полтора месяца, с 28 января 1907 года, подвалы газеты начали заполняться рассказами уже за подписью Евгения Шведера. Первый, очень лиричный рассказ «Шурочка» состоял из девяти главок и занял большое место в двух номерах газеты.

Вскоре «Е. Псковский» стал вести ещё две рубрики: с февраля — «Темы дня», а с апреля — «Этюды». В обеих художественная проза заметно преобладала над публицистикой. Одновременно, уже не скрываясь за псевдонимами, Шведер в «Литературных заметках» рецензировал журналы и книги, а в «Библиографии» сообщал о достойных внимания новинках.

В начале июня 1907 года Евгений Шведер и писатель из Великих Лук Алексей Мошин отправились в Святые Горы, Михайловское, Тригорское. С 14 июня по 22 августа «Псковитянин» напечатал девять небольших главок путевого очерка Шведера «В Пушкинском уголке». В главе «Пушкинские ветераны» он уделил особое внимание последним современникам поэта Ивану Павлову и Акулине Ларионовой, призывая оказать им внимание и помощь. Уже в сентябре 1907 года столичный журнал «Всходы» перепечатал этот очерк с рисунками автора. (И в дальнейшем Шведер довольно часто сам иллюстрировал свои произведения, так что посещение рисовальной школы не пропало даром.) В октябрьском номере «Исторического вестника» за 1908 год появился отрывок «Пушкинские ветераны». А в 1910 году другой петербургский журнал, «Тропинка», выпустил очерк отдельной книжкой под чуть изменённым названием — «Пушкинские уголки» — и с некоторыми поправками. Шведер посвятил эту книгу Семёну Афанасьевичу Венгеру. Выдающийся библиограф одобрил увлечение Евгения литературой и пушкинской темой, а также подарил молодому писателю первый, роскошный, богато иллюстрированный том своего издания Собрания сочинений Пушкина, содержащий подробные комментарии к текстам, отрывки из биографии поэта за соответствующий период и рассказы о людях, которые упоминались в стихах.

Последний номер «Псковитянина» вышел 31 октября 1907 года, причём газета не объяснила читателям причины внезапного прекращения своего издания. Шведер в это время уже сотрудничал в вильнюсских (по-современному — в вильнюсских) газетах и работал в Вильно в Управлении Полесских железных дорог. Однако интереса к пушкинской теме и к Пскову не утратил, каждое лето на месяц приезжал в пушкинские места: в Остров, Опочку, Новоржев, по круп-

цам собирал отголоски преданий о поэте, приобретал книги, журналы, газеты, документы, письма пушкинской эпохи.

Сообщение о том, что в ночь на 23 июля 1908 года в Михайловском сгорел господский дом, заставило Шведера обратиться в новую местную газету «Псковская жизнь». В «Маленьких заметках», напечатанных 6 августа, он возмущался, отмечая равнодушие российской прессы, почти не заметившей это событие, и предлагал восстановить в прежнем виде не только сгоревший дом, но и старинный парк. Развивая эти мысли, Шведер через 11 дней опубликовал там же ещё одни «Маленькие заметки», в которых предупреждал о возможной гибели Тригорского, предлагал выкупить это имение из частного владения и превратить в музей, расчистить парк, воссоздать разобранную баньку... То есть как бы предвосхищал необходимые работы по созданию обширного Пушкинского заповедника.

Уже через 10 дней, 27 августа, газета напечатала отклик на заметку, подписанный «М.О.» (можно предположить, что это был известный журналист, публицист с псковскими корнями Михаил Осипович Меньшиков, публикации которого и тогда воспринимались неоднозначно). «М.О.» назвал пожелания Шведера сплошной маниловщиной, усомнился даже в целесообразности постройки в Михайловском дома, подобного прежнему. Шведер ответил на «резвые суждения» оппонента 10 сентября в очередных «Маленьких заметках». Он напомнил, как берегут за рубежом места, где жили Шиллер, Гёте, Шекспир, и добавил: «О Михайловском и Тригорском мне приходилось писать не раз в различных периодических изданиях. И из писем, из обмена мнений... видно, что сохранение и реставрация этих уголков вызывает глубокий интерес в обществе».

Эта полемика стала началом тесного сотрудничества Шведера с весьма интеллигентной и прогрессивной «Псковской жизнью». Одна из первых его заметок, напечатанная 23 августа, начиналась словами: «Псков — один из богатейших городов — богатейших своими редчайшими памятниками старины, осколками минувшей эпохи, памятниками старинного зодчества». И тут же автор упрекнул земляков, указав, что крепостные стены не только осыпаются от времени, но и растаскиваются обывателями.

В «Маленьких заметках» 17 сентября 1908 года Шведер вслед за Н.К. Рерихом предупреждал, что Псков может потерять другую достопримечательность — коллекцию древностей Ф.М. Плюшкина: её хотят купить иностранцы. Интересовали Шведера и псковские предания. 27 октября 1909 года газета напечатала его этюд «Из легенд древнего Пскова» — по-своему пересказанную сказку о Гремячей башне. Позднее, 6 августа 1913 года, Евгений Шведер через «Псковскую жизнь» обратился к читателям газеты с просьбой сообщать ему устные предания о Крыпецком монастыре.

И к пушкинской теме Шведер возвращался снова и снова. К 110-летию юбилею поэта, 23 мая 1909 года, он напомнил о «пушкинских ветеранах». Через год, 25 мая, в статье «Пушкин и крестьяне» Шведер отметил, что даже окрестные жители не могут объяснить, за что приезжие так почитают Пушкина. По его мнению, нужны небольшие популярные книжки с произведениями и биографией поэта. И в следующем году Шведер сам подготовил брошюру «Странички из жизни А. С. Пушкина», изданную в серии «Дешёвая библиотека для семьи и школы» редакцией московского журнала «Юная Россия». Брошюра состояла из трёх новелл: «Зимний вечер» (который поэт коротал с няней в Михайловском), «Земляника» (купленная Пушкиным у крестьянских детей и отданная им обратно вместе с деньгами) и «Последний приезд» (о похоронах в Святых Горах).

Шведер отнюдь не смотрел на Святые Горы сквозь «розовые очки». Об этом свидетельствуют его «Путевые этюды», напечатанные «Псковской жизнью» в начале июня 1910 года. В них он сетует на то, что здесь трудно получить ночлег, что множеством надписей испачкано надгробие поэта, что не хватает медицинского персонала...

Здесь же, в «Псковской жизни», с августа 1908 до ноября 1910 года печатали рассказы Шведера, а также «Маленькие фельетоны» Сергея Левкоева. А 17 апреля 1910 года газета с гордостью сообщила: *«Наш сотрудник Евгений Шведер на литературном конкурсе имени Гоголя в Москве на днях получил премию в 100 рублей за рассказ «Осенней ночью».* В следующем году рассказ вышел отдельной брошюрой в виленском издательстве «Эдитор», а в 1916 году открыл напечатанный в Петрограде сборник «Рабы жизни», состоявший из 19-ти рассказов Шведера. Вызвал интерес у читателей и другой сборник рассказов для взрослых — «Жажущие любви» (Вильна, 1911).

Шведер печатался не только в псковских газетах, но и во многих других провинциальных изданиях. Его рассказы часто публиковали газеты «Отклики Кавказа» (Армавир), «Костромская жизнь», «Тульская молва», «Саратовская копеечка», «Известия Виленского железнодорожного кружка», реже — «Симбирянин», «Белорусский вестник», «Московские ведомости»...

Библиографические заметки «Псковской жизни» сообщали читателям и о заметном вкладе Шведера в литературу для детей. Многие его издания предназначались для самых маленьких: «Первая Малюткина книжка», «Моим малышам», «Милым крошкам», «Малыши», «Дюжина сказочек для маленьких детей», «Зверинец на столе», «Мамины сказочки»... Некоторые издательства выпускали десятки детских сборников Шведера. Особенно плодотворным было его сотрудничество с редакцией журнала «Юная Россия», печатавшей рассказы Шведера для детей как непосредственно в журнале с таким же названием, так и отдельными тематическими сборниками: «Весенние сказочки» и «Зимние

сказочки», «Из жизни природы» и «Лето красное», «Как возникли железные дороги», «Странички из жизни» — Кольцова, Никитина, Пушкина...

Рижский издатель К.Г. Зихман в 1914—1915 годах составил из 16-ти брошюр Шведера «Популярную библиотеку естествознания» под названием «Родная природа». Она стала, по существу, маленькой детской энциклопедией: «Наш лес», «Наш пруд», «Наша речка», «Наши ягоды», «Наши весенние цветы», «Наши лекарственные травы и растения», «Наши зимующие птицы», «Из мира насекомых», «Из мира птиц», «В лесу и на лугу», «На ржаном поле», «Подземные жители», «Грибное царство», «В лесу зимой»...

В Москве рассказы Шведера издавал М.В. Ключин в качестве приложений к ежемесячному журналу «В школе и дома». Кроме того, они печатались ещё не менее чем в сорока других дореволюционных детских журналах, и особенно часто в «Светлячке», в «Красных зорях», в «Задуманном слове», во «Всходах», в «Путеводном огоньке»...

Для подростков в столице выходили солидные сборники его рассказов: «Гимназистика» (два издания — 1913 и 1915 годов), «Беглецы», «Среди школьников», а также множество более тонких книжек. А первый такой сборник появился в 1910 году в Москве под названием «На заре». Он представляет особый интерес для псковичей, так как там напечатан рассказ «В темноте» — о переживаниях двух мальчишек, чуть не заблудившихся в псковских подземных ходах у крепостной башни. Старшим школьникам предназначались и брошюры Шведера о деятелях русской культуры: Белинском, Гаршине, Надсоне, Рылееве, Радищеве... Две книжки: детская «За обозом» и более основательная повесть «М.В. Ломоносов» — рассказывали об этом выдающемся учёном.

Среди жизнеутверждающих детских произведений Шведера некоторым особняком стоит его большой сборник 1911 года «Дети нужды». Не случайно два его трогательных рассказа на эту тему («В переплётной мастерской» и «Петька») уже в советское время были включены в сборник «В мальчиках» (1925). В этой книге Шведер оказался «по соседству» с такими признанными литературными авторитетами, как Чехов, Короленко, другими мастерами пера.

В псковских и других провинциальных газетах Шведер публиковал не только свои литературные очерки и журналистские заметки, но и библиографические сообщения, пропагандируя и рецензируя произведения своих современников: избранные стихи Ивана Бунина, рассказы Алексея Мошина, Ивана Шмелёва, Андрея Ростовцева, Ивана Белоусова... Более того, Шведер выступил и в роли составителя сборника «Русская лирика» (Киев, 1910; дополнительное издание — Воронеж, 1918). По его инициативе и под его редакцией двумя изданиями вышла книга стихов Лидии Тащиной «Искорки», печатались в газетах и сборниках проза и стихи рано скончавшегося Николая Яценко...

Владея в совершенстве польским — родным языком своей матери, — Шведер ознакомился с новинками польской литературы, а некоторые из них переводил и публиковал на русском языке. «Сатирические очерки и басни» Яна Леманского в переводе Шведера виленское издательство «Эдитор» выпустило в «Образцовой библиотеке» отдельной книгой, а до этого некоторые из них были напечатаны в газетах.

Повышенный интерес общества к 100-летию Отечественной войны нашёл отклик и в творчестве Шведера. В юбилейном 1912 году вышли его небольшие книги «В разорённой Москве», «Мусью», «Историческая повесть», «Враги — друзья», «Встреча»... А в 1914 году армавирская газета «Отклики Кавказа» сообщила, что Шведер предполагал выпустить большой сборник «Легенды о 1812 годе», не состоявшийся не по его вине, и напечатала одну из этих легенд.

Шведер сразу откликнулся и на разразившуюся Первую мировую войну, которую поначалу в угаре патриотизма в России тоже стали называть Отечественной. Уже 23 июля 1914 года он отправил из Вильны первое сообщение о войне в газету «Отклики Кавказа». Газета озаглавила новую рубрику «Письма с Северо-Западного края». Они печатались ещё месяц с подзаголовком «От нашего специального корреспондента» и повествовали о патриотических настроениях населения. Затем в журналах и отдельными книжками стали выходить его рассказы «На войне», «Беженцы», «В лазарете», «За родину», «В зареве войны»...

Война сломала привычный уклад жизни Евгения Шведера. В 1915 году немецкие войска приблизились к Вильне, и служащих Полесских железных дорог эвакуировали из города. Так Шведер с одним чемоданом оказался в Москве. До конца жизни в письмах к советским литераторам он с грустью вспоминал о погибших в Вильне 15 тысячах томов своей уникальной библиотеки, несколько полок которой занимали книги с автографами многих современных ему авторов. Начинаются переезды по стране ради обеспечения сносной жизни семьи, в которой воспитывались сыновья Анатолий и Евгений и дочь Ирина. В 1916 году Евгения Шведера перевели в Воронеж на должность начальника коммерческой службы Управления железной дороги, через шесть лет пригласили в Харьков, ещё через два года — в Хабаровск, и, наконец, в конце 1924 года состоялся последний переезд — в Екатеринослав (ставший вскоре Днепропетровском) на должность главного контролёра Управления дороги. Впрочем, уже через два года после этого по состоянию здоровья 30-летнюю службу на железной дороге пришлось завершить. Затем Шведер работал скромным экономистом в учреждениях города, а с 1936 года и до войны — даже библиотекарем Дворца пионеров, подрабатывая чтением лекций и литературными работами.

Все три десятилетия после Вильны Шведер продолжал ставшую потребностью писательскую работу. Московские издательства в 1917—1918 годах

выпустили в свет ряд его произведений, навеянных войной против Германии и Австро-Венгрии: «Сказки и легенды славянских народов», а также сборники «Сербия» и «Черногория» со сказками, легендами и преданиями этих стран. Даже за один год, прожитый в Хабаровске, он собрал предания народов Дальнего Востока, изучил своеобразную природу этого края. Однако к этому времени исчезли прежние издательства и журналы, литературные связи Шведера были утрачены. Опубликовать созданные по собранным материалам рассказы не удавалось. Во Владивостоке в свет вышла только маленькая брошюра «Амурский дикий виноград».

В Днепропетровске Шведер не оставил давнее увлечение пушкинской темой, многие годы изучал в местном архиве материалы, касавшиеся пребывания поэта в Екатеринославе, фонды генерала Инзова и Державина, печатал об этом заметки в газете «Звезда», а вырезки высылал в Москву известному пушкинисту М.А. Цявловскому. В 1930—1931 годах библиотека «Мурзилки» издала пару его детских рассказов — «Рак-усач», «Куку-охотник». Днепропетровская писательская организация в 1936 году выпустила литературно-художественный сборник «Товарищи» в поддержку борьбы испанского народа против фашизма, в него вошёл и рассказ Шведера «Клинок Батисте» на украинском языке.

Днепропетровск был захвачен немецкими войсками 25 августа 1941 года. Во время оккупации журналистская работа в «Днепропетровской газете» не могла обеспечить семью. Пришлось вместе с компаньоном держать парёк канцелярских и прочих мелких товаров. А после войны, 12 февраля 1946 года, Шведера арестовали за сотрудничество в профашистской газете, 21 февраля поместили в тюремный лазарет из-за болезни сердца, и уже 1 марта он там скончался.

Более 50 лет его имя не включали ни в какие литературные справочники. Только 15 января 1998 года по заявлению племянницы Шведера Регины Галяевой, живущей в Пскове, прокуратура Днепропетровской области реабилитировала Евгения Иосифовича Шведера «за отсутствием в его действиях состава преступления».

Многогранная литературная деятельность Шведера достойна углублённого изучения литературоведами, а его рассказы для детей и взрослых, произведения на пушкинские темы следует переиздать и сделать доступными для современных читателей.

Пушкинисты

В послевоенные годы литература о пушкинских местах Псковской земли стала обширной, интересной и разнообразной. Это — результат плодотворной деятельности многих трудолюбивых исследователей, вдохновлённых гением Пушкина. Их мы привыкли называть пушкинистами. Слово твёрдо вошло в наш обиход. Его ещё не было у С.И. Ожегова в «Словаре русского языка» (1953). Зато, к примеру, в академическом «Орфографическом словаре русского языка» (1969) рядом со словом «пушкинист» можно увидеть целый «букет» слов, вызванный нашим всеобщим почитанием Пушкина: пушкиниана, пушкинизм, пушкиноведение, пушкинский. Интересно также, что слов, образованных таким же образом (с суффиксом «-ист») от фамилий других известнейших русских и зарубежных писателей, ни в словарях, ни в разговорной речи не встречалось. К их фамилиям для этой цели иногда прибавляют «-вед» (к примеру, шекспиrowед), но звучит такое слово не столь значимо, весомо и торжественно.

К сожалению, жизнь человеческая довольно коротка, и в предыдущие годы нас покинули наиболее известные исследователи псковских страниц творчества поэта, авторы самых популярных книг о Пушкинском Заповеднике. В августе 1993 года умер Семён Степанович Гейченко. Через полгода не стало Марианны Яковлевны Басиной. А летом 1997 года скончался её муж Аркадий Моисеевич Гордин. Хочется напомнить о богатом литературном наследии творческой семьи Гордина-Басиной и её псковских корнях.

Гордин — наш земляк. Его отец, псковский купец 1-й гильдии Моисей Гаврилович, был крупным лесопромышленником и вёл дела с известным местным предпринимателем Георгом Викенгейзером, вывозя лес из новоржевской глубинки и сплавляя его по Сороти и Великой. По семейному преданию, Моисей Гордин видел празднества 1899 года в Святых Горах, посвящённые столетию со дня рождения Пушкина.

За первые годы семейной жизни в Пскове его супруга Мария Антоновна (дочь преподавателя вильнюсской гимназии Ивантера) родила трёх мальчиков: Александра (1901), Арнольда (1903) и Владимира (1906). Псковские газеты сообщали о большом пожаре в квартире Гординых на втором этаже углового дома Гельдта на Пушкинской и Архангельской, случившемся в полночь 13 июля 1906 года, когда семья жила на даче в Черёхе. Это здание сохранилось, в нём недавно вместо областного комитета по культуре и туризму разместилась администрация областной филармонии. Цел и красивый трёхэтажный

особняк А.Ш. Ипьяшева на Кахановском бульваре (ныне дом № 46 на Октябрьском проспекте), куда Гордины переехали лет через пять после того пожара. Строительство этого здания по проекту и под надзором городского архитектора Эдуарда Гермейера завершилось ещё к осени 1907 года. Здесь 17 (30) октября 1913 года у них родился четвёртый сын — Аркадий.

Вениамин Каверин в автобиографическом романе «Освещённые окна» много раз вспоминает о своих приятелях — братьях Гординых. Старший из них, Александр, осенью 1911 года вместе с Кавериным поступал в подготовительный класс псковской гимназии и, в отличие от Вениамина, решил арифметическую задачу и был принят. Во время немецкой оккупации 1918 года шестиклассник Каверин устроил с друзьями забастовку гимназистов и обращался в старший класс к «умному, скептическому» Саше Гордину за дельными советами (позднее Александр окончил политехнический институт, работал советником министра финансов).

Второй сын Гординых, Арнольд, был однокашником и одним из друзей Каверина, до конца поддерживал ту ученическую забастовку, стоял в пикетах, тоже отказался подать прошение с извинениями. В оккупированном Пскове они доставали попадавшие из-за линии фронта большевистские газеты, листовки, раздавали солдатам социалистическую брошюру на немецком языке. Однажды, когда Каверин был у приятеля, к Гординым пришли двое в штатском. *«Если бы мать Арнольда не прислала к нам его трёхлетнего братишку, мы не догадались бы, что это — обыск. Очень хорошенький мальчик в бархатной курточке*

с бантиком вошёл и весело сказал: — А мама велела тебе, чтобы сгорели газеты. В комнате топилась голландская печка. Минуты не прошло, как в топку полетела вся наша подпольная литература», — вспоминал Каверин. Он только чуточку ошибся: Аркаше — «хорошенькому мальчику в бархатной курточке» — в 1918 году исполнилось пять лет.

Еще весной 1917-го, в четвёртом классе, Каверин мысленно разделил класс по политическим взглядам. «Будущая революция смело могла рассчитывать на Арнольда Гордина...». И действительно: Арнольд был делегатом X партсъезда, штурмовал по льду Кронштадт, стал знающим инженером-электриком... Известно, как революция «отблагодарила» своих сынов: ему пришлось 20 лет провести в лагерях и ссылках, прежде чем он — в конце жизни — добился реабилитации и стал работать главным энергетиком Норильского комбината.

А «хорошенький мальчик» Аркадий с 1922 года пошел во 2-ю школу 1-й ступени, размещавшуюся в здании бывшей Мариинской женской гимназии (теперь там, в Комсомольском переулке, — Псковский технический лицей). Впрочем, ненадолго: через три года Гордины переехали в Питер. Там семью на первое время приютил у себя Юрий Тынянов. Аркадий учился в 206-й школе на Фонтанке у Чернышёва моста — одной из лучших в Ленинграде, созданной на базе хорошо оборудованного Купеческого училища, с прекрасными педагогами. Здесь тогда же занимался его тезка — Аркадий Райкин, и они вместе участвовали в школьных спектаклях. Позднее Аркадий Моисеевич Гордин поделился воспоминаниями о том, как начинался Райкин.

В отличие от своих братьев-инженеров, Аркадий Гордин поступил на филологический факультет педагогического института имени Герцена. Одновременно он набирался учительского опыта: ещё студентом преподавал в младших классах своей 206-й школы. Уже через год после окончания института его статьи по дореволюционной и современной русской литературе начали печатать в журналах. А в 1938 году Гордина пригласили заведовать редакцией русской литературы Ленинградского отделения «Учпедгиза». Он умел привлекать к работе по изданию книг для школьников талантливых людей: писателя Алексея Толстого, вернувшегося из эмиграции художника-иллюстратора Ивана Билибина, будущего академика-языковеда Льва Щербу, освобождённого из заключения Дмитрия Лихачёва...

В те годы при Герценовском институте создали детскую экскурсионную станцию, откуда учащихся возили и в Пушкинский Заповедник. Это было тогда не столь утомительно, так как до войны железная дорога из Пскова на Полоцк шла через Тригорское, а у Вороница устроили туристский лагерь. Молодого 25-летнего Аркадия Гордина увлекла работа экскурсовода; в свободное время он часто возил в Пушкиногорье туристские группы и сразу почувствовал, что нужен хороший путеводитель. Конечно, знающих, опытных экскурсоводов было нема-

ло. Но только Гордин взял на себя труд создать книгу «Пушкин в Михайловском. Литературные экскурсии». Её выпустил «Учпедгиз» уже в начале 1939 года. В предисловии автор пишет: *«Эта книга — результат двухгодичного опыта экскурсионной работы в Государственном Пушкинском Заповеднике со школьниками из Ленинграда, Москвы, Тулы и других городов Союза»*. Две с лишним сотни страниц путеводителя вместили тексты шести экскурсий по заповеднику и заключительную главу «В помощь экскурсоводу».

Заповедник нуждался и в достойном музее. Гордина пригласили в Михайловское — помогать, редакция «Учпедгиза» дала ему творческий отпуск, и всю предвоенную зиму он провёл за работой над экспозицией.

С началом войны политработник Аркадий Гордин разъезжал по частям Ленинградского фронта, выступал перед бойцами с лекциями и беседами. Весной 1942 года, голодного и больного, его вывезли по Ладоге и положили в госпиталь. Затем Наркомпрос направил Гордина в Нижний Тагил. Там он был директором огромной школы для двух тысяч мальчиков, решал массу хозяйственных вопросов, разбил большой школьный огород... И преподавал в учительском институте.

В Академии наук не забыли о довоенной работе Гордина в Михайловском. Сразу после войны его назначили заместителем директора Пушкинского Заповедника по научной части. За пять лет было сделано очень много, заново была создана экспозиция в восстановленном к 150-летию юбилею доме поэта; появилось множество статей и заметок в «Пушкинском колхознике» и в «Псковской правде»; псковская типография трижды печатала его новую книжку «Пушкинский заповедник». Её первое издание, сданное в набор 6 февраля 1947 года, можно считать своеобразным памятником тому времени: четыре десятка листов грубой бумаги в мягкой обложке с 17-ю коричневыми иллюстрациями, тираж — 8 тысяч экземпляров. Второе издание через полтора года получилось чуть лучше: на десяток страниц больше, да и тираж 20 тысяч... В первых выпусках забытого ныне литературного альманаха «На берегах Великой» за 1947 и 1949 годы поместили две исследовательские работы Гордина: «Псковский край в поэзии Пушкина» и «Вновь я посетил тот уголок... (Пушкин в Михайловском в 1835 году)». Псковские школьники и сейчас могли бы использовать их при подготовке рефератов и сочинений о творчестве поэта.

Но к 1950 году идеологическая обстановка в стране резко ухудшилась: борьба с «космополитами» и «дело врачей» требовали новых жертв. Беспартийного заместителя директора в Пушкинском заповеднике власти больше терпеть не пожелали. Пришлось перейти на преподавательскую работу в Герценовский институт.

Вскоре Гордин нашёл новую, познавательно-иллюстративную, форму рассказов о великих русских писателях. В 1951 году в качестве пособия для

учителей средней школы «Учпедгиз» выпустил первую книгу А.М. Гордина в этой серии — «В.Г. Белинский в портретах, иллюстрациях, документах». За два десятилетия вышли подобные издания о Гоголе, Грибоедове, Крылове, Блоке. Некоторые из них, с дополнениями, появились и вторым изданием. А накопленный при работе материал требовал новых публикаций. Так удалось выпустить книги «Грибоедов в русской критике», «Крылов в Петербурге», «Александр Блок и русские художники» (последняя — в соавторстве с сыном Михаилом).

И все-таки пушкинская тема по-прежнему оставалась главной в творчестве Аркадия Моисеевича. Уже в 1952 году издательство Академии наук выпустило заново созданную солидную книгу «Пушкинский заповедник» — на 287 страницах, хорошо иллюстрированную, большого формата. Через четыре года новый, значительно переработанный её вариант, тоже снабжённый сносками, подстрочными научными комментариями, выпустило издательство «Искусство». А более популярную книгу для массового читателя, малого формата и без сносок, это же издательство выпустило в 1963 году.

Затем Гордин создает одну из самых популярных у земляков книг «Пушкин в Псковском крае» (1970). За два последующих десятилетия она была дополнена новыми материалами и появилась в 1989 году под названием «Пушкин в Михайловском». Все эти научно достоверные и высокохудожественные произведения стали настольными книгами псковичей. А для псковских экскурсоводов они — главный источник знаний о пушкинских местах нашего края.

Аркадий Моисеевич интересовался пушкинскими местами не только на Псковской земле. Об этом свидетельствует прекрасный альбом «Пушкинский Петербург», выпущенный им в издательстве «Художник России» (1974). Трудно оторваться, любясь вторым, дополненным изданием этого роскошного, крупноформатного альбома (1991): цветные репродукции 230 картин и гравюр, более сотни страниц текста, украшенного тридцатью рисунками Пушкина. В северной столице не менее популярна увлекательная книга «Путешествие в пушкинский Петербург» (1983) с рассказом о жизни города в прошлом веке, созданная вместе с сыном Михаилом. А вместе со старшим сыном Яковом они подготовили брошюру о площади Декабристов (Сенатской площади). Добавим сюда ещё ленинградский альбом А.М. Гордина «Город глазами художников». Особый интерес представляет его совместная с Михаилом большая книга «Пушкинский век» (1995).

Редактировал Аркадий Моисеевич крупное издание 1963 года «Здесь жил Пушкин. Пушкинские места Советского Союза. Очерки». В этой книге его перу принадлежат введение и рассказ о Святогорье. Он также составил и сопроводил текстом два красочных альбома, выпущенных Лениздатом в 1971 и 1986 годах: «По пушкинским местам («Там некогда гулял и я...»)» и «Волшебные места, где я живу». В них есть как петербургские, так и псковские главы. А первый скром-

ный фотоальбом «Пушкинский заповедник» с 37-ю снимками он подготовил и прокомментировал ещё в 1964 году.

Опыт музейной работы на Псковской земле также оказался востребованным. В 1957 году Гордина снова пригласили на должность заместителя директора и главного хранителя музея — Всесоюзного музея А. С. Пушкина, в Ленинграде. Особенно много ему пришлось потрудиться над созданием экспозиции филиала музея — в лицее бывшего Царского Села. Там же, в городе Пушкине, он выявил дачу Китаевой, на которой Александр Сергеевич с молодой женой провёл первое «семейное» лето — лето 1831 года. Это здание тоже удалось превратить в музей, а Гордин уже в 1959 году составил путеводитель по нему.

Используя в своих работах множество документов и литературных источников о Пушкине, Гордин стремился сделать хотя бы некоторые из них доступными для современных читателей. Так, он стал составителем, комментатором и автором вступительной статьи к «Воспоминаниям, дневникам, переписке Анны Петровны Керн», и эта книга трижды за 15 лет выходила изящными изданиями в серии литературных мемуаров. Огромного труда потребовало составление солидного сборника «П. И. Бартенев о Пушкине», в котором по крупицам были собраны разбросанные по многим журналам и книгам исследования и заметки этого крупнейшего дореволюционного биографа Пушкина. Подробнее об этой книге было рассказано в «Псковской правде» 26 августа 1992 года — сразу после выхода сборника (см. статью «Пушкиниана и рынок» в настоящем издании). А через два года под научной редакцией и с предисловием Гордина в серии «Мир Пушкина. Семейные бумаги Пушкиных-Ганнибалов» вышел второй том — «Письма Ольги Сергеевны Павлицевой к мужу и отцу, 1831—1837», в котором переписка сестры поэта была проиллюстрирована редкими портретами и гравюрами. До последних дней жизни Аркадий Моисеевич готовил к изданию в этой же серии и документы Ганнибалов.

Даже через сорок лет после вынужденного отъезда из Пушкиногорья Гордина продолжала волновать судьба Заповедника и Святогорского монастыря. В 1991—1993 годах он несколько раз выступал в «Псковской правде» с острополюемическими статьями и открытыми письмами на эту тему. По приглашению сотрудников Заповедника в сентябре 1994 года, несмотря на свои 80 лет, он в последний раз посетил дорогие его сердцу места.

Аркадий Моисеевич скончался в С.-Петербурге 25 июня 1997 года. Его сыновья по скромности не сообщили о смерти отца в Псков. Об этом случайно стало известно во время поездки в С.-Петербург, после чего в «Вечернем Пскове» 16—17 марта 1998 года появилась обширная публикация «Вдохновлённый гением Пушкина. Памяти пушкинистов», переизданная сразу журналом «Псков» в № 9 за 1998 год. Отозвалась и Псковская областная научная библиотека, устроив выставку книг в память А. М. Гордина. Об этой выставке было подробно

рассказано в «Псковской правде» 9 апреля 1998 года. В следующем году, 4 июня, во время празднования 200-летнего юбилея со дня рождения Пушкина, по решению администрации города Пскова на доме № 46 на Октябрьском проспекте была открыта мемориальная доска с указанием о том, что здесь родился и провёл детские годы писатель-пушкинист Аркадий Гордин.

Книга Гордина «Пушкин в Михайловском», изданная в 1989 году, имеет посвящение: «Марианне Яковлевне Басиной — моему неизменному соавтору в жизни и в литературной работе». Они познакомились во время учебы в Герценовском институте, поженились в 1934 году и прожили вместе шесть десятилетий.

Басина посвятила немало книг литературным местам Ленинграда. Это документальные повести о «великих обличителях»: Некрасове («Литейный. 3б»), Гоголе («Петербургская повесть») и Достоевском («Сквозь сумрак белых ночей»); детские книги: «Здравствуй, Ленинград» (два издания) и для самых маленьких — «Мы идем по Ленинграду», изданная трижды в 1963—1973 годах. Но всеобщую известность приобрели её четыре повести о Пушкине, не раз переиздававшиеся: «В садах лицея», «На берегах Невы», «Далече от берегов Невы», «Там, где шумят Михайловские рощи». Оценку им дал Д.С. Лихачёв: *«...В прозе М.Я. Басиной соединены научная точность с художественностью и увлекательностью изложения, чистотой и ясностью языка... Тираж книг М.Я. Басиной о Пушкине приближается к миллиону экземпляров. И, несмотря на это, они стали библиографической редкостью». И далее: «Я знаю по своим внукам и внукам друзей, какой интерес вызывают эти книги у школьников. Увлекательные, прекрасно иллюстрированные, они имеют большое эстетическое и нравственное значение для воспитания сегодняшней молодежи... составляют единственную в своем роде документальную художественную биографию поэта...»*

Эти отрывки из предисловия Д.С. Лихачёва к новому, уже посмертному изданию знаменитых книг Басиной. Аркадий Моисеевич успел отредактировать переиздание только первой из них — «В садах лицея» (1996). Вторая вышла стараниями их сыновей. Так что А.М. Гордин и М.Я. Басина оставили после себя не только добрую память и богатое литературное наследие, но и достойных продолжателей своего дела — писателей Якова и Михаила Гординых

В ЭТОМ ДОМЕ
РОДИЛСЯ И ЖИЛ
С 1913 ПО 1925 гг
ПИСАТЕЛЬ - КРАЕВЕД,
ПУШКИНИСТ
АРКАДИЙ
МОИСЕЕВИЧ
ГОРДИН

Пушкиниана и рынок

Неузнаваемо изменился книжный рынок. На первый взгляд, наконец-то ликвидирован извечный дефицит интересной книги. Вроде бы это — первая победа новых рыночных отношений. Издательства, предприниматели быстро перестроились и печатают массу книг, которых раньше почти не выпускали и которые, если выходили в свет, мгновенно бывали раскуплены, чаще по знакомству. Детективы Чейза и Агаты Кристи, вечно популярный Дюма и Валентин Пикуль, книги на религиозные темы и многое другое свободно лежит на прилавках. Книги продают не только в книжных магазинах, но и прямо на улицах: в самых людных местах появились киоски, а то и просто столики.

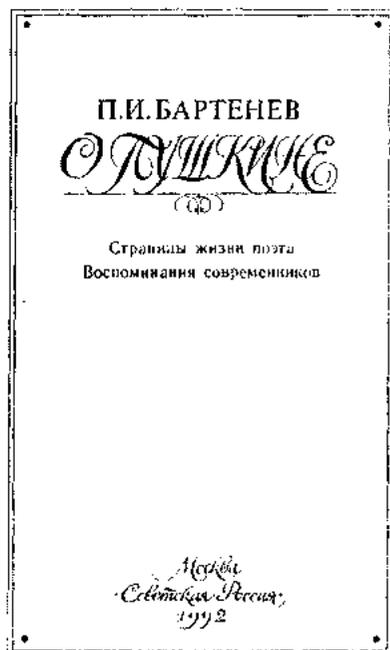
Поначалу покупателей отпугивали непривычно высокие цены. Но вскоре выявился новый парадокс: по сравнению с тем, сколько стоят колбаса, овощи и фрукты, книги теперь никак нельзя назвать дорогими. Но люди всё чаще проходят мимо них, озабоченные покупкой продуктов...

Надо ли в таких условиях удивляться, что среди этого внезапно нахлынувшего книжного изобилия не видно русской классики. Конечно, на Пушкине, Гоголе и Некрасове не заработаешь. Книгоиздатели сомневаются, купят ли «Евгения Онегина» или «Повести Белкина» за полсотни. И, не желая рисковать, просто перестают печатать произведения Пушкина.

Тем более приятно сообщить читателям о выходе сборника, озаглавленного «П.И. Бартечев о Пушкине. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников». В книжных проспектах он был объявлен ещё в 1990 году. Но только через два года издательство «Советская Россия» (уже принимая новое имя — «Русская книга») наконец смогло его выпустить. И то, наверно, потому, что сократило первоначальный объём книги, убрало подготовленный составителем именной указатель и даже подробное оглавление, пытаясь превратить научно-популярное издание в книгу «для детей старшего школьного возраста».

Рассказать об этой книге псковичам необходимо и потому, что до наших книголюбов сборник может и не добраться, несмотря на пятидесятитысячный тираж. Прежняя распределительная система продажи книг отменена: кто скупил сборник у издательства — неведомо, в столицах его сразу распродали, а на книжной базе в Пскове он так и не появляется. Хорошо, что областная библиотека получила обязательный экземпляр этого ценного пополнения пушкинианы.

Пётр Иванович Бартечев (1829—1912) всю свою долгую сознательную жизнь посвятил собиранию материалов и воспоминаний о Пушкине, считая его

Титульный лист книги

«величайшим из русских писателей, имеющим по духу своего творчества значение всемирное». Бартенев начал искать и расспрашивать знавших Пушкина через полтора десятилетия после его гибели, побуждал их к составлению мемуаров либо сам записывал рассказы современников поэта, собирал или копировал неизвестные пушкинские тексты, письма, документы... Так накапливались бесценные материалы для биографии Пушкина, первые страницы которой также были написаны самим Бартевым. Уже в 1853 году появился его очерк «Род и детство Пушкина», затем — обстоятельные исследования «Александр Сергеевич Пушкин, материалы к его биографии» и «Пушкин в Южной России».

Большая заслуга Бартева перед российской наукой — создание первого серьёзного исторического журнала «Русский архив». Половину столетия, с 1863 года и до самой смерти, Бартев

оставался его бессменным издателем, редактором, составителем и главным автором. Здесь впервые публиковались многие документы, мемуары, дневники, письма, раскрывавшие страницы истории России.

На страницах «Русского архива» Пётр Бартев публиковал и собираемые им материалы о Пушкине. Часть из них он затем издал в двух сборниках: «Бумаги А.С. Пушкина» (1881) и «К биографии А.С. Пушкина» (1885). Можно с уверенностью сказать, что без трудов Бартева наши знания о поэте были бы намного беднее. Он и сам понимал ценность своих работ, посвящённых Пушкину: «За это собрание поблагодарит нас будущий его жизнеописатель».

Однако для современных пушкинистов-«жизнеописателей», а тем более для широкого круга интересующихся Пушкиным работы Бартева о нём труднодоступны. Они публиковались не только в «Русском архиве», но и во многих других дореволюционных изданиях, никогда ранее вместе не были собраны, а в советское время совсем не переиздавались. Вот почему появление сборника «Бартев о Пушкине» стало незаурядным явлением. Его отметили в июне 1992 года «Независимая газета» и «Литературная га-

зета». А парижская «Русская мысль» поместила о нём обстоятельную доброжелательную рецензию.

Сборник содержит не только упомянутые биографические исследования о Пушкине и его менее крупные заметки о поэте, но и воспоминания о Пушкине, записанные Бартеневым, а также мемуары, составленные по его просьбе и опубликованные им. Много интересного найдут здесь изучающие жизнь Пушкина в Псковском крае: рассказы о первых приездах поэта в Михайловское и о попытке перебраться сюда насовсем в 1836 году, о встречах с Великопольским и с псковским епископом Евгением (Казанцевым), о поездке в Лямоново к Горчакову, о собирании Пушкиным псковских песен, комментарии к письмам П.А. Осиповой Жуковскому и Дельвига к ней, записи воспоминаний, сделанные послушником Святогорского Успенского монастыря...

Обстоятельная вступительная статья составителя даёт яркий образ первого пушкиниста России. А каждый публикуемый материал сопровождается примечаниями, которые показывают, как современная пушкинистика относится к фактам, сообщённым Бартеневым. Составителем сборника является наш земляк Аркадий Моисеевич Гордин. Для него Псков — родной город с воспоминаниями о детских годах и учёбе в школе.

Не менее родным и любимым стал для Гордина Пушкинский Заповедник. Незадолго до войны он помогал заповеднику создавать экспозиции. Тогда же, в 1939 году, «Учпедгиз» издал его первый путеводитель «Пушкин в Михайловском. Литературные экскурсии». Ещё пять послевоенных лет Аркадий Моисеевич продолжал работать там, но уже заместителем директора Заповедника по научной части. До сих пор настольной книгой псковских экскурсоводов остаётся известная работа Гордина «Пушкин в псковском крае» (1970). А через два десятилетия, в 1989 году, псковичей порадовало более полное издание этой книги под привычным названием «Пушкин в Михайловском».

Более полувека наш земляк изучал и прославлял пушкинские места родного края. И не только Псковской земли. Вспомним хотя бы увлекательное «Путешествие в пушкинский Петербург» (1983), составленное вместе с сыном Михаилом. Да и сборник трудов Бартевева о Пушкине — не первая работа такого рода. Широкую известность получили три издания воспоминаний, дневника и писем Анны Петровны Керн. Они тоже сопровождались комментариями и вступительной статьёй составителя.

Хочется верить, что, несмотря на российские особенности нарождающегося рынка, произведения Пушкина и труды о нём будут всё-таки печатать. То же издательство «Русская книга» проанонсировало переиздание «Дневника» Алексея Вульфа, тригорского соседа и доброго приятеля Пушкина. Естественно, что книгу захотят приобрести и псковские читатели. И опять тот же вопрос: смогут ли? Появится ли книга на прилавках местных книжных магазинов?

Содержание

<i>Елена Ступина. Нет места лени и нелюбопытству...</i>	3
Третий дом губернатора (Пушкин у псковского губернатора Адеркаса)	5
Из псковских легенд о Пушкине	9
Легенда о пушкинском крестнике и некоторые другие подробности о псковских Назимовых и Набоковых	11
Кто сочинил «стихотворение Пушкина»?	25
Первый краевед-пушкинист	29
«Здесь временно проживал...»?	42
Первый рисунок сельца Михайловского	51
Инициатор первого Пушкинского праздника	66
<i>Приложения. Пушкинские торжества в Пскове и в Святых Горах (из местной прессы 1899 года)</i>	77
Поэт «К.Р.» и Пушкинский праздник	99
Мечта о ежегодных пушкинских праздниках	108
Фонд имени Пушкина в Псковском уезде	121
«Пушкинский уголок» Евгения Шведера	125
Пушкинисты	133
Пушкиниана и рынок	140

Научно-популярное издание
МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА
Выпуск 46

Н.Ф. Левин
Псковичи — во славу Пушкина

Редактор Л.А. Токарева
Корректор Т.П. Николаева
Компьютерная вёрстка: И.Г. Александрова

Издательство ГППО «Псковская областная типография»
180004, Псков, ул. Ротная, 34

Подписано в печать 28.09.2008. Формат 60x88 1/16. Гарнитура Arial Narrow.
Печать офсетная. Объем 9 печ. л. Заказ № 944. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ГППО «Псковская областная типография».
180004, Псков, ул. Ротная, 34

ISBN 978-5-94542-234-6

9 785945 422346 >